Михаил Гундарин

АННА КАРНЕГИНА

Барнаул-2014

Авантюрная повесть о фантасмагорической эпохе начала 90-х - со стрельбой, новыми русскими, криминальными разборками, песнями и любовью. Главный горой, подпольный провинциальный философ, оказывается втянут в невероятные события – но не сам ли он этого хотел, да и не сам ли все это и выдумал? Рассказы продолжают тему на современном материале.

(с) Михаил Гундарин, текст

АННА КАРНЕГИНА

Часть первая. Физика Сизифа

1.

Ну а потом соломинка все же попала мне в нос, и я проснулся. Проснувшись же, первым делом вспомнил, как я с этой соломой всю ночь боролся - отгребал в бессознательном состоянии от лица. Я боялся быть похороненным заживо. Даже в этом стогу на этом сеновале. А если задуматься, в нем особенно.

Все, слава Богу, миновало. Я кое-как сполз вниз, как следует потянулся – а взглянув обратно, увидел пару больших голых пяток. Ага, Вишневый, сообразил я, просыпаясь окончательно. Толстый Вишневый спит. А ведь утро, и нас ждут - именно сегодня - разные великие дела.

Зевая и почесываясь, отряхиваясь отчасти (под рубаху проклятое сено-солома все же набилось), я вышел во двор. Был конец июля 1993-го года, этот день - повторю, именно этот день, именно 30 число - мне предстояло запомнить надолго. Но обо всем по порядку.

По большому двору, огороженному растрескавшимися жердями, мелкими стайками бродили мелкие же пестрые куры. Трава здесь уже выгорела, а местами так и просто была вытоптана, вбита в землю неведомыми, слоновьими знать, ступнями.

Я вышел со двора, сунул голову под колонку, не без труда наловчившись одной рукой нажимать тяжелый и скользкий рычаг. Холодная вода ударила мне в затылок, сбила очки. Чертыхаясь, я нащупал их в непросыхающей мелкой лужице, сунул дужку в рот и повторил процедуру. Что ж, бодрит.

Вокруг не было ни души. Крестьяне, знать, на сенокосе. Уборке зерновых-бобовых. Хозяйка большого, но полуразвалившегося уже дома, отсиживается в прохладной его глубине. Или пошла по безлюдным, словно пораженным неведомым вирусам, улицам за солью и спичками в далекий магазин.

Да и вчера нам с Вишневым пришлось пить вдвоем. И даже самогона не у кого было спросить, пили водку из сельпо. Ужасная, *паленая* откровенно. Да хорошую где и в городе найдешь? Времена-то какие. Вишневый утверждает, что и в Москве *палят* все, даже виски в супермаркетах. Туда заезжают люди на «ягуарах» цвета брызг шампанского, «ягуары» настоящие, а виски, которые покупают их владельцы, поддельное. Уж про само шампанское и не говорю! Милиция продажна на корню, и только бывший КГБ, как бы он ни назывался, стоит на страже. Сомневаюсь. Вишневому-то говорить так положено по чину. У меня чинов нет - и слава Богу. Совершенно не лукавлю. Я вольный художник на жаловании Бюро статистики. Ушел в отпуск, поехал с другом в деревню Лукьяновку. А на самом деле... Но об этом пока молчок.

Наша хозяйка, отдаленная родственница Вишневого (скорее всего, именно родственница, на агента не тянет) была глуха как бочка. Или притворялась. Смотрела косо, кормила так себе - картошкой, молоком,

хлебом. Я попал в деревню чуть ли не первый раз за 20 лет. Ничего особо не изменилось.

Вишневый все спал, беззвучно подрагивая грязноватыми пятками. Не отравился ли водкой? Вчера, в глухом, сыром помещении сельпо нас встретило настоящее водочное разнообразие. «Круто!» - воскликнул Вишневый. Я объяснил ему, что все разливается из одной бочки, куда дядя Вася (он высунулся из подсобки и тут же спрятался, пропал) наливает технический спирт, пару ведер воды и мешает все получившееся граблями. Или вилами. Потом разливает, используя медную воронку, доставшуюся от немецких оккупантов. «Здесь не было оккупантов, - поправил меня Вишневый, тяжело, как бы обиженно, сопя и деря пятерней бороду - здесь Сибирь. Здесь был Колчак». Умный, однако, москвич.

В любом случае, выбирать стоило только по дизайну этикеток. Я хотел взять зеленую «Московскую Особую», с изображением плохо пропечатанного здания со шпилем, что ли. ВДНХ? Казанский вокзал? А вот «Столичной» с приукрашенной, осовремененной – или возведенной, наоборот, в проектный абсолют, к истокам - гостиницей на обложке здесь не было.

Вишневый настаивал на «Пшеничной» якобы нашего, П-ского разлива. С желтенькими колосьями, из-за халтурной печати расползшимися по всей белой этикетке. То есть, я хотел сделать приятное ему, гостю, он мне - хозяину. С другой стороны, он ведь и сам родился в этих местах, а что увезен в бессознательном возрасте - можно в расчет не брать. Отец его был полковником КГБ, сын, сдается мне, успешно продолжил династию.

В итоге мы купили обе бутылки. И третью, совсем без этикетки, специально в расчете на местных девушек, чьи вкусы нам были неизвестны. Вишневый хотел познакомиться с доярками или телятницами, я мечтал о нежной библиотекарше или учительнице русского, первый год работающей в этой глуши, и вспоминающей с ностальгией о городских развлечениях, порою невинных, порою не очень. Да только как бы не так!

Девушек мы, стало быть, не нашли, а водку, конечно, выпили. Вот и результат - голова болит, во рту тоже ничего хорошего. Похмелиться нечем, надо ждать хозяйку, спрашивать парного молока, хотя бы воды (та, что из колонки пахнет тиной). Солнце тем временем стало жарить вовсю.

- Эй, вставай… - я безо всякой надежды потянул своего компаньона за ногу. Вишневый – настоящий жизнелюб, толстый и бородатый. Уж если он спит, так спит. И правильно, правильно делает!

А день ответственный. Увы, я и не подозревал, до какой степени!

2.

Итак, мне 25 лет, а значит, и именно поэтому, сейчас 1993 год. Я родился и до 17 лет жил в нашем областном городе П. Затерянном в Западной Сибири, невдалеке от китайской границы, горной, непроходимой. Десять лет назад у меня, в глупейшей автокатастрофе, погибли родители. Мы остались вдвоем с сестрой, младшей меня на три года. Сплошная арифметика, к которой, кстати сказать, я неравнодушен. И дела нет, что перемножить двузначные числа всегда было для меня

непосильной задачей. Не терплю же я П-скую футбольную команду «Динамо», или местную рок-группу «Броненосец «Потемкин», а вот футбол и музыку *в принципе*, как некие отвлеченные идеи, обожаю

Я был подросток резкий, спекулировал пластинками, часто дрался. Меня выручал где-то выученный прием джиу-джитсу – удар снизу вверх согнутыми пальцами в ноздри противника. Кровь из его носа при этом хлещет неожиданно бурно.

Но я тогда еще и стихи писал. Делая успехи, подавал надежды тож. Местный мэтр Семибородов, автор «Таежной эпопеи», которому (за неимением кого-либо более подходящего) я принес свои первые опыты, оценил их высоко. Как бойкие, но, увы, проникнутые чуждым, западническим духом. Ага. Он впервые напоил меня до полусмерти настойкой местного изготовления – как можно догадаться, она звалась «Таежной»! Будучи произведенной из опилок русских сосен, идущих ушлым японцам за сущие копейки и презервативы, и вот, частично спасенных местной *ликеркой.*

Некоторое время мы жили с сестрой вдвоем, год спустя появились какие-то родственницы, долго удивлявшиеся тому, что мы прекрасно обходились без них. Может, это вообще был лучший год в моей жизни. Теперь же мне оставалось только уехать, что я и сделал, отправившись в Москву и поступив там к удивлению знакомых (и своему отчасти) на физический факультет. Нет, не МФТИ, не университета даже – а пединститута, и не главного, а какого-то заштатного, областного. Думаю, в другое место я бы не попал. Учился я плохо, больше занимаясь КВНом, особо модным в то время, и прочей самодеятельностью. Пик моей карьеры – капитанство в команде «Физика Сизифа» (название мое). Впервые в истории факультета мы вышли в полуфинал, где проиграли еще большим аутсайдерам, географам. Я на игру не явился, был пьян.

Вообще же московская жизнь вообще, и наше общежитие в частности запомнилось как ящик, набитый под завязку всевозможными мерзостями. Не было ни одного порока, который бы не практиковался там. Ко всем я имел отношение, да только зря - ни один из них меня толком не коснулся.

Вернее, так. Общераспространенные забавы, вроде потребления алкогольных суррогатов (запомнился мне наш абсент – сине-зеленая жидкость для волос с достоевским названием «Кармазин») или, довольно неумелых, групповых акробатических упражнений, оказались скучны до чрезвычайности. Разве что было забавно изобретать новые способы употребления всего этого – ведь и действительно «Кармазин», помноженный на чашку крепчайшего кофе и пару-тройку таблеток чего-нибудь этакого, да полстакана портвейна вдогонку давал такое измененное сознание, из которого выглядывать на мир было даже интересно! Мы как-то собирались в таком настроении посетить Мавзолей, жаль, что не сумели выползти за порог комнаты. То-то бы интересное увидали!

Зато не могу сказать, что обошли меня пороки более основательные. Вроде модного тогда мировоззрения, согласно которому никакого иного, кроме видимого и ощущаемого руками, ногами, глазами, прочими частями тела, измерения у мира нет и быть не может. Притом и оно иллюзорно. А

окружающие, в том числе и ты сам, есть набор сцепившихся в разных вариантах плоскостей-поверхностей. Разноцветных и разнофактурных, нагретых, подрагивающих, мнимо живых. Иной раз и теперь мне кажется - все именно так и есть. А если так, то изменение чего-либо в себе и своей жизни есть задача инженерная, техническая. Словом, доступная всякому разумному человеку – и увы, безнадежно невыполнимая для меня! Может быть, осознав это, я и поспешил прочь из столиц.

В самом деле, я закончил (к моему собственному удивлению вполне благополучно) свой печальный институт в 90-м и немедленно вернулся в П. Никаких внятных причин для этого экстравагантного поступка не было - не нахожу я ему объяснений, кроме метафизических, и сейчас. Не нравилась Москва? Именно тогда, голодная, впадающая в истерику по малейшему поводу (все чего-то ждали, но не того, что произошло) она была по-настоящему хороша! Это на наш П. ничего не действовало, каким был, таким он и оставался лет уже, наверное, шестьдесят. Хотел ли я стать, проиграв римскую партию, первым в деревне? Даже не обсуждается. Хотел удивить свою компанию? Ну, чем было эту (в хорошем смысле) *сволочь* удивить… Все вышло как-то случайно. Можно было поехать на Запад, в какой-нибудь Берлин. Я двинул на Восток. А какая разница?

Здесь, застав еще благополучные времена, я без труда нашел свое призвание. Устроился в областное бюро статистики и стал счастлив. Купил на толкучке тяжелое пальто, армейские ботинки, велюровую шляпу с прожженном в одном месте полями. На шарф приспособил чудесное бархатное знамя, некогда похищенное глумления ради в пионерской комнате толпой местных художников-авангардистов, а потом изъятое мной у них. Много гулял, много читал, разговаривал, наверное, с четырьмя человеками во всем городе, не считая девушек, у которых я в ту пору и в том виде пользовался большим успехом. Я *радостно ненавидел* этот мир – и, что тут говорить, был доволен, воображая взаимность с его стороны.

Родственницы как бы повывелись сами собой. Сестра за время моего отсутствия научилась улыбаться, загадочно-неопределенно, да помалкивать. Эта привычка многое дала ей в жизни! Прежде всего, разнообразных кавалеров, в том числе и на удивление приличных, и, наоборот, богатых (уже по-новому). А затем – и мужа, долговязого чудака из НИИ. *Склеен* он был ею, представьте, на митинге демократической оппозиции, где красноречиво, но немо, волнуясь, махал длинными руками. Ну, а в связи с этим – впрочем, не удивляюсь, если здесь не более чем совпадение – приобрела она и младенца, и двухкомнатую квартиру в центре.

А там грянули большие перемены, и я, совершенно неожиданно, перенес свое пристойное, как бы положенную мне, русскому деятелю искусств в отставке, отношение к миру как таковому на всю новейшую дрянь, живо повылезавшую на свет божий. Извалялся в актуальном, и не понять даже с какого перепугу. Мне *новые* не сделали ровным счетом ничего плохого. Даже – забегаю вперед – прямо наоборот. Предположим, что своей активностью они портили пейзаж, мешали мне предаваться самому чистому на свете, самозабвенному отчаянью. Но хорошо же отчаянье, если его способны сбить с катушек мелкие движения толстых дядек в малиновых пиджаках и их подручных бандитов! Видимо, я им все-

таки завидовал. Если задуматься, между отчаяньем и завистью разница невелика. Отчаивался, отчаивался, а там и завидовать стал - знать, дело на поправку. Возжелал чудес мира сего, стал позитивнее некуда.

Впрочем, ненавидел я и своих соседей, людей, вяло передвигающихся со мной по одному пространству - кто сдался, кто прислуживал – кому завидовать было бы уж слишком нелепо. А впрочем, вот эти ничего иного от меня не дождались бы и раньше.

1992 год принес мне сразу несколько перемен. Во-первых, зарплата в Бюро статистики стала настолько ничтожной, что даже я почувствовал нехватку денег. Более того, учреждение собирались закрывать, а нас, соответственно выставлять вон. Ну, это что за перемена – в отличии от других. Ведь, во-вторых – я познакомился с Ларисой, почти полгода хотел на ней жениться, но не стал. Мы слишком часто спали с ней все это время, вот что. Типаж невинной блондинки, дитя, сестра моя. Потом расстались, потом настала зима. Между прочим, ее папа был вторым секретарем обкома, потом стал первым биржевиком города. Я познакомился с ним и его партнером – бывшим директором городского гастронома Абрамом Залкиным. Выпивал с обоими, задирался, но был ими великодушно прощен.

Таково краткое содержание предыдущей серии.

Что и говорить, весь прошлый, 92-й, я вился черным вороном! Жаль, что в итоге промахнулся с высоты и с головой застрял не в трепещущей жертве, но в этой вязкой почве.

3.

Нынешнюю зиму я пережил тоже ничего себе. Остальным было тоже неплохо, только, кажется, голодно. Но я всерьез голода и не замечал - много думал. И, как водится, все больше о разной ерунде. Ну, например, о простых людях, которых я так всегда не любил. Им пришлось сейчас еще хуже, чем мне. Ведь они тоже хотели есть, но думать не умели. Отвлечься было нечем, разве что «Полем чудес». Я больше не мог ненавидеть этих людей.

А сложные люди, думал я далее, и вовсе оказались полным говном. Настолько, что о них и думать было противно. И те, кто завел себе всяческие развлечения и забавы, вроде денег, яхт и самолетов, и те, кто точил на них острый нож, стали мне одинаково отвратительны. Но как-то без пафоса отвратительны, совершенно спокойно. Я больше им не завидовал, вот что. И это было плохо.

Я жалел, конечно, кое о чем. Жалел свой ваучер, вложенный в контору «Нефть-Алмаз-Инвест», да и кровные десять рублей, заплаченные туда же за *оформление* на дороге ведь не валялись. Причем до этого я стремился поскорее избавиться от отвратительной бумажки, как и все сограждане, чувствующие здесь явный подвох. Но, как и они, ошибочно хотел не просто избавиться, а с дивидендами. Отдал (между прочим, располагался пункт приема в П-ском выставочном зале, под картинами из деревенской жизни кисти местных мастеров) - и сразу понял, что ни дивидендов, ни этой бумажки, красивой все-таки на вид, мне больше не видать. Бросилась мне в глаза аббревиатура «Нефть-Алмаз-Инвест» - НАИ.

Над столом НАИ висела совсем особенная картина, изображавшая огромный каравай и бублики, рассыпанные вокруг. Казалось, что один сейчас отвалится от полотна и ударит по голове девушку-регистратора. Бублик был размером со средний спасательный круг. Девушка ничего не знала. Была нанята за скромный рубль-другой.

Да, аббревиатура. Ставим три точки, и получаем то, что они с нами сделали. *Все они* со *всеми нами*. Вот так: НАИ…Может быть, и поделом. А что еще с нами можно было сделать? Накормить рисованным караваем да бубликом, напоить и отпустить? Как бы не так

Мне некуда было пойти. Я лежал один в дареной квартире на окраине города П. , в Районе Красных Зорь. Конечно, я мог поехать к сестре. И я ездил к ней, смотрел на младенца (племянника), на сестриного мужа, высокого и мрачного теперь неудачника-демократа, чем-то похожего на Корнея Чуковского. Но и к демократу я никаких чувств уже испытывать не мог. Хотя звали его при этом не как-нибудь, а Эдуард!

Моя бывшая невеста, Лариса, всю зиму была где-то в других местах. В конце марта 93-го я даже стал о ней скучать. Не жениться ли все-таки, подумалось вдруг мне. Ее папа еще осенью открыл Первый коммерчески-благотворительный банк – ПКББ, то есть. Построил, по ларисиным же словам, *коттедж* за городом в три этажа. Причем на месте своей старой служебной - еще обкомовской - дачи. Такая вот ностальгия.

Ну и что, что папа и коттедж с кабинетом, в котором кожаные кресла и витая мебель. Словно специально для меня привезенная из Англии. А мы бы у него ничего не брали. Мы бы романтически нищенствовали. До этого дело не дошло. Лариса пришла ко мне только в конце марта, как раз на исходе эксперимента, о котором речь ниже.

Я лежал на диване, завернутый в дырявый плед. Все еще не мог согреться, хотя топить стали куда лучше. Просто потому лучше, что морозы кончились, таков коммунальный парадокс этого города. Читал газету годичной давности со слепым шрифтом, благоприятными прогнозами насчет инфляции и возрождения духовности. Люблю читать старые газеты - и дело не только в злорадстве (конечно, идиоты-журналисты ошибаются всегда и везде). Я люблю представлять себе, что все, предсказанное ими, сбылось, и наш мир здорово изменился. Выглянешь в окно - а там все иначе. По-коммунистически, или по-капиталистически, но иначе, лучше, идеальнее. Мне нравилось воображать, какие конфликты могли бы происходить в этом бесконфликтном мире. Любовь, ревность, дружеские измены. Всего много, все *горячо*.

Лариса открыла дверь свои ключом, прошла, не разуваясь, в мою единственную комнату, села на шатающийся стул. Смотрела она, как обычно, в сторону. Смущалась. На ней была новая красивая дубленка, зеленоватая, с отливом.

- Вошла ты, резкая, как «нате», муча перчаток замш, сказала - «знаете, а я, блин, выхожу замуж» - процитировал я безо всякой задней мысли и даже дружелюбно. Даже планируя вот сейчас, собравшись с силами, сбросить плед, обнять ее, увлечь на диван.

Однако Лариса прореагировала на все это как-то неадекватно. Она покраснела, и отвернулась еще больше - чуть ли не на 180 градусов шею вывернула.

- Ты знаешь. - сказала она хрипло и с неопределенной интонацией.

- Что? - спросил я, опять-таки испытывая чисто технический интерес - как должно было это звучать, утвердительно или вопросительно. Совсем, совсем ведь разучился владеть голосом. И вообще о чем это она?

- Все знаешь. Ну ладно, так даже лучше. Да, я выхожу замуж.

- Что ж, выходите - сказал я машинально. Завершая цитату.

- Да нет, погоди. - я довольно-таки резко вскочил со своего одра. Штанины дырявых *семейных* трусов взвились вокруг моих тощих ляжек. - И за кого это, интересно.

- За Залкина. - сказала она еще более хрипло. - А ты что, не знал?

Пауза. Еще одна.

- Абрам? Ему же пятьдесят лет, он лысый, толстый...он...

- Не надо. - сказала она. - Не завидуй.Он меня любит.

- И я его. - добавила она после очередной паузы. - Мы уезжаем в Европу. Может быть, навсегда.

-Ну и катись. - сказал я. - Прямо сейчас. Дура. Б...

Она и ушла. Но, конечно, не сразу.

Она хотела меня утешить. Как в романсе, последний раз. Худые коленки, нежные, хрупкие бедра. Я и утешился. То есть нет, как раз не утешился, а, по своему обыкновению, еще больше разозлился на себя и всех остальных. На них, естественно, не в пример сильнее. Потом она меня кормила и умывала. Потом (прошли сутки, не меньше) она все-таки ушла. Мне было стыдно. До такой степени, что я порадовался, что вот, еще могу стыдиться. А потом порадовался этой радости. Она ведь, наверное, хотела, чтобы я уговорил ее остаться. И она бы осталась. И мы бы все-таки поженились, и…. Так не бывает, вот и все.

4.

Не вставая все с того же дивана, я начал нашаривать кое-что на полу. Известно что – бутылку водки. В зиму, когда Лариса со своим новым женихом наверное, на Канары ездила, я занимался экспериментаторским делом. Для начала взял в бюро по статистике отпуск за свой счет (думалось мне, бессрочный). Потом определил программу изысканий. Я опытным путем пытался узнать, что будет, если пить литр водки каждый день. И *когда* это будет.

Закусывал вареной картошкой, помидорами. Всем, что добыл у сестры. Потом, когда провизия кончилась, – запивал водой из-под крана. Слушая «Радио России». Бесноватого Ельцина и его свиту. (Свору?) Также песни Ирины Аллегровой и Аркадия Укупника. *«Пригласите, пригласите, пригласите, пригласите даму танцевать».* «*Товарищ Штирлиц, истинный ариец, с красивой фройлейн в лесу гулял. Дас нихт капитулирен он ей сказал».*

Именно эти две запали в душу. И думал я, что все закончится под их звуки, записанные в голове на перематывающуюся туда-обратно магнитную ленту.

Получалось же вот что. Первые дни все шло, как по маслу. Утром, просыпаясь, с головной болью и всеми положенными признаками, я шел в магазин и покупал две бутылки водки. Это я положил себе за правило -

обязательно выходить из дома, чтобы не закисать, чувствовать себя не интеллигентом в депрессии, но доктором Паганелем-экспериментатором. Потому никогда не покупалось больше суточной нормы.

Шел я в большой гастроном, от которого, впрочем, сейчас осталось два пищевых закутка. В прочих продавались нитки, китайские шлепанцы, детские игрушки из ядовитой даже на вид пластмассы. Или отправлялся в маленький частный киоск под названием «Мечта», переделанный из ларька «Союзпечати». Смотря по настроению.

Около «Мечты» постоянно отирался старый алкаш Савельич (так я решил его назвать), с которым мы быстро познакомились и как-то даже сошлись. И если бы не еще один мой строгий принцип – никого не звать домой (никто и ничто не должно влиять на чистоту эксперимента!), он бы мог составить мне лучшую компанию из всех возможных. Савельич всегда держал под мышкой толстую, обтрепанную книгу, открыть которую соглашался только за глоток дешевого, страшного вина местного разлива. Книга эта представляла собой ни много ни мало, как полное собрание сочинений небезызвестного Дейла Карнеги.

Сделав предложенный в уплату глоток, Савельич молча протягивал книгу, глядя как-то доверчиво и беззащитно. Мол, не обидь, почитай и верни. Все попытки разговорить его кончались ничем. А было бы забавно, конечно, услышать его комментарии к этому новому Откровению.

Однако Савельич быстро деградировал, и через некоторое время он уже не обращал внимания даже на протянутую бутылку. Приходилось тормошить его, указывая одновременно на книгу. Открывал он ее тоже неохотно, и к дальнейшей судьбе своего сокровища был уже безразличен. Мол, хочешь, забирай ее всю, чего уж тут, коль жизнь пропала. Я, конечно, всегда возвращал. Да и еще – если сначала он был одет относительно неплохо, как в принципе, все старики сегодня, то потом вместо пальто на нем образовалась рваная телогрейка, а вместо кроличьей шапки – вязаный лыжный «гребешок» времен моего детства.

И только на книгу, видно, никто не позарился.

Потом Савельич и книга исчезли. Или я перестал их замечать.

Да, первые дни, похмелившись, я чувствовал большую бодрость и даже душевный подъем. Гораздо больший чем, бывало, когда хочешь перемаяться, придти в норму без утренних 100 грамм. Как раз об этом, похмельных терзаниях, заботиться теперь было не нужно. Хотелось не протрезвляться никогда.

Потом стало похуже. Ежеутренний поход в магазин начал превращаться в серьезную проблему. Причем никакого рационального решения она не имела. Мне было так плохо, что я понимал – если не глоток водки, я тут же умру. С другой стороны, плохо было настолько, что идти за водкой я просто не мог. Решалось все волевым путем. Я заставлял себя переползти через порог квартиры, там вставал, цепляясь за перила, и отравлялся в путь. Лифт, конечно, не работал. «Дас нихт капитулирен он ей сказал» – все повторял я, бодрясь.

Потом кончилось и это. Я просто лежал на полу, мысленно вертя ленту с упомянутыми хитами в разные стороны. Удивительное чувство – окончание времени. Равно и пространство было готово послушно растянуться в любую сторону. Да что там пространство, сам грязный пол

моей квартиры был послушен. Он мог прогнуться под моей тяжести до первого этажа. Или мягко подбросить до крыши девятого и еще выше. В зимнее небо.

Потом пришла Лариса и все благополучно обошлось. Я ведь обрадовался, ее увидев. Я ведь подумал, что это знак: стоп, твой эксперимент закончен. Ты победил! И как все чудесно развязалось! Вот спасибо гибкому, но прочному как сталь организму, закаленному годами в общаге, да и молодому, черт возьми, молодому! Как здорово он входит и выходит – в пике и из него!

Но теперь Лариса ушла, и мне вновь захотелось встретить Савельича. Почему-то мне представилось, что он ждет меня с Карнеги в руках у «Мечты». Хотя в то же время я знал, что нет, не ждет. Или замерз, или сдан в больницу. Да и сама «Мечта» успела погореть (в прямом смысле) от рук рэкетиров. Или от рук погоревшего (в переносном) хозяина, желающего стереть следы растрат. И на этом месте теперь воздвигнуто сооружение, окованное листами нержавейки. Под названием «Ландыш Плюс». Первенец торговой сети господина Залкина в нашем отдаленном районе.

И я знал, что под диваном у меня спрятан заветный *бутылек.* И знал также, что в этот раз никто за мной не вернется. Злорадно предвкушал скорую развязку. Я посмотрел на повешенный Ларисой напротив моего лежбища стенной календарь. Там красовался логотип все того же «Ландыша» – и ни какой-нибудь, а в виде стилизованного шестисвечника. «Дас нихт капитулирен», одним словом. Посмотрел, чтобы обозначить дату очередного разворота своей жизни. Было 26 марта.

Но вместо четка на пыльном, словно бархатном, *поддиванном* полу, мне попалось под руку нечто иное. Это был порядком растрепанный журнал. Тонкий, с картинками. Типа «Огонька», сдохшего вместе с перестройкой. «Огонька», который в свои лучшие месяцы мог быть назван по-другому. Например, просто «Геноцид». А это – последыш, но более красивый, конечно.

Лариса, что ли, забыла? Подавив внезапно поднявшееся вот уж точно *de profundis* чувство раскаяния и умиления, я швырнул журнал на диван, рассчитывая продолжить поиски своей бутылочки. Однако, во-первых, я здорово утомился. А во-вторых - журнал раскрылся на таком интересном месте, да еще и обведенном синим фломастером, что я взглянул на него внимательнее. (Лариса, Лариса заботилась, хотела показать, лапочка моя! Конечно, просто чтобы заинтересовать хоть чем-то, вытащить из моей *ледяной пустыни*).

5.

А был там изображен ни кто иной, как мой старый знакомец, П-ской литератор Семибородов. Маститый по местным меркам мэтр. Столп и основание патриотического, оппозиционного тож движения. Отряся прах малой родины, он отправился в столицу. Но не к валютным магазинам ближе, а к центру духовной оппозиции.

И вот – добрался. На глянцевом развороте был напечатан он, на митинге, в растрепавшемся у горла пальто, с мегафоном в руках. Яростно

орущим что-то. К кому обращался – на фото не видно, но благодаря монтажной склейке понятно. К Ельцину и Гайдару, изображенным в противоположном углу разворота. Даже и цветом поиграли. Подписи к изображениям Ельцина-Гайдара красовались на приличном желтоватом фоне, в то время как под Семибородовым текст был набран белым по черному. Темные силы, таким образом, собирались заняться своим извечным делом. Вид в данном ракурсе у Семибородова и впрямь был безумным.

Статья была посвящена «противостоянию красно-коричневых с силами будущего». Таков был заголовок – вернее, подзаголовок. Заголовок же гласил нечто более изящное: «Один против трех». Речь шла о символических цветах. Красный Семибородов чуть ли не в одиночку противостоял всему российскому триколору. Не его оставшимся цветам - синенькому да беленькому - а исторически неизбежной совокупности.

Я почесал небритый подбородок и повернулся лицом к стенке. Журнал прихватив с собой. Хотел рассмотреть картинки поближе, прижав их к обоям, чтобы никуда не делись. Не убежали, не растворились. Журнал во время этой неуклюжей операции снова перелистнулся, и первое, что я увидел в нем на этот раз, была статья под поэтическим названием: «Везут тебя, краса, за темные леса». Я ее и начал читать. И даже добрался до конца. Статья, неизвестно почему, меня поразила.

Говорилось между тем в ней об очень простых и очень известных, кажется, вещах. (Что-то такое слышал даже я). Неизвестный мне автор сетовал, что в последнее время за границу утекают не только лучшие мозги. Но и тела. В смысле, массовый характер принял незаконный экспорт русских красавиц. Бедных доверчивых провинциалок, польстившихся на жалкие триста-четыреста баксов в месяц….

Тут я задумался: муженек моей сестры, работавший в некоей коммерческой фирме, получал ежемесячно 50 *зеленых*, и ему еще все завидовали. Другое дело, что зарплату ему задерживали, но тут уж сам виноват. Надо взять гранату и прийти к начальнику. Нет, для эффектности две гранаты. Вежливо подойти к нему, этому толстому лысому гаду (так он мне представился, похожим на Залкина), в мятом однобортном пиджаке и засаленном галстуке. Ласково приобнять – и сунуть одну «лимонку» ему в обвисший карман мышиного цвета. А вторую показать, поболтав за колечко, прицепленное к согнутому указательному пальцу. Выходит, триста-четыреста *гринов* это совсем даже и не мало. Стоило рискнуть.

Так вот, далее сообщалось, что нашим девам не платили и этого. А вместо достойных работ, обещанных ранее, типа подтирания испражнений паралитиков, продавали в кабаки, где в окружении красивых мужчин и в ослепительном свете рампы *рашен герлз* обнажали свои красивые тела. Или с огоньком обслуживали тех же мужчин за свободно конвертируемую валюту.

Женщин из России обманывали и по другому. Заманивали брачными объявлениями. Увозили якобы в предсвадебный тур… Далее по тому же злодейскому плану. За это новые работорговцы получали много СКВ. А их прикрытием были так называемые службы знакомств, которые находились в каждом городе. «Залкин!» – мелькнуло у меня в голове. Вот кто подходил на роль международного сутенера! И Лариса, Лариса нужна

именно для этого! Сначала – быть прикрытием, мол, достойный коммерсант, семейный, обстоятельный. Потом – продать ее в турецкий бордель, а самому слинять окончательно. Или, продав в бордель, запросить выкуп у ее отца (что-то, Лариса рассказывала, они с Залкиным между собой не поделили). А деньги разделить с турками.

Тут мне стало как-то даже весело. А все потому, что у меня появился шанс помочь Ларисе. Стать ей, да хоть кому-то, полезным. Вернее же, не так - снова сделаться вороном, героем! Вот чего захотелось. У меня был уже опыт. У меня уже все получалось.

Начать можно было либо со звонка Залкину, либо с визита в агентство. Я был уверен, что такие есть и в нашем П. И не ошибся – в моем единственном источнике информации, старинной вырезке из газеты «П-ская молодежь» (также пожелтевшей в последний год - во всех смыслах) с телепрограммой, был телефон и адрес Службы знакомств. Располагалась в центре города, на первом этаже красивого сталинского дома. Там раньше жили начальники, там мечтал когда-то жить и я. А еще – служба знакомств называлась «Ландыш», как и многое в этом городе. То есть, визит к Залкину и в гнездо сутенерства можно было совместить. И вообще, у меня, похоже, наступал очередной период активности. Нужно было выходить, выговаривать, выжигать из себя все, что накопила смертельная зима.

Правда, денег у меня нашлось в аккурат на проезд в одну сторону. Мой бюджет был даже не нулевым. В сплошной минус шли деньги, которые раньше давала Лариса, потом – сестра. Отрывая от своего младенца. Я тоже ее поил лимонадом вместо покупки диска *Пеплов* у спекулянтов в свое время. Оказался исторически прав.

Впрочем, я ведь и не собирался возвращаться. С этими соображениями я натянул свое тяжелое пальто, прямо на трико и порванную немного белую футболку «Олимпиада-80» (свитер и джинсы куда-то делись; возможно, они были там, далеко под диваном, куда я теперь уже боялся заглядывать). Не было сноса и моим ботинкам . Ну а про кепку эпохи «Москошвея», и вправду купленную в столицах еще во времена моего бездарного там студенчества, и говорить было нечего. Крепка она. Крепка, как смерть. Любовь. Апрель стоял в начале (ну, или март в конце), на улице должно было быть сыро и холодно.

Ан нет. Я подозреваю, что со временем что-то случилось, как случается часто. Когда я вышел из подъезда, снега не было и в помине. Пели, кажется. птицы. Видимо, я так долго собирался, что весна меня обогнала. Почти все лужи в нашем районе стали проходимыми. На горизонте, полном силуэтов навсегда недостроенных домов, громоздились даже небольшие нелепые механизмы. Асфальтоукладочные, знать. Вот как все шло к лучшему. Значит, уже май.

Однако изменилось и еще кое-что. Цены на проезд. Моей мелочи не хватало. Ну да остановить человека, решившегося на все, невозможно. Просто оглядевшись по сторонам, я уже нашел несколько пустых бутылок, живописно раскиданных там и сям, под молодыми, еще не зацветшими кустами, на том месте, где вскоре будет травка. Приложив немного усилий, я отыскал и другие, недостающие до нужной суммы. Затем и приемный пункт (с торца все той же бывшей «Мечты», «Ландыша Плюс»). Еще одно доказательство существования провидения: набранных медяков хватило

как раз на билет. И это не говоря уже о том, что меня почему-то никто из многочисленных нищих, бродивших там и сям по окрестностям, не опередил в бутылочном поиске. *Ван вей тикет*.

6.

Дом, ровесник, эпохи, умирал вместе с ней. Потемнели розовые стены. Осыпалась лепнина, изображавшая пионерок с фаллическими горнами и их товарищей, преломивших свои небольшие волшебные жезлы над переносными круглыми жертвенниками. Помню, пять лет назад, году в восемьдесят восьмом, шли мы с покойным (не выдержал всей этой ерунды, сдулся одним из первых) лучшим, единственным, пожалуй, другом, Петей Ильиным, мимо одного из огромных плакатов, выполненных в такой же стилистике. Он располагался как раз около П-ского университета, который Петя так и не закончил. По поводу очередного (бесполезного – и бессмысленного) восстановления на философском отделении Ильин сие скорбное место и посещал, а я, на каникулах, поплелся с ним за компанию. Плакат был посвящен студенчеству. Поэтому на нем изображались трехметровые юноша и девушка, слегка согнувшиеся (в смысле, устремленные) вперед. Она – в простеньком платье. Он – в немудреном пиджаке без галстука, в белой рубашке с отложным воротником. В руках парочка держала огромную книгу.

Я, по тогдашнему обыкновению, стал насмешничать. В частности, заметил, что в книгу, с таким трудом, очевидно, удерживаемую на весу, юноша с девушкой даже и смотрят. Может быть, она и вовсе вверх ногами. Или на неведомом для местного студенчества иностранном языке. Так что, заглянув, все равно увидят фигу.

Петя же в ответ, очень серьезно возразил:

-Те, кто держат в руках эту книгу судеб, могут в нее и не заглядывать. Они ее сами писали, помнят каждую строчку.

Я, оценив, впрочем, остроумие ответа, только плечами пожал. Бедный Петя! Как я имел уже случай заметить, он эпохи не пережил, хотя и относился к ее в лучшем случае внукам. Да нет, праправнукам. Как-то все в нем аукнулось. Да и во мне тоже, о чем и речь. А книга-то на поверку оказалась *Карнегищей,* рваным заячьим тулупчиком в руках С.

Но все-таки насчет книги замечено хорошо. Известный эпиграф «Мне отмщение и Аз воздам» из этой же серии. Никакого субъекта говорения тут нет, а всем понятно, кто говорит. Кто, единственный, имеет право так говорить.

Сам дом был, да, в ужасном состоянии, но вот Служба международных знакомств «Ландыш-heart» процветала. Штукатурка вокруг трех больших окон на первом этаже была налеплена новая, неведомых прежде анилиновых оттенков. Да и новомодные пластмассовые рамы смотрелись совсем по иному, чем облупившиеся, убитые (то есть, настоящие) рамы прочих квартир. Конечно, куда Залкину было понять, насколько гнусно выглядела такая заплата. Что ж, мне только лучше. Задора больше.

Начинаем. Я безрезультатно толкнулся в огромные стеклянные двери Службы знакомств. Приналег еще, слегка поелозив своим пальтовым плечом по зеркальному стеклу, издавая малоприятный скрип. Ноль, зеро. Я

отступил на шаг назад, подыскивая аргумент повесомее. Осколок кирпича. Идти напролом – так с самого начала. И тут двери открылись прямо на меня. Вот как, я просто-напросто не угадал направление. Однако не только его, но и последствия, ибо шагнув вперед, я уперся грудью в конец резиновой дубинки, живо подвинувший меня обратно.

На том конце был плюгавый юноша пролетарской наружности, одетый в отвратительной кожи куртку. Китай самый распоследний, грубый. Однако на голове у юноши красовалась новенькая кепка, пошитая из камуфляжной ткани с круглой кокардой. На кокарде было выбито «служба безопасности «Ландыш».

-Куда прешься, пьянь? – презрительно спросило это существо меня.

-А что такое, молодой человек? – поинтересовался я максимально любезно. Даже очки поправил. Для большей солидности, которую – вот пропусти он меня внутрь – они еще, козлы, оценят, мало не покажется. – Желаю воспользоваться услугами этой замечательной конторы.

-Пошел на…, придурок. – молвил на это юноша.

-Давай подеремся, - немедленно предложил я ему, начав скидывать пальто. Силы были примерно равны. Я, конечно, не Брюс Ли. Однако я выступаю за правое дело, борюсь с несправедливость. А восставший народ по любому сильнее карательных отрядов. Что там дубинка! История учит, что и пулеметы не помогают. Юноша заколебался. Перспективы нашего поединка стали ясны и ему.

Неизвестно, чем бы кончилось дело, но тут взгляд мерзкого юноши, направленный поверх моей головы, просветлел. Он достал откуда-то из кармана свисток и немедленно в него дунул. Очень неприятный звук.

Я еще успел ему посоветовать, как воспользоваться свистком более эффективно. Но более не успел ничего – меня схватили сзади четыре опытных руки. Я был положен лицом в апрельскую (или все же майскую?) землю, плотно прижат к ней милицейскими дубинками, получил несколько чувствительных пинков под ребра. И охранник приложился, радостно, как обычно, присоединившись к большинству.

Затем грязный, но не униженный, я был брошен в патрульную машину, которая, на мое несчастье проезжала мимо во время нашей дискуссии у врат. Наверняка ведь Залкин ментов прикармливает, иначе с какого перепоя они бы так резво меня повязали. Сквозь крохотное окошко *бобона,* зарешеченное, правда, не слишком густо – в режиме нотного стана, поставленного на попа, я наблюдал беседу охранника с патрулем. Возбужденный юноша все показывал в мою сторону, видно, рекомендовал засадить по полной. Менты кивали. Дело было плохо.

«Бобон» с некоторой натугой взял с места, и только сейчас я увидел, что в передвижной камере не один. Кроме меня здесь было еще двое – непонятный субъект вроде бы кавказской наружности в дорогом кашемировом пальто, а также парень из простых в дешевой дутой лже-адидасовской куртке. С этим все понятно, мелкая шпана. А другой?

- Да, в натуре, индиец он. Не, правда, бля буду, настоящий индиец. Эй, раджа, очнись, але, черный.

Индиец только головой мотнул в полном отчаянии.

- Ты приколись, менты думали, это азер, вот и забрали у базарчика. Там этот цветы покупал. Говорит, невесте. Здешняя. Звать вроде Манька,

есть фотка, с собой таскает. Ничего бикса, только плоскодонка. Он спецом из Бомбея приехал, а тут такой беспредел. Это он мне все сам рассказал, сначала разговорчивый был, он по-русски чуть-чуть волокет, а сейчас сдулся, нафиг. Прикинь, третий час нас, суки, возят, никак до комплекта не доберут. Сейчас в участок, а там уж по полной… Его забрали, что на чужую территорию влез, ну, как если бы он азер. И денег платить ментам не хотел, не понимал же ничего, а те думали - беспредельничает. А меня, говоришь, за что? (Я, конечно, не спрашивал). О, это история ваще…

И вправду последовал натурально блатной *рОман,* где фигурировали настоящие пацаны, менты-обманщики, чуть ли не мать-старушка. В общем, Васе (так звали подрастающего бандита), реально угрожало кое-что посерьезнее, чем нам. Хотя, кто знает… И тут у меня возникла идея.

- Слышь, Вася, на волю хочешь? Понятно, я тоже. И этот хочет, хоть и индиец. Давай обсудим…

7.

Операция «Освобождение» неожиданно удалась на все сто. Менты просто не ожидали сопротивления. Когда мы подъехали к участку («железнодорожный райотдел, самый беспредельный» – шепнул мне Вася, блестя глазами, как маленький хищный зверек), и сержант открыл дверь, даже не глядя на нас, беседуя с кем-то в отдалении, все и началось.

С нелогичным криком «Ай, суки, грабят-убивают!» Вася толкнул сержанта головой в грудь. Тот от неожиданности сел на землю. В это время я, таща за собой индийца, изо всех сил кинулся в другую сторону. Невысокий забор, колючая, но облезшая порядком проволока, канавы с нечистотами, опять заборы, грядки, собаки на цепях, пустырь, кусты, опять кусты, железная дорога. Тут мы упали на землю. Вернее, к подножию насыпи. Я искренне надеялся, что Вася нас не догонит. Посидит в КПЗ, наберется стажа, станет популярнее – а*вторитетнее*, как говорят нынче с двусмысленной улыбкой.

Мы, тяжело дыша, залегли спинами на скользком и холодном гравии, поднимающемся куда-то вверх. Там была местная линия. Узкоколейка, по которой можно и до вокзала добраться. Пешком по шпалам. Вот только зачем?

Я посмотрел на Раджу. Лицо его, оливкового цвета, сейчас было еще и бледно. Он держался за сердце (то есть, за черную рубашку и белый узенький галстук). Пальто же, благородного кофейного цвета, представляло собой жалкое зрелище. Он забыл о нем, улегся, как на подстилку. Или плащ-палатку.

-Ты по русски-то как? Говоришь, то есть?

-Да, очень-очень мало. Говорить мало, да, бежать. Я вас благодарить, да, очень-очень. Это не полис, это – как сказать – банда, гангстерс…

Я уверил его в этом. Черт его знает, может, он законопослушный, расстроится. Гангстеры – так гангстеры.

-Ты, индийский гость, что тут вообще делаешь? Давай, колись.

Разговор получился не сразу. Вдобавок ко всему, Раджа рассказывал о своих обстоятельствах не очень охотно. Его можно было понять!

Выяснилось все же следующее. (Хотя, скажу сразу, часть я домыслил, чтоб интереснее было). Через индийскую службу знакомств, он списался со здешней. Ему выслали несколько фотографий. Он выбрал три, вступил с оригиналами в переписку. В итоге в финал вышла одна *девочка.* Фотография ее у него и сейчас с собой. Показать? Спасибо, потом. О кей.

Созвонился с ней. Все через Службу знакомств, все путем комиссионных. Приехал в наш родной П. Остановился в гостинице «Центральной». *Хотел Сентрал*. Ага, чего хотел - того и получил. Должен был ехать к девушке в гости, вышел купить цветов. Посоветовали – на близлежащий рынок. Долго ходил, выбирал, все не то.

- Не Индия поди, Сибирь. – вставил я покровительственно.

Тут приехали эти и его похитили.

-Ты зря столько по рынку шлялся. – сказал я. – Все подумали, что ты или ревизор, или конкурент. Вот и сдали.

Что же было делать дальше? Наши документы остались в ментовке. Ладно, я-то могу отсидеться у себя на Зорях. Если что – соврать, что паспорт украден. Кого это удивит сегодня? А что делать Радже? Его из страны не выпустят. И нужен он будет этой самой Маше или Кате…

Я задумался. Острой неприязни я к индийцу не испытывал. Вспомнился, впрочем, Киплинг и его история о том, как бенгальца посадили управлять северным округом. Тот опозорился и сбежал. Да и вообще, индийцы – это те же евреи по своей сути. И цыгане, по происхождению. А этот бенгалец, богатенький. Словно угадав мысли, Раджа с заискивающей улыбкой достал бумажник, порылся в нем и сунул мне банкноту. Ого, это было 100 долларов!

Я впервые видел такую бумажку. Но разглядывать было совсем некстати. Хорошие деньги. Благодарность за спасение. Я, не долго думая, взял бумажку и припрятал ее в потайной карман джинсов. Ладно, не обеднеет. Хоть и косвенно, но ведь и он соучастник тех, с кем я вступил в беспощадную борьбу. А вдруг охладеет к этой девчонке, да и продаст ее в бордель?

Раджа, снова чутко угадав мое сомнение, разразился большим монологом. На хинди, видать. Потом стал не без труда сам себя перевел.

Получалось, что парень он, действительно, не бедный. А сюда приехал не только невесту искать, но строить завод. Совместное предприятие. С распространением продукции в России и Индии. А также странах – как это, Содружества? Я не сразу понял, что он имеет в виду ублюдочный СНГ.

-Какое предприятие-то? Чего производить собираетесь?

-О! - индиец хитро улыбнулся мне и сунул руку в карман. Достал он оттуда ни что иное, как презерватив в бумажном пакетике. На пакетике была сфотографирована полуголая девица в русском стиле. Грудастая, с длинными блондинистыми кудрями. Разве что не в кокошнике. Опытный образец продукции. Опытный, это уж точно.

Итак, они собирались делать гондоны в рамках программы Анти-СПИД, что ли. И – мгновенно закравшееся подозрение немедленно оправдалось, стоило задать простой вопрос – вместе с небезызвестным Залкиным! Залкин, Залкин, радостно закивал индиец. *Грэат рашен бизнесмен,* о!

Значит, это я попал. А он – нет. У Залкина вся милиция куплена, отмажут в два счета. Расходиться надо было. Немедленно. Ему направо, мне – налево. Радикально налево.

И тут мы, скрытые кустами от всего остального мира, услышали шум и треск. Кто-то ломился сквозь заросший пустырь в нашем направлении. Мы (я, по крайней мере) сжались, ожидая чего угодно.

Кусты разошлись в сторону, и перед нами появилась исцарапанная, но жутко довольная рожа нашего Васи.

- А вот, бля, и я, мужики! Куртку, козлы порвали, на прошлой неделе купил!

Мысленно я схватился за голову. Ну и компания!

8.

- Куда там, нахрен, расходиться! – горячился Вася. Целый час он развлекал нас подробным рассказом, как убегал от ментов, как отсиживался в деревянном сортире и отлеживался в полузамерзшей еще выгребной канаве.

А ведь и правда, была весна. Сейчас я почувствовал ее по-настоящему. Пахло сырой землей и сырым гравием насыпи. Временами ветерок доносил сверху и запах сырых шпал. Пахло, образно, выражаясь, предчувствием перемен, как всегда бывает в апреле (или все же в мае?). Особенно остро для тех, кто провел зиму в четырех стенах.

-Я сам слышал, когда в канаве лежал, что ОМОН вызвали, сейчас все оцепят, и будут прочесывать. Говорят, опасных рецидивистов упустили! И даже террориста – это, слышь, про него. Может, и спецназ пригонят. Не, расходиться не получится.

-А что делать-то? – не выдержал я. Надышавшись весной, я чрезвычайно захотел от них, уголовных и Залкинских, отделаться, побродить просто так. Или зайти в магазин, купить книжек, поменяв 100 баксов. Таких денег, видимо, у меня уже никогда не будет. И мало ли вообще что будет дальше. Так хоть напоследок…

Вася ухмыльнулся.

-Да а что думать? Через линию надо двигать. В Сипуху. А что, я ж сам оттуда.

- Кто б сомневался, - проворчал я.

Сипухой называлось именно то гиблое место, гетто, которое от остального города отделяла железная дорога, проходящая над нашими головами. И кстати – ни одного, даже самого захудалого локомотива, за это время по ней не простукало. Даже дохлой дрезины не провизжало. Кризис в стране. Голод и разруха. А скоро, может быть, гражданская война.

-Васек, ты как к Ельцину относишься? – вдруг спросил я.

- Чо? К Елкину-то? – удивился Васек. – Да нормально… Пацаны говорили, что толковый мужик, и прикольный.

-О, Элтсин, демократия, – оживился индиец.

- А вот то, что всю страну развалил, что жрать нечего, что нищие по помойкам бродят, это ничего?

-Да ладно ты, чо за коммуняческая пропаганда. – ответил Вася, как-то даже обижаясь за Ельцина. – Ты сам-то чо выделываешься? Типа, красно-коричневый да?

-Да. – сказал я хладнокровно. – Красно-коричневый.

- А что всем этим чурка Хасбулатов командует, тебе ничего? Не западло? Их, знаешь, чеченцев, пацаны в армии насмотрелись, рассказывали. Только силу они, в натуре, понимают. Так и ладно, чо у нас, силы нет? Танками, танками надо, и Ельцин бы давно все сделал, если бы не эти нацмены Хасбулатов и Руцкой.

Тут я задумался. Похоже, Вася получался куда большим патриотом, чем я. Парадокс, однако.

-Ну да понятно, Вася, вашему брату при Ельцине жить стало вольготно, чего и говорить.

-Ну а как еще? Смотри, кругом чо творится. Ваши же, коммуняки, первыми все порастащили. А простым пацанам, уж что осталось, то и берем. Ну не отказываемся, ясен пень. А кто бы и отказался-то?

-Элтсин, - важно молвил индиец, - дал Россия новый путь. Вместе весь мир, да.

-Елда! – не сдержался я. – На хрен нам такой путь, когда от страны ничего скоро не останется. Был СССР – и нет, также и Россия развалится. Не сегодня завтра татары отделятся, те же чеченцы, вплоть до Тувы. Ах да, теперь не Тува надо говорить, а Ты-ы-ва… Россия, Вася, это понятие мистическое. А в мистике, если тебе это, конечно понятно, законы арифметики не работают. И отдели поэтому от России хоть какую-то малую часть, хоть Татарстан, хоть Чечню – как она теперь, Ичкерия – и все! И уже что-то не то! С арифметической точки зрения убыль малая, ерундовая, а вот качественно все изменилось!

-Ну и чо, напугал, тоже. – у Васи заблестели глаза. Спор о политике ему нравился. Надо же, классический случай! Трое русских, включая индийца, грязные, в бегах, толкуют о геополитике. Нет, даже не так: один интеллигент, другой мелкий уголовник, а третий вообще бенгалец.

– Ты не пугай, говорю. Вот я сам не был пока на зоне (точно что «пока», мысленно заметил я), а пацаны говорят. Много чего говорят, и то, что нас, русских, там уже скоро за людей держать не будут. А кто мазу держит? Те же чурки, татары да вот азеры. Хоть и отделились, слава Богу, а все туда же. А все ваши подсевают, этот Хасбулат, кинжалом ему в задницу, да тараканище усатое, Руцкой. Козлы, суки ментовские!

Собирался я было объяснить, что дело прямо наоборот обстоит. Что суть, в общем, не в крови, а в почве, и неважно, какой национальности Руцкой, если он за Великую Россию… Но вдруг призадумался. Говоря откровенно, мне Верховный Совет нравился ничуть не больше, чем вся президентская рать. Но из принципа я все-таки продолжил:

-Да ты, Вася, поди и на референдум ходил, за Ельцина голосовал? «Да», «да», «нет», «да» и все такое. А, Вася?

Вася почесал коротко стриженную макушку и вздохнул:

-Не, на референдум не ходил. По нашему закону это дело запрещено. Ну, может, не так, как раньше, строго-настрого, но не рекомендуется.

–А то бы пошел?

-Да не, не пошел бы. Чо ходить, все давно наверху куплено-продано. Да это, чо мы все за политику базарим, пацаны, ноги делать надо, пока менты патруль по рельсам не пустили. А на Сипуху они не сунутся. Отлежимся, у меня хата хорошая есть, а ночью, или утром, располземся.

-А почему в Сипуху не сунутся? Вас боятся?

-Нет, - ответил Вася с неохотой. – Серьезнее там люди есть. Все договорено. Слышь, нам тоже *вписаться* придется.

-В смысле, денег дать?

-Ну. Сдюжим?

-Разберемся на месте, поехали.

Короткими перебежками, не дать не взять партизаны на тропе рельсовой войны, мы преодолели насыпь. Пошли по рельсам, ища лучшего прохода через границу Сипухи, ее заборы, стены грязных, грозных сараев. Начинало смеркаться.

9.

Весна, все-таки весна была! Я шел вслед за Васей и Раджой и бормотал, путая слова:

Весна! Я с улицы, где тополь удивлен
Где клен волнуется
Где…

Кто, собственно? Забыл. Вообразил продолжение в студенческом духе:

Где х.. упасть боится.

Остроумно, но эмоция не та. А вот следующее:

Где воздух чист, как узелок с бельем
У выписанного из больницы – подходила на все сто (включая больницу, которая бы вполне вписывалась в неприличную переделку).

Вася коротко махнул рукой, мы стали спускаться по узкой тропинке, упирающейся, казалось, прямо в высокий забор. Но наш Вергилий, знать, был осведомлен о тайном пути. Вообще, он сразу же переменился, почувствовав себя в родной стихии. Чингачгук из любимых когда-то мной книжек, попавший в родные могиканские леса.

Раньше здесь жили цыгане. Они-то и сделали этому району такую славу. Я в детстве цыган боялся. Думал, увезут именно сюда и зарежут. Хотя чего их было бояться? Анекдот из того времени: что говорит собака – «ав!»; кошка – «мяу!»; лошадь – «бу-у-ути-и-льк!». Цыгане ездили на лошадях, запряженных в квадратные повозки с дощатыми бортами на резиновых колесах по дворам наших девятиэтажек. Собирали бутылки. Меняли на деньги (реже), чаще на всякий *шурум-бурум*. Например, цветные самодельные мячики на тонких резинках, или свистульки. Золотые времена, восемь лет. Еще живы много кто, и мои родители тоже.

Через лет пять им предстоит бросить меня и сестру на произвол судьбы, предпочтя колеса грузовика. Даже и машина, на которой они ехали, была чужой, дохлая «копейка» соседа по только что купленному саду.

Отставного военного, кажется. Лысого, в тренировочных штанах и майке, склоняющегося, потея, над вечно заклинивающим рулем. Сосед, кстати, остался невредим, отделался ушибом да испугом. Сад был куплен на наследство, оставленное бабушкой. Три тысячи, как сейчас помню, рублей. То есть, даже и бабушки у нас с сестрой не осталось.

Череда отдаленных тетушек. Мои побеги в разные стороны, потом в Москву, моя зависть к многим из народа моего. Ну и все такое.

Во время перестройки цыгане устроили в Сипухе натуральные *земляничные поляны*. Некоторые кварталы специализировались на траве, некоторые (чуть позже) – уж и на героине. Милиция была куплена на корню. Доходило до того, что патрули из военизированных наскоро добровольцев из числа родителей окрестных тинейджеров ходили вокруг Сипухи, никого не подпуская к ней и не выпуская наружу. После первого курса я приехал на каникулы с приятелем, москвичом - впрочем, в первом поколении. Родом же он был отсюда. Причем прибыли мы не любоваться сомнительными красотами П-ского региона, и не *прильнуть к корням*, но следить за ходом перестройки в глубинке. Мой приятель мечтал написать цикл очерков и пробиться в какой-нибудь толстый журнал, а лучше – сам «Огонек». Но, не найдя никакой перестройки снизу, Леня пристрастился к местным развлечениям – а именно, курению травы в веселой студенческой, уважающей его, столичного жителя, компании. Употреблял он зелье, правда, больше впригляду. Я оставил его в покое, занявшись более насущными делами (личной, как водится, жизнью). Однажды толпа Лениных приятелей, решив *догнаться*, отправила его, как почти неупотребляющего и малоподозрительного поэтому, к сипухинским цыганам. Адрес был известен, тропа натоптана. Увы, в этот раз на ней таился патруль. Один милиционер, два дружинника, простых рабочих парня (теперь, когда заводы мрут, они, поди, все в рэкете). Слава Богу, что его поймали по пути туда. Был Леня избит, унижен. Досталось и за то, что москвич. Потерял веру в перестройку. Спасли, откупили папины именные часы. От папы влетело еще хлеще, чем от добровольцев. Вернувшись в столицу, со мной не здоровался. Ушел из института, открыл кооператив. Охранное, кстати, предприятие. Теперь, по слухам, ездит на «мерсе». Стал крутым. Компенсировался. (Речь, забегая вперед, конечно, о Вишневом).

Года три назад, то есть уже в начале нынешнего *червонца*, говоря сипухинским языком, цыгане были отсюда вытеснены новой силой. Сипуха сделалась районом складов ворованных ли, купленных ли в Китае, максимум Турции, на вес вещей. Никуда не делись и наркотики - Сипуха теперь занималась оптовым их распространением. По одиночке никто бы сюда за дозой и не пошел безо всяких патрулей. Свои, по слухам, царили здесь законы, свои законники. Власти закрывали глаза. Да и кто знает, не превратятся ли завтра сипухинские молодцы в народных избранников? Кроме того, не прообраз ли это будущей власти вообще? Не предотвратят ли все эти криминальные авторитеты дальнейший развал? Уж ладно, бардак, так может, хоть пожара в бардаке не допустят?

Здесь можно было отсидеться. Милиция не сунется. Но вот выйти по своей воле – едва ли. Я подумал, что чисто денежная *вписка* тут, наверное, невозможна. Требовалось показать что-нибудь этакое, чтобы убедить

аборигенов в своей пригодности. Станцевать, что ли, на углях. *РОман тиснуть*. О прочем думать не хотелось.

Тем временем мы миновали первый сипухинский огород. Зайдя во двор дома с заднего хода Вася опять подал нам знак: тихо, мол. Заходим по одному! И правда, он первым нырнул в неизвестно откуда появившуюся низенькую дверь. То ли в баню, то ли в сарай. Ага, во флигель с темными окнами. Раджа стоял, озираясь. На него было жалко смотреть. Ну да, попади я в трущобы Бомбея, было б еще хуже. Здесь все как-то просто. Нет восточных хитростей. Нет ни СПИДа, ни АнтиСПИДа. Зарежут – так уж зарежут. Хотя последнее, рассудил я, опять из романтической оперы про разбойников. Чего бы им нас резать, морду, может, набьют.

В маленьком окошке зажегся свет, и появившийся в нем Вася позвал нас вовнутрь – столь же энергичным жестом, что и ранее.

10.

Мы зашли. Все-таки это была баня. Предбанник с широкими лавками, вениками под потолком, парой шаек там же. Прошли его, не останавливаясь. За дверью, обитой старым, брусничного цвета дерматином - собственно банное место. Метров десять. С печкой, полком, приступкой под ним, всеми делами. Расчерченным крестом маленьким окошком.

Чтобы попасть сюда, мы с Васей пригнулись. Раджа стукнулся головой о верхний косяк, что-то пробормотал ругательно. Знать, на санскрите. Еще раз чуть не стукнулся о тусклую лампочку, свисавшую с невысокого потолка на кривом шнурке. Уклонился в последний момент.

- Вы это, - пробормотал Вася, - вы посидите, я щас приду.

- Один? - поинтересовался я.

-Чего?

- Того. Один придешь, или нам к *большим базарам* готовиться?

Вася, пробурчав нечто, удалился. Как мне это не нравилось! И даже дверь снаружи не прикрыл, показывает, что куда мы нахрен денемся.

- Готовься, Раджа, - сказал я индийскому гостю, - щас нам прилетит.

- Это бандиты, да? - взволнованно спросил он.

- Ага. Гангстеры типа. Только попроще.

- Надо звонить в милицию! - столь же взволнованно заявил он. - Нас простят, когда мы о них скажем!

- Как же, простят… - проворчал я, но больше из желания сохранить роль старшего брата, знатока здешних нравов и обычаев. Раджа был в общем прав. Ну не отметелят дубинками менты, тут-то еще круче…

Вася появился с двумя субъектами отчетливой с одной стороны, но в целом все-таки не слишком определенной наружности. То ли алкоголики, то ли скромные боссы местной мелкой мафии. На уик-энде вдобавок, то есть, уж совсем по-простому. Один - тощий и лысый в классической тельняшке под замызганным пиджаком на двух пуговичках. Ниже начиналось трико - фальшивый «Адидас». Заканчивалось все галошами на босу ногу. Другой - плотный и стриженный наголо в френче защитного цвета, а-ля Джавахарлал Неру. Радже такой вид не мог не понравиться! Но только не *треники* с лампасами, заправленные в резиновые сапоги.

- Ну здорово, землячки. - сказал тощий мафиози. - Че, отдыхаем?

- Ага. - в тон ему сказал я. - Вот притомились тут.

- А ты точно не азер? - спросил у Раджи тот же тип. Второй отмалчивался, будучи то ли начальником, которому говорить западло, то ли «шестеркой», которой разговоры и не положены.

Стоп - вдруг сообразил я. Если Раджа спросил про бандитов и противопоставил им милицию, то он, по крайней мере, понял, кто есть кто. Однако что это значит, я додумать не успел.

- Не, он не азер. - внезапно сказал человек во френче и сделал легкое вроде бы движение руки, однако его хватило, чтобы Раджа отлетел в самый угол бани и рухнул там. Буквально пополам сложился.

-Видел я азеров. - пояснил бандит нам. - Этот не такой.

- Весело. - сказал бандит в тельняшке. - Значит, чечен нам попался. Давно хотел с ними, суками, потолковать. Ну, значит, потолкуем.

- Нет, мужики. - поспешил я выступить вперед. - Это вообще другой. Это индиец, блин! Из Индии, то есть.

- Во как! - сказал бандит в тельняшке. - Индиец! Раджив Ганди!

- А может, и правда. - рассудил бандит во френче. - Их сейчас до хрена понаехало, все кусок урвать хотят. У нас ведь, падлы, урвать. У русских.

И этот был патриотом! Пора, однако, было поворачивать их мысли в сторону более космополитичную, денежную. Впрочем, и патриоты денег нынче не чураются, а пожалуй что даже и наоборот.

- Так вы и рассудите, за него ж баксов можно накосить!

- Точно! - обрадовался скромно стоящий все это время за их спинами и как бы несколько смущающийся таким оборотом дела Вася. - Пацаны, это ж чемодан «зеленых»! Я ж знал, кого сюда веду!

- Знал он! - передразнил его моряк. - Слышь (иронически обратился он к Джавахарлалу) - знал он.

- Исчезни. - коротко посоветовал тот Васе. Вася поспешно был таков, аккуратно затворив за собой дверь.

- Ну а если он интурист, то какой с него нам будет навар? - спросил меня моряк.

- Ну, штук пять…или шесть. - бодро ответил я. Это была громадная сумма - для меня, но не для них.

- Не, не пойдет. Из-за ерунды мараться… Оставим вас тут и все, нам же работы меньше.

«Оставим», похоже, надо было читать как «уложим на месте».

- А сколько хотите?

- Обсудить надо.

- С кем обсудить?

- С кем надо.

- Что с ними обсуждать, давайте здесь обсудим. Если что - все вам, и никому больше.

- Гнилой разговор. - оценил происходящее Неру. Однако уходить не собрался, наоборот, после моих слов присел на приступку и достал папиросу. Все прочие остались стоять, даже Раджа, слегка всхлипывая, поднялся в своем углу и прижался к сырой стене. Вжался в нее, хотел исчезнуть. Внимания на него никто демонстративно не обращал.

- Ну и что он стоит? - спросил у меня моряк.

- Ваша цена? - любезно поинтересовался я.

- Сто тонн зеленых для начала - ответил он. Услышавший это Раджа издал непроизвольный стон. Приехал жениться в Россию, называется!

- Большие деньги, ребята, подумать надо.

- Ну подумай. Пять минут хватит?

- Спасибо! - искренне сказал я, направляясь к Радже.

- Стоять! - Неру преградил мне дорогу вытянутой ногой. - Куда прешь?

- Надо соглашаться! - сказал я Радже, думая просто выиграть время.. - Давай!

Словно послушавшись моей команды, он прыгнул обоими ногами вперед. Его каблук пришелся как раз на подбородок моряка. Тот рухнул навзничь. Я вцепился в злополучный френч, и очень вовремя, поскольку его обладатель ловко ударил Раджу куда-то под ребра. Благодаря мне удар вышел не из лучших, но Радже хватило. Он вновь перегнулся пополам и уже из этого положения выбросил кулак в сторону Неру. Легко отклонившись (несмотря на мои усилия), человек во в френче припечатал лицо Раджи коленом. Очередь была за мной - оттолкнувшись от пола, я повалил Неру на полок. Перспективы казались, прямо скажем, туманными, но тут в игру вступила третья сила - появившийся с диким криком и короткой оглоблей (длинной дубиной) Вася. Он немедленно и неожиданно умело обрушил свое оружие, во-первых, на еле-еле очухавшегося моряка, во-вторых, на коленопреклоненного, держащегося двумя руками за переносицу Раджу, в третьих - заехал по лбу Неру.

- Руки вверх, - сказал мне Вася и нервно ухмыльнулся.

11.

Все было понятно - не удовольствовавшись отведенной ему ролью, Вася решил приступить к захвату жизненного пространства. Тем более, что велись разговоры о таких больших деньгах. А сколько возможностей таили они в себе! Сколько женщин, не местных, сипухинских, а настоящих. Сколько красивых автомобилей с вытянутым, но и округлым при этом силуэтом. Автомобилей, прижимающихся к земле, чтобы в секундном прыжке преодолеть сотни метров. Или, наоборот, больших и грозных как танки, украшенных фаллическими надстройками с разных сторон. Васе, поди, милее именно они.

А дом в пригороде П., из красного кирпича под оцинкованной крышей, с множеством балкончиков, зимним садом и бассейном! И это не говоря уже о красивых кожаных, норковых, крокодиловых вещах, чудесных, серебристого или черного (что *моднее*) оттенка аппаратах. По ним можно будет увидеть новое небо, новую землю, услышать тож.

Вообще же, подумалось мне, ведь и вся эта перестройка, была рассчитана на таких, как Вася. На людей, вынужденных раньше довольствоваться ролью аутсайдера, не знающих, куда применить свою врожденную силу. Ну что давала советская власть такому Васе? Дешевую водку, да домино на лавке во дворе. Потом - смерть от цирроза на грязной больничной койке, впроголодь, под осыпающимся потолком, в окружении помойного цвета стен. В лучшем случае - старость на шести сотках под

насмешливые упреки подросших внуков, претендующих на ржавую «копейку» старого хера.

Даже в каком-нибудь Афгане или Египте погибнуть было для таких людей за большую честь! Брали-то не всех, а «лучших». Такие, как Вася, лучшими не были. Ну, шпана, и что? Просто попал в такую кампанию, если попал бы в другую - ограничился дворовым портвейном.

Теперь же такие времена настали, что Афганистан в каждом дворе, что можно и нужно брать свое там, где его увидишь. И уж сколько таких, как Вася теперь ходят в лучших людях страны! Ну, пусть не в самых лучших, но рядом с ними, то есть, над многими из нас. В семнадцатом году то же сделали большевики, дав всем - нет, не права, но *возможности*. Думал Горбачев, что для лучших старается, для той же интеллигенции. А интеллигенции и так неплохо жилось, и в образовавшуюся брешь она кинуться отнюдь не поспешила. Поспешили - причем не сразу, оглядевшись, вопросительно посмотрев на бывших кумиров, только пожавших плечами и отвернувшихся - Вася и компания.

Вот и теперь все происходит в полном соответствии с тенденциями, то есть, очень верно. Вася воспрял. Старых бандюганов - побоку, очкастого лоха (меня) тоже, а иностранца забрать, утащить в свою берлогу и продать его. Все равно ведь не человек даже, а товар, к тому же «черножопый». Так что сделка вообще плевая, дерьмо за хорошие бабки загнать. Плюс развлечение, риск, адреналин и прочее.

А мне-то лучше было жить при коммунистах. Мне не жал мой персональный венец русского творца. Был чувствительным, больно колол, стягивал голову до постоянной мигрени, но это было так, как нужно. «Тяжела ты, шапка Мономаха, без тебя, однако, тяжелей» - писал один сумасшедший поэт. Вот я и без нее теперь. А скоро останусь без того, на что ее надевают.

- Что, Вася? - поинтересовался я как бы между прочим. - Бабок решил на халяву зашибить? А ведь поди ты отсюда, с Сипухи, и не уйдешь теперь. Или уйдешь недалеко, догонят. Не эти вон, так другие.

- Молчи, - сказал Вася, его глаза блестели поистине творческим, *креативным* огнем. - Я щас тебя, чтоб не мешался… И не брыкайся, я быстро.

Сколько, однако, мощи и стати появилась в этом мелком уголовнике!

- Да я ж тебе не мешаю вроде…

- Мешаешь, - коротко молвил Вася, беря курс в мой угол. До него оставалось ровно четыре шага. Как в песне.

И тут, конечно же, опять случилось чудо. Неистребимый Раджа ожил, причем очень результативно. Его каблук на этот раз пришелся в аккурат на низ Васиного живота, под куртку, застегнутую на молнию. Мигом вскочивший на ноги, Раджа несколькими косметическими, как мне показалось ударами (мелкими, но точными) добил Васю. Все-таки, думается, не до смерти.

- Слушай, ну ты прямо боец бомбейского спецназа! - сказал я восхищенно. Радже это почему-то не очень понравилось. Он сумрачно взглянул на меня, как бы решая, что делать со мною. Решение таинственный индиец, к счастью, принял положительное.

- Возьми у них, - он кивнул на бесчувственных Неру и моряка. - Быстро, да.

- Что взять-то?

- Возьми все, что надо. Что есть, - поправился он, ловко обыскивая Васю.

В карманах моряка не было ровным счетом ничего, зато из френча Неру я достал бумажник, в котором оказалось, помимо мятой мелочи, с десяток приватизационных чеков, сложенных вчетверо, да еще и перетянутых резинкой! Оказавшийся там же складной ножик средних размеров я бросил в угол.

- Во, видал, ваучеры, - как-то даже растерянно показал я находку Радже.

Он, коротко глянув, также коротко кивнул, одновременно сбрасывая на пол свое дорогое (в прошлом, конечно) длинное пальто. Неудобный для битв и побегов наряд мирно окутал лежащего Васю, да и на долю моряка кое-что досталось.

Мы выскочили из бани. Ночь была темна и сыра. Месяц не освещал ничего, дома на Сипухе окон зажигать не спешили.

-Телефон надо. - сказал Раджа. - Где телефон?

Где-то не здесь. В домах не было ни у кого, на таксофоны надежды за последние 10 лет не осталось совершенно. Я развел руками, Раджа опять кивнул, и мы, перескочив невысокий (просто поваленный) забор, тенями заскользили по одной из сипухинских улиц. Вдоль спящих домов. По грязи и неглубоким лужам. Повернув за первый же угол, мы увидели впереди свет. Ага, недавнее нововведение, ночной магазин. Там-то телефон мог быть точно. Я, подражая американскому спецназовцу, энергично показал Радже в ту сторону, пригнувшись, и мы двинулись к «комку» уже бегом.

Магазин располагался в бывшем кинотеатре «Ударник», от которого остался один фасад, да вот оккупированная ныне дешевыми товарами комната- касса, с трех сторон забранная какими-то металлическими щитами и лишь с фасада сохранявшая свою исконную *краснокирпичность.*

- Телефон есть? - спросил я быстро.

Сидевшая за мутным зарешеченным стеклом тетка средних лет (конечно, ее никто не трогал здесь, где все было под надежным контролем, даже охрана была излишеством) меланхолично сплюнула на пол киоска очередную порцию кожуры, и поинтересовалась:

- И чо?

А кому мы собирались звонить? Ведь не в милицию. Ох, Раджа!.. Ладно, пока мне было с ним по пути.

- А вот чо! - сказал я, протягивая ей всю пачку ваучеров. - Дай позвонить!

Тетка соображала быстро. Ловко пряча одной рукой мои бумаги куда-то под стол (или прямо под юбку), другой она уже выставляла в окошко красный аппарат, в нескольких местах заклеенный синей изолентой. Раджа, выступивший из-за моей спины, тоже ее нисколько не удивил. Как и то, что по набранному на память номеру он начал говорить по-английски. Лично я разобрал я только одно - адрес нашего нынешнего

пребывания, вычитанный Раджой на табличке, прибитой к бывшему «Ударнику» - «Вишневая, 13». А вернее, так - Vishnevaia.

12.

Сразу же после того, как Раджа закончил разговор, магазинная тетка захлопнула окошко и лязгнула шпингалетом. А следом – и свет потушила. То ли притаилась ваучеры перечитывать и пересчитывать, то ли отправилась доложить кому надо про подозрительных пришельцев. Второе вернее. Хотя вроде все было тихо по ту сторону ударниковской стены. Я тревожно взглянул на индийца, но тот пришел в такой боевой задор, что о новых сипухинских головорезах только мечтал. Стоял, гордо расправив плечи, не обращая внимания на ночной холод. Смотрел куда-то вдаль, в темноту. Наверное, в сторону священного Ганга. Странные люди, эти иностранцы.

Ну, конечно, все я преувеличиваю. Все драматизирую. Все оправдываю себя. Потому что начал уже бояться этого типа. Не сумел сохранить свое превосходство над ним, как обычно, потерял власть. Проиграл, то есть. И все так называемые демократы, все эти Гайдары и Чубайсы проиграют тоже. Странно – вот и до их оправдания дошел. А начал денек образцовым красно-коричневым. Что же будет к утру?

Но кому все-таки звонил Раджа? О, я знал ответ.

Не обращая больше на него внимания, я отошел вбок и присел на мокрую, должно быть, кучу кирпичей, некогда составлявших с «Ударником» единое целое. И выбитых из стены , просто для забавы, даже не для хозяйственных надобностей. Местные жители всегда правы. Аборигены – это такие же, как вы, только другие. Да здравствует мультикультурализм и политкорректность. Действительно, холодно было. Мое пальто меня спасло и на этот раз, укутало, как гоголевская шинель. Я не Раджа, боевым духом не обойдусь.

А все потому я так рассуждал, что почувствовал (невесть с чего) себя настолько обманутым, обиженным, что в следующую секунду намертво забыл о своем открытии индийского адресата. Автоматически заставил сделать себя себе же приятную вещь. Говорят, китайцы знают где-то ниже коленок такие точки удовольствия, что нажмешь – и балдеешь *без ничего.* И не удовольствия даже точки, а прямо-таки счастья. Как я хотел бы довольствоваться самим собой!

И когда они спеться успели? Они, *они все*?

Как я догадался? Да очень просто. По наитию. По напряжению, пульсации точки, в которой все сходилось. Точка эта на месте не стояла тоже, она перемещалась в пространстве, как огонек сигареты в темноте. И чтобы в ней сошлись, замкнулись некие силовые линии, им надо было ее еще поймать. Взять в прицел, в фокус, в оборот. Так вот поймали же и меня! Так вот ведь снова по тому же месту!

В молодости, подумал я, всегда горяч или холоден, а потом прохладным делаешься. Хотя температуру такого рода фиг померяешь. Непонятно, куда градусник вставлять. А и померяешь, все равно не поверишь себе. И никому не поверишь. Тут другое, более объективное сравнение годится. В молодости тверд и вертикален, как милицейская

дубинка. *Хомо эректус*,. После - обвисаешь. И в этом главная беда. Хочется к чему-то прислониться, кого-то охватить подобно плющу и отдохнуть вместе. Пусть и в смысле идейном. Да и не только идейном, не только!

И девчонки эти несчастные, которыми торгуют, словно рельсами или строевой древесиной, как их не понять! Где их возможность, такая даже, как у Васи? Возможность *офигачить* кого-нибудь оглоблей. Разорвать дубиной зыбкие пределы окружающего мира. Хрусть – и напополам. Нет у них даже этого. Им остается не разорвать, но разорваться. Они ведь, когда соглашаются поехать с разными мерзавцами, все понимают. И заранее на разрыв согласны. Так называемое «секс-рабство» не более, чем нарушение конвенции. Ты хотела, чтобы тебя имел один и иногда. С этим не спорила. А вот когда много и постоянно, это уже непорядок. Уже безобразие. Уже ущерб организму – ну и действительно ущерб, однако речь не об этом. То есть, работа в баре – одно, а в борделе – другое.

Как их спасти? Только чисто механически. Запретить им самим определять свою судьбу. Оградить их от иностранных подлецов и отечественных подонков. Загнать в резервацию, где каждая пьяная скотина будет ее бить все равно, да и насиловать тоже. Но родная, русская свинья и в одиночку. Количество тут, конечно, может и должно быть отрегулировано.

Раджа прохаживался взад вперед, иногда заслоняя мне вид на безнадежно пустую площадь. Действительно, это была самая что ни на есть сипухинская площадь - к «Ударнику» сходились все здешние улицы. Одна – Вишневая, другая – Летчика Гастелло, третья –Героев Революции. Все названия, как на подбор, одна Вишневая подкачала. Темны они были и грязны в этот час. Где-то к востоку от нас вздыхал и ворочался вокзал, обиталище несчастных переселенцев, бомжей и шлюх, мечтающих, чтобы и их продали куда-нибудь подороже. Мелькали смутные огни, иногда раздавался страшный железнодорожный голос, неразборчиво читавший по складам – знать, ту книгу, о которой мы когда-то рассуждали с Петей Ильиным.

И тут вдалеке, на улице Летчика Гастелло, блеснули фары, потом пропали за поворотом. В нашу сторону; больше тут некуда. Я неохотно приподнялся со своих кирпичей. Потрогал ладонью - и правда, сырые. Подошел к Радже.

- Что, едут?

- Едут, да! – он радостно схватил меня за рукав. Восточный все-таки человек, дикарь. – Быстро!

- А если не те? Не боишься?

- Нет! Те, те! Хороший человек, увидишь!

Видел я разных хороших людей, и если это тот, о ком я подумал, то видел, блин, и его. И довелось увидеть снова.

13.

На площадь вылетели две машины. Резко по тормозам, кучи грязи из-под колес в нашу сторону. Но недолет. Одна машина, словно из Васиной мечты, сочиненной – а скорее все-таки угаданной мною. Огромная, черная,

квадратная. Да ведь и стекла, небось, затемнены. Чтобы уж совсем ночь, всюду. Вторая – попроще, то есть, поменьше. Раджа бросился к авто, я нехотя поплелся тоже.

Из джипа, пыхтя, вывалился, ясное дело, П-ской полумагнат, владелец многочисленных «Ландышей», Абрам Залкин. Ларисин жених, *гондон-компаньон* Раджи. Толстый, лысый, в таком же почти, как у Раджи, пальто. Он со сдавленным стоном раскрыл объятья и Раджа – нет, не упал в них, но сдержанно раскрыл в ответ свои. В Залкинском стоне было все: и извинения, и сдержанный восторг встречи, и обещание дальнейшей братской помощи. Могучие Раджа и Залкин соприкоснулись объятиями подобно роботам-трансформерам. Ожидал я даже, хоть и тщетно, лязга и искр.

Из другой машины вышли два коротко стриженных охранника в черных кожанках и встали по разные стороны парочки. Помнится, раньше у Залкина в охране служили одни чеченцы. Теперь, надо полагать, они отбыли в свою Ичкерию и стали бригадными генералами у этого, как там…Дудаева. Сидит ворон на дубу и играет в *ичкерийскую дуду*. Наши, простые П-ские парни, заняли их места.

Тут я, наконец, догадался - Раджа был ни кто иной, как бордельный курьер, прибывший сюда за очередной порцией живого товара. Случайно он попал в милицейские лапы, и вот извлечен мною обратно. Бандит рангом куда выше, чем поверженные им несчастные сипухинцы. Куда тем против настоящей мафии. А кем в этом раскладе, интересно, числился я?

Слегка пошатываясь от разных мыслей, я стоял поодаль, под пристальными взглядами охранников. Потом Раджа, конечно, указал на меня, и Залкин знаком руки позволил мне подойти. Что я и сделал, послушно, мягчея с каждой секундой (хотя куда уж больше).

- Ну вот, снова вы. – радушно заметил Залкин, не подавая, однако, руки. Хотелось думать, потому, что боялся не получить моей в ответ. - Удивительный вы все-таки человек, всегда оказываетесь...

Он затруднился, щелкнул пальцами в брильянтовых, должно быть, перстнях.

- На вашем пути, Абрам Фомич? – подсказал я.

- Да что вы! В интересных местах. И в интересные времена. Ну, залезайте в машину, поехали. Вы на переднее сидение, мы с Джоном назад, поговорить нам надо.

Я взобрался в джип. Такими вот представлялись мне в детстве машины «Белаз», виденные по телевизору. Движущиеся горы с лесенками. Чтобы лезть по ним вверх, а добравшись, смотреть на остальных свысока. Мы двинулись. Я закрыл наконец-то глаза.

- Вас куда? Домой? – поинтересовался Залкин сзади.- Представьте, я ведь помню, где вы живете! (соврал, ошибся на два дома, как выяснилось позже). Ну а завтра, прошу все-таки ко мне, в головной офис «Ландыша». Нам ведь есть что обсудить, не правда ли?

Тут он, наверное, подмигнул. Грязная скотина. Мой вечно удачливый соперник - параллельная улица. Герой Революции. А я – Летчик Гастелло. Но свернули мы все-таки на Вишневую.

О том, как прошла ночь, говорить не буду. Просто не помню. Но вот что интересно - и для меня, скажем прямо, не очень свойственно в

ситуациях такого рода. Я разделся, умылся, разобрал даже постель, и только потом свалился и был таков. Утром вымыл голову, тщательно побрился, надел свежую рубашку в клетку, черные джинсы. Даже ботинки протер. Более того, в шкафу отыскалась и длинная кожаная куртка, подарок Ларисы. Однако на голову я, в знак остаточного протеста и в комплект к майке, натянул вязаную шапочку «Олимпиада-80». Изменило меня вчерашнее происшествие, изменило!

Светило солнце, и даже грязи почти не было. Вот теперь точно весна. И Залкин, наверное, даст мне хорошую работу. Или просто много денег сразу. Или хотя бы откажется от Ларисы в мою пользу. Вопрос, чего бы из перечисленного я хотел больше, висел, не падая, надо мной всю дорогу до *головного офиса*. Я знал где он находится просто потому, что об этом знали все в городе П. Так уж хорош он был, что, говорят, вселял надежду во всякого, проходящего даже мимо.

Я старался об этом не думать, а потом даже закрыл глаза, чтобы не смотреть в окно снова подорожавшего автобуса. Слишком чисто промыто оно было, слишком гладкие пейзажи открывались передо мной. Разруха отступала, пряталась, сворачиваясь кольцом, в Сипухе и тому подобных, предназначенных для этого, местах. Все больше вдоль Главного проспекта появлялось больших вывесок, рекламных щитов и декоративных фонарей. Этот мир становился гладким и в таком развороте для меня уж совсем невыносимым. Он скользил мимо глаз, даже не царапая их. Им не за что было уцепиться. Канат, привязанный к спасительной плоскости, оказывался нейлоновым.

Вот так и добрался я до ландышевского офиса. Располагался он в бывшем детском саду, который назывался некогда – вот именно! Так и была разгадана тайна Залкинской империи. Узнав происхождение ее настоящего имени, я мог, по законам местного фэнтези, делать с ней что угодно. Несколько смущало, правда, что название детсадика никто и не думал скрывать. Более того, отреставрированная и помещенная в золотую раму табличка с *именем* висела сразу после входа, над симпатичным белобрысым охранником. То есть, *секьюрити*, конечно.

Еще в холле были белые гладкие стены, подвесной потолок - ровные квадраты в матовых пупырышках лампочек. Новая мода. Ну и огромные, тяжелого стекла двери, конечно. Внешние мне поддались, между ними и внутренними как раз и помещался охранный пост. Над ним, над детсадовской вывеской тож висела картина - деревенский пейзаж. Резкий контраст между почти прежним внешним видом садика-офиса и переменами внутри, должен был сражать наповал. Да и сразил, что уж.

Секьюирити поднял на меня глаза и улыбнулся. О, он был красив и благороден, он отличался от мерзкого охранника брачного бюро как небо от земли. Гармоничен, строен, белокур. Мне не было места там, где обитают такие, как он. Поняв это, я попятился, уперся в тугую дверь и с трудом, задом вперед, вывалился наружу, в чугунную витую ограду (вот еще одна разительная перемена, деток-то отгораживали цветные дощечки, неспособные ни украсить пейзаж, не сдержать зло, рвущееся за ограду – с обоих сторон - нынче). То ли дело чугун! Плетение, в котором, знать, спрятаны каббалистические знаки, тайные обереги с которыми Залкину не страшно ничего, и я не страшен, конечно. Безнадежно глядя на чугунный

узор, я прислонился к глухой стене «Ландыша» и, судорожно хватая воздух, одновременно принялся тереть лицо «Олимпиадой-80». Как бы приходя в себя.

Неужели я действительно хотел устроиться подавать *ананасную воду* Залкину и Радже-Джону? Неужели я мечтал об этом всерьез? Но не выдержал? Хоть бы и так - тут возможны два варианта: не выдержал как Раскольников, или как алкаш, чей желудок выблевывает все, что хоть чем-то отличается от тройного одеколона. Вот это и предстояло мне разрешить эту задачку, но сначала - все-таки прийти в себя и отдышаться.

14.

-Одним ударом!

Так я *додумал* нечто, о чем тут же забыл. Глядя в синее небо. Заслоняя, должно быть, вход в офис. Или, по крайней мере, портя его своим присутствием, отпугивая *потенциальных инвесторов*. Во всяком случае, очень скоро я услышал, как распахнулась роскошная входная дверь и кто-то, положив мне сзади руку на плечо и подтолкнув слегка, мягко сказал:

-Давайте отойдем. Здесь не место.

Да, не место, охотно (мысленно) согласился я с незнакомцем. А где оно вообще, мое место? Существует ли в принципе? Хрена с два.

Я был отведен невидимой рукой на десять шагов. Рука была не грубой, но настойчивой. Имеющей право вот так брать всяких разных за плечо и отводить в нужном направлении. Я не хотел оглядываться, смотрел вниз, под ноги. Территория "Ландыша" была замощена красивыми, большими, желтыми плитками. На одной из них уже появилась черная трещина, сквозь нее пробилась зеленая травинка. В количестве 1 (одной) штуки. Хороший бухгалтерский язык, хорошие правила жизни. Хороший Карнеги. Все я верно хотел сказать Залкину, да вот не сдюжил.

Тем временем мы вышли за ограду и остановились под частично срубленным (в том направлении, в каком он угрожал вторгнуться на территорию "Ландыша") старым тополем. Я наконец обернулся. Передо мной, улыбаясь, стоял давешний белобрысый охранник. Его черная форма была очень ладно подогнана, на голове красовался почти десантный берет, ноги, соответственно, заканчивались высокими, тесно зашнурованными ботинками.

-Разрешите представиться. – он улыбнулся еще шире. – Меня зовут Дмитрий. Можно просто Митя. Хорошее русское имя.

-Это да. – согласился я осторожно. Вдруг это у них так принято, сначала представляться, а потом бить дубинкой (болтается у него на поясе – и не болтается даже, а очень ловко размещена, полностью готова к мгновенному употреблению). – Хорошее имя, русское.

- Я вас видел вчера на Сипухе. Сидел за рулем машины охраны, наружу не выходил, поэтому вы-то меня не заметили. Ну и узнал вдобавок, как вы этого Джона спасли. По вам не скажешь, но вы просто молодец.

-Спасибо. – отозвался я, теряя осторожность. Сильно – и внезапно - понравился мне боевой Митя! – Уж не знаю, как там с этим Джоном… Говоря откровенно, может, и не следовало его спасать. Так уж получилось.

-Вот! – неизвестно почему обрадовался он. – Конечно, я ничуть не сомневался!

-В чем, собственно? – осторожность стала ко мне возвращаться. Я даже отодвинулся несколько. Будто в случае чего это могло помочь!

-В том, что вы наш! Да-да, я, конечно, навел справки, вернее, наши люди это сделали. Мы получили отличные рекомендации на ваш счет!

-Когда это вы успели? – хотя интересоваться нужно было кто это такие "вы" и почему это я стал "вашим"?

-О, у нас гораздо больше связей, чем все полагают! – он улыбнулся еще шире. – А вы не хотите задать мне вопрос?

-Ну, раз вы, Митя, все поняли… Не хочу.

-Отлично! Я все больше и больше убеждаюсь, что вы нам совершенно подходите. А мы – это движение Национальное Народное Единство. Сокращенно – ННЕ. Слышали, наверное? Нами активно пугают детей все эти так называемые "свободные" СМИ… Называют фашистами, боевиками. Полная чушь! Мы просто любим Россию и ненавидим ее врагов. Так же, как и вы.

Сказал он последнюю фразу совершенно уверенным тоном, и я с ним полностью и охотно, охотно, как бы отбегая от края пропасти, согласился. Ну, конечно, были периоды…но в целом и Залкина я ненавижу (даже на работу не смог к нему пойти), и всяких там *черных*, как говорят, наверное, в ННЕ…. Ну а что фашисты, это даже хорошо, что фашисты. Хоть что-то могут, наверное. Если уж Залкин ничего не может… И к тому же увел у меня девушку. Стыдно забывать, товарищ фашист и союзник фашистов! Потому что те, кто про это забывают, даже именования никакого не заслуживают, имени собственного.

Тем временем, Митя продолжал все так же спокойно и уверенно.

-Наши послали меня служить в службу безопасности Залкина за информацией и еще кое за чем, со временем узнаете. Я все выполнил, и поэтому сегодня из "Ландыша" ухожу. И очень рад этому. Вы сами можете понять, насколько мне было тяжело выносить плутократические мерзости! Возможно, теперь перейду на нелегальное положение. Скоро, знаете, совсем скоро будет все по-другому. Мы сделаем так, чтобы было все по-другому. Вот и надо готовится.

-Ну а я-то..я чем смогу помочь?

Прозвучало это, к моей чести, не как сомнение в полезности делу, но как просьба помочь с выбором, оружия. Поэтому Митя откликнулся в том же тоне.

- Движение активно поддерживают многие, в том числе - крупные предприниматели. И в нашей области тоже у нас есть среди них хорошие друзья. Так что дело не в деньгах - нам нужны убежденные и могущие убедить других люди. Такие, как вы. И не отрицайте – я знаю, что к вам прислушиваются, что вы можете повести за собой. Но обсудим все позже, сейчас давайте понаблюдаем за интересным делом – моим последним приветом "Ландышу" и Залкину. И одновременно – первым ударом П-ского ННЕ. Посмотрите!

К закрытым чугунным воротам "Ландыша" подъехал давешний черный джип. Водитель посигналил, ворота открылись сами по себе. Чудеса техники, чудеса ментального управления, подвластности даже

вещей некоей воле…Однако, как я смог убедиться сразу же после этого, воля ННЕ была сильнее.

Из передней дверцы вниз выпрыгнул охранник, открыл заднюю дверцу. Оттуда выбрался Залкин в давешнем красивом пальто. Раджи с ним, судя по всему, не было. Немедленно, неизвестно откуда, будто бы прямо из-под земли или с неба появилось около десяти человек в одинаковой черной форме – почти такой же, как у Мите. Он сжал кулаки, напряженно вглядываясь в происходящее за оградой. Было видно, что ему очень хотелось быть там, с этими *патриотическими ниндзя*!

- Да, наша дружина, - пробормотал он сквозь зубы, увидев мой взгляд и не отрываясь от поле битвы.

Мощными короткими ударами двое из нападавших сбили слегка замешкавшегося залкинского охранника с ног. (Я заметил, что у них в каждой руке очень короткая палка, вроде деревянной ручки двуручной пилы или пинг-понговой ракетки. Этими палками ниндзя и действовали). Еще двое выкинули из джипа водителя. Оглушили, швырнули лицом вниз рядом с охранником. Как раз нос к носу с давешней травкой. Оставшиеся окружили Залкина. Тот, видимо, растерявшись, поднял обе руки вверх, сдаваясь. Но в этой войне пленных не брали.

Дружинники ННЕ схватили Залкина за руки - за ноги и с размаха приложили его лысой макушкой к лакированной дверце джипа. Потом еще раз. Окровавленный Залкин потерял сознание – или притворился, как жук, струсив. Был брошен наземь рядом со своей обслугой.

Один из боевиков споро начертал струей краски из баллончика на стене «Ландыша» нечто похожее на свастику. Конечно, это был вовсе не нацистский символ, а наш, исконный *коловрат* - вспомнил я иллюстрацию из книжек, некогда активно подсовываемых мне Семибородовым. Тем временем ниндзя столь же споро вытащили откуда-то из недр джипа канистру с бензином и побрызгали на машину. Везло, решительно везло мне на таких пироманов! Тут меня осенило - а может быть, в прошлогоднем приключении в «Крашении мехов» тоже участвовали боевики ННЕ? Или, допустим, их неорганизованные еще в то время сторонники. *Несоюзная молодежь.*

- Пойдемте, - Митя потянул меня за рукав. - Сейчас здесь будет горячо. Причем. - он белозубо улыбнулся и поднял вверх палец. - И в прямом, и в переносном смысле!

15.

Улыбчивый боевик Митя напоследок посоветовал мне некоторое время не появляться в публичных местах. Едва ли пришедший в себя Залкин будет охотиться на меня специально, Раджа тем более (он вообще уйдет на дно, если не покинет наш П.). Но все-таки лучше гусей не дразнить и на глаза не показываться. С этими словами он, по своему обыкновению, ласково и твердо, впихнул меня в автобус. И я отправился назад, на свои Красные Зори, откуда, видно, выхода уже нет.

Дома я подумал, что едва ли Залкин сейчас в состоянии беспокоиться о такой малой величине, как моя. Да и, вообще говоря, он, а особенно индийский гость, должны мне быть благодарны, что я не

добрался до «Ландыша» и не сказал все, что о них думал. Или не принял участие в операции по ликвидации. Может быть, тогда бы все безобидным мордоьбоем не иограничилось! Конечно, если бы Залкин в ответ на все мои слова и дела не приказал бы меня застрелить прямо в своем кабинете, а потом вынести, закатанным в ковер, и замуровать где-нибудь в детсадовской стене. Но едва ли Абраму Фомичу свойственны такие романтические порывы.

Что же до ННЕ, то я чувствовал тут какую-ту *зазубринку.* Что-то не сходилось. Причем скорее по внутренним обстоятельствам, чем по внешним. Понятно даже было, кто меня мог рекомендовать - наш Семибородов, автор «Таежной эпопеи», литературный, прости господи, мой наставник. Нынче он в той Москве, стало быть, которая около Белого дома, а не около Кремля. Не знал я его раньше за такого радикала, чтобы он с ННЕ знался, но чем черт не шутит - может, и я его чему-то научил! А не только он меня «всегда заботиться о выпуклости и национальной обусловленности характеров литературных героев».

Смущал меня как раз очередной разворот судьбы. Очевидно, что я вот-вот был готов согласиться с существованием пресловутого гладкого мира, стать его частью. И если бы пришлось потолковать с Абрамом Фомичом, то мое рефлекторное отвращение ко всему ландышевскому, могло бы выдохнуться, как бутылка открытого пива. А не взбрыкнуть-взорваться прямо в руках. Но случай-то, случай каков, вновь направивший меня на рельсы бескомпромиссной борьбы жизни черт знает с чем!

И мог ли я давать хоть советы ребятам из ННЕ, которые, при всей их убежденности, действительно горячи, к Залкину относятся с ненавистью… Вот с Ларисой, кажется, совсем плохо. Кажется, я окончательно (и пусть, пусть лишь мысленно!) выговорил Залкину то, что у меня еще по отношению к ней оставалось…

Кстати, о пиве. Свидетельством действительного поворота судьбы, и свидетельством, может быть, самым важным, стало то, что даже пива мне сейчас не хотелось, не говоря о более прямых и действенных напитках. Все, проехали. Эксперимент закончен. Не заняться ли обещанным сводом жизненных правил, Новой этикой, но только не на залкинский, а на ННЕ-вский манер?

Вот в чем дело – я чувствовал, что один больше не выдержу. Груз спасения, или хотя бы уничтожения этого мира оказался невозможным. Другое дело, что никаким иным он и не мог оказаться – а все-таки обидно. И понимал я, что на Залкина и компанию вернее бы его перевалить, да вот как-то не судьба. Что ж, поделюсь ношей с детьми. Эту мысль следовало додумать, это, может быть, была самая главная моя мысль. Я пообещал себе сделать это незамедлительно, как только, так сразу, и года не пройдет, вот что.

Следующие несколько дней я, питаясь недорогими молочными продуктами и хлебом, занимался своим трудом. Больше сочинял, чем записывал. А что записывал - просто рвал в клочья. Но рвал вполне удовлетворенным, потому как это был редкий случай, когда порванное шло в дело, создавая нечто вроде фундамента для того, что придет позже - и останется целым.

Потом появился Митя. Был он в черной ветровке без воротника и в черных джинсах. То есть, фирменный цвет ННЕ (и охраны «Ландыша») был при нем, но в глаза не бросался. На голове со слегка отросшими, тоже для маскировки, волосами - кепочка с маленьким козырьком, почти берет. Понимающий - поймет.

- Если не возражаете, - сказал он, поздоровавшись и оглядевшись на развалины моей квартиры, - я хотел бы пригласить вас на нашу базу. Посмотрите на наши дружины, с ребятами, если хотите, познакомитесь…

Я согласился - и права отказываться не имел, да и любопытно было глянуть на моих новых героев, тех, чьим голосом я намеревался стать, что называется, поближе.

- А что по Залкину? Милиция работает?

Митя легкомысленно пожал плечами.

- Милиция из вредности руками разводит, не видит состава преступления. Да Залкин, главное, не настаивает. Размышляет, стоит ли. Ведь и детали его бизнеса может наружу всплыть не слишком светлыми боками. А так - отделался легкими телесными повреждениями. Джип новый купить, думаю, для него не проблема, награбил достаточно.

- Конечно, - тут он довольно засмеялся, - все равно наружу все его гнусности выйдут, мы уж постараемся. Но пусть пока Абрам на судьбу понадеется.

- А КГБ, или как он там?

- «Контора»-то? Ну, мы же пока официально незарегистрированы, нас как бы и нет. И проблемы такой как мы в демократической России не существует. Да и такие дела по стране скоро начнутся, что непонятно, чья возьмет. Плюс ко всему ориентировки у них на индийца знатные, мы им помогли… Ну и сочувствующих там, я думаю, нам немало. Пока молчат, позже присоединятся. В общем, все в порядке. Появилась в газете, правда, пара статеек про нас, местными демократицами инспирированная. И сочувствующими им - есть профессор Парамонов, вам он известен? Гнусные статейки, ругательные напропалую. Но, во-первых, нам даже и лучше. Понятно ведь разумным людям, кто пишет и как это надо понимать. А еще… Еще для вас маленький сюрприз.

Рассудительная речь Мити как-то вполне естественно состояла из прозаизмов с «политизмами» пополам. Вот можно ли говорить нормальному человеку «инспирированные»! Однако у него проходило на ура. Быть ему большим политиком! Я проникся чувствами с новой силой. Натянул ботинки, пошел вниз.

Сюрприз помещался в старенькой Митиной «пятерке» белого цвета, изрядно заляпанной грязью (знать, для пущей маскировки).

- Вот, - сказал Митя, открывая заднюю дверцу, - два хороших человека встретились.

Это была журналистка из «П-ской молодежи», когда-то мною виденная, и даже целованная вскользь на редакционной гулянке (да-с, когда-то были и мы вхожи в разные круги…). И звали ее (вспомнил не без труда, но быстро) Лена. Лет тридцать, короткие волосы выкрашены в ярко-черный цвет. Вороново крыло. Лицо странное - нижняя челюсть чуть назад, острый носик торчит в противоположном направлении, при этом углы губ опущены. Фигура еще странней - сутулая, вообще, тщедушная. Не

сказать при этом, чтобы худая. *Неравномерная*. Но грудь (скажу, забегая вперед)- первый сорт, четвертый номер, хотя с первого взгляда не определишь.

- Здравствуй, здравствуй, - сказала она протяжно, да еще с каким то московским прононсом (что в П-ских журналистских кругах считается большим шиком). - Вот, оказывается, кто этот таинственный союзник наших радикалов…

- Так вы знакомы? - обрадовался Митя. - Ну, тогда едем вообще весело!

И он тронул в путь за город, благодаря чему и началось движение, приведшее меня вместе с Вишневым на деревенский сеновал жарким июльским утром того же года. О чем шла уж речь выше - а более подробно будет сказано впереди.

16.

Первый раунд завершился. Синяки прошли, пройдут и воспоминания. И гордость. Уже проходит – сейчас-то я проиграл и вовсе без малейшей надежды. За год поменялось все – время поменялось, вот что. Я еще лез на него с кулаками, но совсем уж зря, да и сам понимал это. За мной больше ничего не стояло. Некому было за меня заступиться, все старое, любимое, советское, на глазах ветшало, рассыпалось в прах. Остаток сил, пожалуй, стоило тратить только на то, чтобы устоять на ногах самому. Я же Систему люблю, любую систему. И СССР поэтому, и физику разнесчастную.

Вот этого, скудного, я только и смог пока добиться в личном зачете. Не в боевых единоборствах уцелеть, но в танцах, танцах с этим миром… И то - был перетанцован напрочь. Разбит наголову. Потерял последних, кого имел. Враги же возвысились. Лариса – в постели Залкина. Петя Ильин все-таки мертв, и это - закономерный ход вещей. Логика смены эпох, тяжелые колеса, размашистые маховики локомотива истории.

Родители мои мертвы тоже, ничего я не смог поделать и с этим.

Залкин, его будущий тесть с тещей (жениться на дочке подчиненного – как благородно!), Раджа, Антон, Ельцин, Бурбулис благоденствуют. Я им даже завидовать не могу, и деньги я разлюбил – не полюбив, отчаявшись сделать это – окончательно. Тем более, что новые их воплощения, дензнаковый дизайн эпохи- 1993, ничего, кроме отвращения, вызвать не может.

Что мне делать дальше? Умирать я еще (уже) не хотел – во всяком случае, находил чрезвычайно пошлым. Мне опять захотелось поучаствовать во всем-во всем, но уже вместе с кем-то, всей толпой, заодно против кого-то. Вот поэтому – сказал я себе - я еще здесь и еду открывать новый сезон, трясясь по всем кочкам.

И кстати, не пора ли поменять еще кое-что?

Козловым я был Александром,
Им больше я быть не хочу.
Орловым я стану Никандром,
За это я деньги плачу.

Что ж, имя Никандр как нельзя лучше подходит деятелю национального сопротивления. Серьезному человеку, готовому служить философии общего дела. Тяжелое пальто и концептуальный шарф, потертая шляпа тож, растворялись, исчезали на глазах. Мысленно я уже обливался гладкой черной кожей, штирлицевым регланом. Было в этом что-то порочное, но и, вместе с тем, что-то из детства, светлое и щемящее.

Тем временем Лена, сидевшая рядом на крайне потертых сидениях, пахнущих (приятной, мужской) дрянью вроде ружейного масла, не переставала задавать вопросы Мите. Говорила она по-прежнему манерно – в контрасте с Митиной повадкой. Тот, не оборачиваясь, отвечал весело, быстро и точно. Мне, слева, были видны очертания его сильной скулы, кончик носа, веселый ежик на голове.

Все так же, продолжая говорить и интонировать, Елена положила мне правую руку на колено. Еще секунда (за которую я, очевидно, мог бы выразить свое несогласие – но я и не собирался этого делать), и ее быстрые, острые пальчики переместились значительно выше. Я почувствовал неожиданную радость от этого – в качестве Никандра я не перестаю нравится девушкам! Даже наоборот!

Но в самом деле, хватит игр! Встает солнце нашего дела! Большое, багровое, видное всякому в одинаковом ракурсе и конфигурации.

«Пятерка» неслась все быстрее и быстрее. Покинув пригороды, мы выезжали в поля.

Никандр огляделся. Некрасивая стареющая девушка сидела рядом с ним. Вонючий, низенький, в черном, держался скрюченными, волосатыми пальцами за облезлый руль дрянной машины, проржавевшей уже насквозь. Впрочем, был Никандр хорош и сам – напряженный, плохо выбритый, гадко одетый, тощий человек в больших очках. Ну, да это ничего, это пройдет.

<u>Часть вторая. Похождения Никандра</u>

1.

А хотел Никандр сказать Залкину в его огромном, роскошном кабинете с баром, декорированным под старинный глобус (сравнимый с залкинским животом), кожаной мебелью и дубовыми шкафами, вот что. При этом, конечно, во многих местах лукавя, соблюдая тактику.. В «Анну Карнегину» все войдет в ином, более радикальном виде.

1) Про Ваш бизнес. Я его понял, я Вас разоблачил. Вы - банальный работорговец. Вы воруете последнее, что есть у страны. Мне тяжело даже думать про все те мерзости, которым если не Вы, то в итоге Ваших действий подвергаются наши девушки. Последнее, что может дать Россия остальному миру, разжиревшему на остальном нашем достоянии. Бывшем нашем - благодаря таким вот как Вы в разные эпохи.

2) И что же? При всем том, Вы ничуть не мерзее прочих. И если б судил не народный суд, а совсем-совсем другой (можно сказать даже, что *антинародный*), он бы Вам показал наравне с этими самыми прочими кузькину мать! Но именно что наравне, нечем Вы от иных не отличаетесь. Впрочем, и обыкновенный, народный суд показал бы тоже. Заслужили!

3) И этот Ваш индиец, он потому, наверное, черный, что прямым ходом из преисподней. Но против ли я черных теперь? А ведь был против, это Вы прекрасно помните, как и против Вашей, Абрам Фомич, национальности. Теперь же - нет, не против. Теперь, если хотите знать, я на вас на всех даже надежду питаю.

4) Но сначала еще о себе - то есть, о Ларисе. Вы, Залкин, ее украли наравне с остальными. Продали самому себе в персональный бордель. И за это с Вас еще спросится, причем вот на этот раз - сугубо персонально. Не отмажетесь! А я… Что ж, если Вас устраивает мой образ *дурачка на похоронах*, то пожалуйста. Я-то себя по другому ощущаю, как что-то во что-то вмерзшее, неподвижное и бессильное. Так что петь и плясать - это уж увольте. Но если Вам кажется, что пою и пляшу, то, повторюсь, ради Бога.

5) Так вот, к делу. Признавая вас всех - и черных, и других, и брокеров, и *агентов влияния* - я готов пойти дальше. Я готов в прах у ног Ваших рассыпаться. Из уст Ваших быть рассеянным - и смешаться со всем остальным миром, также произошедшим из уст нечистых. Но именно что смешаться, и именно что с однородным миром. Гомогенным, не сочтите за намек.

6) А для чего? Для общего же блага. Вот сейчас говорят - темные времена настали, новое средневековье (кому-то на Западе это даже нравится - во всех смыслах, и что Россия погибла, и что у них там примитивные ремесла расцветают, ручная работа). Зашло прежнее солнце, нового нет, вот и темнота. Однако есть лампочки, светильники. И вообще - темнота она ведь друг молодежи. Вот вы с компанией об этом задумывались? Ведь нет же! А вы могли бы не заслонять светильники, как сейчас, но светить самим. На кого же надеяться сегодня? Я думаю, на Вас и

ваших орлов. Но пока никто из вас для этой надежды ровно ничего не делает.

7) Поясню еще раз. Что делает лампочка, сгорев? Правильно - не своим ходом отправляется в мусорку. Но горе тому, кто выкинет лампочку, способную заниматься своим делом. И горе той лампочке, которая с этим согласиться. Так что ж вы все в мусорный контейнер так торопитесь, аж подпрыгиваете? Наш брат интеллигент, ясное дело, ни на что уже не годен. Он - муляж, не более. И вообще, мы оказались пчелами, умирающими после первого же укуса. Мироздание устояло, посмеивается, пчелиный яд даже полезен. Вы должны стать осами. Многоразовыми убийцами.

……

15) Я вообще хочу разработать что-то типа философии, но не философию совсем, а, может быть, свод жизненных правил. И чтобы в нем было все - и наше, и не наше. То есть, потенциально ваше, Абрам Фомич. Но только потенциально покуда! Вы еще не сумели, не сообразили как прибрать мир к рукам не во внешних, но во внутренних ипостасях. Не воспользовались до сих пор уникальным шансом. Не стали классом для себя, говоря по-марксистски. Может быть, я вам и помогу своим кодексом правил и жизненных примеров. В которых будет и "Евгений Онегин", и Устав ООН, и "Анна Каренина" и Дейл Карнеги. В конце концов, Чебурашка и Том с Джерри. А может быть, Вам ничего уже не поможет, и вас всех нужно будет просто смести с шахматной доски одним ударом.

Впрочем, будь я Никандром уже в то время, делал бы и говорил все совсем иначе.

2.

Съездили они удачно - хотя ничего толком и не увидели. Загородный тренировочный лагерь. Бывший пионерский, под названием «Юный дружинник» - вот и справдилась былая правда. Ребята-боевики, человек десять, не больше, по виду от 16 и чуть старше. На «дружины», многочисленные и сплоченные, обещанные провожатым, они не тянули. Митю приветствовали очень почтительно. Не будь Никандра с Еленой - и вовсе склонились перед ним, как перед *сенсеем*. Но Митя остановил их незаметным движением руки. И все-таки, совсем они молоды!

- Уже по восемнадцать, - поправил Никандра Митя. - У нас не секта, у нас школа патриотизма, выбор каждый делает сознательно.

Наверное, среди них были и те, что напали на Залкина. Но в обычной одежде - спортивных трусах и белых майках - их не узнать. Занимаются будничными делами, преодолевают полосу препятствий, разминаются, причем инструкторов не видно. То ли прячутся, то ли вообще нет.

- Конечно, нет, - подтвердил Митя. - У нас все на коллективизме, старший учит младшего, сильный - слабого.

Элен (конечно же, она именовала себя именно так!) старательно записывала в блокнот. Для нее, видно, все и говорилось.

- И еще - вся одежда, вплоть до нижних трусов, у нас отечественного производства. В частности - П-ской фабрики «Динамо». С фабричным руководством у нас прямой, очень плодотворный контакт.

- Фабрика же приватизирована, - поинтересовалась Элен, - у вас контакт с нынешним хозяином?

Митя на секунду смутился. Элен этого и не заметила, Никандр же, как-то обреченно (сколько можно читать других как довольно скучные книги), понял, почему смутился Митя и что там у них за контакты. Видно, владелец этого самого «Динамо», и был тем таинственным денежным помощником местного ННЕ. В единственном числе, скорее всего. А значит, решал таким образом свои конкурентные вопросы с Залкиным. Может быть - да, а может - и нет. Ясно, что да, и увы от этого. Иначе какой резон «динамщику» с ННЕ дела иметь? Разве что дрянные майки патриотам за бесценок сбывать. В идейность спонсора Никандр не верил. Хотя, наверное, судить по себе не следовало.

Разговаривать подробнее молодые люди не стали. Все косились на Митю, и как он ни подбадривал их, не могли вымолвить ровным счетом ничего. Никандр подумал, что это он их для вида подбадривает, а на самом деле дает какой-нибудь тайный знак: молчок!

Поэтому в итоге сам Никандр, не скрывший имени и фамилии (хотя обычно о них умалчивал), попал в статью Элен главным героем. Митя оказался зашифрован под невразумительным инициалом, равно как и пострадавший Залкин. Митя отрицал причастность организации к нападению, не споря с тем, что акцию протеста могли совершить люди, сочувствующие *национальной идее.* А Никандр, стало быть, сделался идеологом ННЕ. Наиболее пафосные места из его, этакого местного Геббельса, спича, конечно, перевранные безбожно, в статье выглядели так:

«Мы считаем, что Бог *выбрал* Россию - и как поле для великих экспериментов, и как свою возлюбленную дочь. Тут нет никакого противоречия, наоборот, если вдуматься, одно подтверждает другое. И то, что мы делаем - мы делаем всего лишь для помощи божественным силам, которые стремятся очистить нашу Родину от всяческой мрази. Очистить не обязательно физически, мы в принципе против физического насилия. Очистить, как очищают кровь, пуская в вену лекарство».

Тем не менее, даже в таком виде статья имела некоторый резонанс. Как-то на улице к Никандру подошли два дальних и давнишних знакомых - братья Ракитины, местные рокеры. Пожав по очереди руку, волосатые Ракитины приветствовали мое воссоединение с правильными идеями, таинственно добавив, что «ведь не зря и Егор с нами». (Сперва Никандр подумал на Лигачева). Кроме того, им очень понравилось выражение относительно «пускания по вене». Без комментариев.

По внезапному вдохновению, Никандр от имени ННЕ предложил Ракитиным сотрудничество. А через неделю - передал текст, который, будучи положенным на музыку, должен стать гимном местной дружины. Вот, думалось ему, для Мити сюрприз-то будет!

Вообще, пропаганда ННЕ шла успешно. Профессор Парамонов не исчезал с телеэкранов, пугая коммунистическим реваншем, националистическим шабашем. В городе П., где 90 процентов всех обитателей было русскими, причем как раз живущими за чертой бедности, лучшей рекламы движению было и не придумать.

Митя появлялся в Никандровой квартире редко, каждый раз благодарил. Все за одно и тоже. Все за непонятное – знать, за то, что не

сбежал пока. Мужественно жал руку. Мол, победа близка. И не сбегу, не надейся – думал Никандр.

Кроме того, как-то внезапно, сразу после поездки в тренировочный лагерь, они начали заниматься с Элен известными и чрезвычайно распространенными в журналистских кругах делами. Неожиданно ему понравилась ее манера дышать часто и прерывисто, причем какими-то периодами, совершенно не зависящими от происходящего с ней. Ее весьма либеральные сексуальные привычки. Наконец, ее большие груди с крохотными сосками, ловко приходящими в *рабочее положение* от одного прикосновения его пальцев. Куда там несчастной Ларисе, с которой, по правде говоря, всегда было ощущение, что ты - злобный завуч детского приюта. Приятное в общем-то - но быстро надоедающее. Он решил, что Лариса уехала куда-нибудь за границу, готовиться к свадьбе с Залкиным. На том и успокоился. Он же был Никандром, вот что.

Но скоро кое-что и в Элен стало его раздражать. Прежде всего - воспоминания о прежних любовниках, с которыми было все *так горячо*, но все так плохо кончалось. Эта тема не давала ему покоя и раньше – в доникандровы времена – в отношении той же Ларисы. Почему – совершенно непонятно.

Тем более, что рассказы Элен были и позитивны, и забавны по-своему. Так, некто по прозвищу Кустанай (!), ныне отбывший в неизвестном направлении в сторону Запада, до того ее унижал и даже поколачивал, что однажды она, круто поссорившись с ним, распылила прямо в комнате баллончик «Черемухи». В итоге разъяренный Кустанай сломал ей руку и вообще они чуть не задохнулись. Был он кавказец, а не казах, вопреки прозвищу. Не чеченец, а карачаевец. Народ, надо полагать, бодрый.

- Но не думай, - всегда после таких рассказов говорила Элен., - это все были эпизоды. Так-то он (и все остальные, надо полагать) меня любили. А я сначала да - а потом нет. Поэтому и выгоняла. В конце концов, я не кошка, а свободная женщина. Не правда ли? - тут она прижималась к Никандру пухлым боком, намекая на готовность немедленно забыть обо всем прошлом, унестись *в буре страсти* настоящего.

3.

Но и нравилось ему в Элен многое. Как она умела с серьезным видом слушать разного рода глупости. Философские, то есть, спичи. Видимо, прежние любовники научили. Кустанай среди них, все-таки, был исключением. Остальные - местная полубогема, журналисты и прочие. И вот картина - Никандр, голый, с бутылкой пива, расхаживает по ее квартире, говоря о началах своей «Анны Карнегиной», своей «Новой этики». Она, в таком же виде, лежит на диване, слушает. И вставляет уместные реплики. А что нужно еще?

- Главная проблема современности, - говорил Никандр, - заключается в изменении масштабов всего нас окружающего. А потом и всего, что у нас внутри. Посуди сама. От П. до Москвы, а оттуда до Нью-Йорка - меньше суток. Другое дело, что денег нет, да и вообще, по любому дорого - но об этом позже. Долгое время ограниченность, сугубая локальность нашего мира, была чем-то несущественным, просто линейным

облегчением жизни. Нужны были еще некоторые технические революции, чтобы потом, по совокупности, нас всех *накрыло*. Чтобы все, что снаружи, перешло внутрь нас, переделало, сформировало заново саму структуру нашего сознания.

Давай посмотрим: мало осталось расстояния между различными точками планеты. Еще между чем и чем? Между нашим глазом и окружающим пейзажем. Речь идет о телевизоре. Можно сказать то же и об ухе-радио. Однако об этом еще 20 лет назад говорено-переговорено было. Если расстояние невелико, то, значит, мы можем не пользоваться оптическими приборами, с двух сантиметров все увидит и самый близорукий. А радио и ТВ теперь вовсе не приборы, теперь это просто необходимые части нашего тела, надстройки на нем. Без них - полный инвалид, с ними - можешь занимать социальное место. Ну и компьютер дело усугубил. Нажимаешь на клавишу - и буква готова, ноль усилий. Ведь пером-то или шариковой ручкой буквы выводить надо, стараться. Знать, помнить, что есть и ручка, и бумага, устанавливать и поддерживать постоянную связь между ними. Уметь сопрягать их на некоторой дистанции. А еще - прилагать усилия, чисто физические, держать ручку, обеспечивать необходимый для выведения линии наклон. Усилия - вот что важно.

Ведь дистанция - это и есть усилия, необходимые для ее преодоления. Связь самая прямая - чем больше дистанция, тем большие усилия нужны для ее преодоления. То есть - устранения, уничтожения.

Возможно, ты думаешь, что это я веду к филиппикам просто всеобщей расслабленности, лени? То бишь, превращению обратно в то, из чего мы, благодаря трудам нашим, и произошли. Вовсе нет! Я, как ты знаешь, сам такой, работать не люблю, и считаю труд натуральным проклятием. Ну, вслед за многими. И для меня известное выражение насчет прыжка в царство свободы означает именно отказ от принудительной работы. Но! Речь о другом. Речь о том, что исчезновение дистанции меняет весь наш строй мыслей. Не может не изменить. Да и только ли мыслей? Пожалуй, что и все личностной структуры.

Отсутствие дистанции - это отсутствие длительности. Мы получаем результаты *немедленно,* или с тем временным промежутком, который неразличим и незначим по существу. Как поется в песне группы «Технология» (группа, конечно, ерундовая, хороша только названием, а так - «Депеш Мод» на балалайках), «нажми на кнопку - получишь результат». Пример тому - народные депутаты, как про них говорила одна тамада на свадьбе - «сидят на попке, жмут на кнопки». А добиваются многого, хотя им власть, похоже, укорот скоро даст немалый.

И самое серьезное в этой ситуации есть изменение некоего ландшафта желаний. Далеко не все, о чем мы когда-либо мечтали, чего желали, может осуществиться в принципе. Но многое - может. Только при этом пройдя долгий путь, и на этом пути претерпев серьезные изменения. Просто потому, что путь долог. Интенциональность (грубо говоря, вещество наших порывов, самих желаний) всегда усмирялась длительностью. И вот длительность исчезла. Неизбежно машина желаний даст большой сбой!

Это кто-то может думать, что теперь желаниям будет легко оказаться на свободе, воплотиться. Как бы не так. Пространство между нашим желанием и его осуществлением - это и есть пространство жизни, пространство культуры. Если хочешь, пространство невроза, который, как давно известно, бережет нас от паранойи *сбычи мечт.* Как говорят у нас в П.

Исчезнет это пространство - исчезнет весь знакомый нам мир. И мы, кстати, могли убедиться, что такое исчезновение легко возможно.

Был Советский Союз - стала гнусная, демократическая Россия. Разница - только в длительности исполнения желаний. Да и желания, как давно известно, всегда воплощаются самые мелкие и гнусные. Ну, пиво разное пить, кока-колу. Ну деньги, женщины… Что еще? Да ничего ровным счетом.

СССР был воплощением Закона. Как и любая структура государственной власти. Сейчас же у нас бушует тотальная лотерея, сплошная комбинаторика вместо кодексов и уставов. Вместо Закона, скажу еще раз. Лотерея - это совокупность кратких операций, этаких *жестов*. Выиграл - невыиграл, колесо проехало дальше. Давай еще один раз, повезет обязательно! Здесь нет банды наперсточников, злой силы. Просто выскакивают в разные стороны и разлетаются выигрышные и невыигрышные шары-желания. Кому-то в карман, а кому-то в лоб. Однако все надеются, что все-таки в карман.

Это просто пример, с Россией-то, на Западе происходит точно также. Только если у нас комбинаторика политическая, то у них финансовая, технологическая. На этом держится весь прогресс. Вот посмотри, сейчас чуть ли не у каждого пятого в П. завелись «видаки». Да и видеокамеры небольшая редкость. Плюс компьютеры, причем самые навороченные, модели 386. И - уже во многих конторах. А год назад? То-то. Люди сами идут навстречу тому, что, будучи в них встроено, уничтожит длительность.

Закон же, причем любой, в отличии от нынешнего нарезанного на мелкие дольки беспредела длителен, ибо он есть (цитирую по памяти) "инстанция, основанная на необратимости и непрерывности". Комбинации жестов прерывны, повторяются лишь их наборы - практически в любом наборе.

И я думаю, что здесь, в России, власть обалдела от происходящего, но ненадолго. Уже завтра она опомнится, повторюсь, справиться со всеми депутатами, и сумеет контролировать остальную жизнь. Вот увидишь! При этом нашей власти Закон не нужен. Ей нужно самой заниматься комбинированием жестов, самой запускать шары в лототрон (а лучше - в лохотрон) и быть главным при раздаче призов. Так что Закона не будет, а будет свод Правил игры, инструкция. Ее-то за Закон и попытаются выдать. Но - чуть позже.

Так что, Ленка, пока это время не наступило, давай-ка еще по пиву - и в койку! Интеллектуально мы уже размялись.

Она охотно согласилась.

4.

Дома Никандр появлялся все реже. Делать там было нечего, тем более, утешал он себя, что и Митя ему советовал Залкина поберечься. Когда Элен уходила на работу, Никандр валялся на ее старом диване. Играл с большим котом, переименованным в Карнеги. Раньше его звали Корней, иногда он даже откликался на новое имя. Кот был чуть не кастрирован одним из прежних любовников Элен.

- Он говорит, - рассказывала Элен, - давай ему голову в валенок засунем, и секатором. Как у них в деревне, говорит, все так котов *подкладывают*. Слово-то какое! Ты представляешь? А ему отвечаю – ага, это вот тебя бы секатором, и очень даже кстати бы вышло. Ну деревня он, конечно, что с него взять.

Элен, опасаясь за своего кота, собственными руками отнесла его в ветклинику. Своей судьбы будущий Карнеги не избежал. А деревенского любовника Элен все-таки выгнала. Почему это, задался вопросом Никандр, интеллигенция в таких ничтожных провинциальных городах, как П., с презрением говорит о деревне. Хотя понятно, почему – это их единственное завоевание, научиться говорить разные слова и жить в высоких домах с канализацией. Жить плохо, муторно. Радоваться, как писал кто-то (может, и Никандр в свою поэтическую эпоху) *горьковатым огурцам.*

Рассказывала Ленка и о бурных событиях, происходящих в их «П-ской молодежи». В связи с акционированием, чтобы это ни значило, газету покупал местный буржуй, главный редактор ему в этом здорово помогал. Рассчитывая поиметь долю. При этом *трудовому коллективу* доставалось шиш да маленько, и то не всем. Тем только, кто готов был пойти на сговор с новыми владельцами, предать товарищество, «гражданство, братство, дружбу».

- А кто покупатель? Не Залкин, часом? – без особого интереса полюбопытствовал Никандр.

Нет, не Залкин. Более того, у Залкина, как говорят, крупные неприятности со стороны налоговиков, и даже прокуратуры. А покупает конкурент, быстро набирающий обороты. Тот, кстати, который и фабрику «Динамо» приобрел. Фамилия вот такая. Знакомая, но ничего не говорящая. Да в П. полгорода друг друга то ли видели, то ли слышали. Осведомлены о наличии в любом случае.

- Но удивительно, знаешь, как ведут себя все наши. Какая-нибудь корректорша, ей год до пенсии, ее из жалости держат, как ударника первой пятилетки - и туда же. Орет вовсю, а втихомолку готова за рубль удавиться и всех вокруг удавить. Нет, ну точно, «обмани ближнего своего, а не то он обманет тебя и возрадуется».

Да, это выражение было ему известно. Даже в куда более грубой форме. Такой вот категорический императив здешних мест. И даже без иронии - действительно *категорический* императив. Ведь чего угодно можно добиться, стать каким угодно, даже мир переделать - лишь нужно держаться одного. Быть категоричным. То есть, держаться трех своих категорий. Пяти, не больше.

Горячего желания обмануть своего ближнего здесь нет. Нет и цинизма, то есть, желания холодного. Есть уверенность, что это необходимо. Всякий идеолог национализма может свидетельствовать:

сказался большой опыт нашего народа. Следствие многовековой борьбы с иноземными нашествиями и *тайной свободы*, конечно. Той свободы, которая наступает всегда после поражения. А может быть, рассуждая в духе «Анны Карнегиной», эта тайная свобода и делает поражение неизбежным.

И насчет поведения корректорши все было ясно. Припомнить хотя бы эмансипированного Васю. Почему ему можно, а толстой корректорше в желтой кофте и седых волосах, собранных, как у Крупской, в пучок, (да, еще и в очках с толстой оправой и толстыми же стеклами) нельзя? Рассуждает она логично, но все-таки нельзя.

А Вася, которому можно, грядет. Вернее, уже грянул. В этом смысле и ННЕ Никандру стало интересно совсем не как осколок прошлого, некоего мифического СССР. В прошлом такого и не было. ННЕ было авангардом сегодняшнего дня. Таким же, как Залкин и Вася. Он надеялся даже, что потолковее и порешительней, чем те. И чем этот, как его там по фамилии, спонсора-то патриотического…

Припоминать ничего не хотелось. Июнь выдался душным. В воздухе копилось электричество. Буря бы грянула, что ли. Да видно, стакан полон еще не до краешка. Единственные люди в центре города, сестра и ее Корней Чуковский (не переименовать ли и его в Карнеги), о себе знать не давали. Ну и слава Богу, думал Никандр заведомую неправду, вот разбогатею, куплю гостинцев, приеду на белом «Мерседесе». Подушки дивана Элен пахли котом и пылью.

«Анна Карнегина» не продвинулась ни на шаг, но Никандр сильно не переживал. Будет июль, август, сентябрь и октябрь, наконец. Деньги (те самые, даренные Раджой сто у.е.) кончались. Не спросить ли у Мити. Пусть поделиться с товарищем по борьбе. Кстати сказать, пить ему по-прежнему совсем не хотелось. Как вошел *туда* - так и вышел Что доказывает неправоту тех, кто уверен во влиянии попадающего в желудок и в кровь на мозги. Поэтому так хорошо ему в квартире Элен, в этой хрущевке, украшенной ветхой стенкой местного производства. Ковром, потертыми обоями в бледную полоску. Продавленными креслами (2 шт.). Полированным четырехугольным столом. Люстрой под хрусталь. Наследственным уютом. Закрытой системой тепла и любви. Уже затхлой, попахивающей, но от этого особенно милой и дорогой.

Вот так проходило, кончалось время. Хорошо? Скажу вам, отцы-пустынники и братия, что нет, не хорошо. Очень плохо. То есть, вот это и был самый настоящий ледяной ад. Воистину несомненный.

5.

Однажды, придя для разнообразия переночевать домой, Никандр был застигнут телефонным звонком. Звонила бывшая сослуживица из бюро статистики, Марина. Симпатичная девушка. Ребенок трех лет, муж отсутствует. Брюнетка в очках, стильно одевается, на ее деньги это сложно. Все думал к ней как-нибудь пристроиться, помочь, дать или отобрать, но не сложилось. Не было искры, вот именно, зажигающей пламя. Ну а теперь, когда из статбюро его уволили месяц, поди, назад за прогулы, чего и говорить.

Однако все обстояло по-другому. Во-первых, Марина очень милым голосом, извинившись за поздний звонок, сообщила, что их контора перестала быть государственной и превратилась примерно в ООО «Статистика и учет». Фактический ее владелец - такой-то. Была названа фамилия все того же тайного врага Залкина. Ого, удивился Никандр, точно пора запоминать. Трубников, вот как. Хорошая и русская. Удивлю Митю знанием его спонсора. Под это дело узнаю подробности (хотя и зачем бы?). Но решительно что-то в прошлом с этим Трубниковым, этой трубой аэродинамической было связано. Может быть, только детское стихотворение, за которое в том числе, Никандр был *известно куда* принят. Стихотворение, написанное из полностью конъюнктурных соображений. Но ловко.

Вышли в солнечное марево,
Твердо верим мы себе.
Ветер жизненный – как в аэро-
Динамической трубе.

Понравилось всем в комиссии. Сошло за юношеский максимализм. Первые раскаты перестройки.

Так вот, во-вторых, на днях к ней, Марине, подошел директор. Остался прежним, ловко устроился. Поулыбавшись («что шло ему, как гиене седло» - сказала Марина; вот она какая, бескомпромиссная и поэтичная), он сказал удивительную вещь. Мол, знаю про ваши с ним (Никандром) дружеские отношения, так передайте, что мы считаем его в творческом отпуске и даже выплачиваем жалованье. И скоро Никандр его за три прошлых месяца получит. А за следующие – в свой черед. И даже приходить ему на службу не надо, все само собой устроиться. Хотя если бы Никандр пришел, лично она, Марина, была бы рада. Вот ведь это искрой и было, надо понимать! Но как-то не ко времени. Поблагодарив - то есть, не сказав, ничего определенного, Никандр повесил трубку.

Ясное дело, что идеологическая работа ННЕ должна оплачиваться спонсорами. И статистическое жалованье даже весьма скромно в этом смысле. Но Никандр все-таки удивился - и удивился вторично этому своему умению удивляться.

Это были еще цветочки. На следующее утро Никандр получил телеграмму от своего однокурсника Лени Вишневого. Того самого, чей поход в Сипуху Никандр недавно повторил, куда успешнее. О Вишневом Никандр не имел никаких сведений года три. Да и не собирался иметь впредь. Телеграмма, тем не менее, была содержания вполне интимного: «Прилетаю 25. Встречай. Есть дело. Вишневый». Ох, как не понравились ему ни возможные совместные дела, ни вообще Вишневое внимание к скромному городу П.

Однако что было делать! 25-го, к московскому самолету (семь утра) он поехал безропотно, впервые лет за пять. Теперь билеты до столиц (больше никуда потрепанные «тушки» не летали) стоили чуть больше годовой среднестатистической зарплаты. Пять лет назад – чуть больше стипендии за месяц. 40 и 60 «рэ» соответственно. Почти столько же теперь (в пересчете) стоил билет на аэропортовский автобус.

Ночью, чтобы не заснуть и не проспать, Никандр читал, совершенно непонятно почему, воспоминания о художнике Сурикове. Поэтому, едучи, Никандр повторял чуть ли не наизусть, по бессонному случаю запавший ему в голову фрагмент о интуитивном прозрении проекта картины: «Здесь вот мне все и думалось: кто же это так вот в низкой избе сидел? Поехал я раз в Москву за холстами. Иду по Красной площади. И вдруг... Меньшиков! Сразу всю картину увидел. Весь узел композиции. Только не знал еще, как княжну посажу... Я и о покупках забыл, сейчас кинулся назад в Перерву». Ни больше, ни меньше! «Рва, недорва, перерва и прорва». Проект так проект!

Среди относительно пестрой компании прилетевших (в основном - транзитные туристы да местные чиновники), Вишневого Никандр найти не смог. Хотя честно бродил среди них, вглядывался в лица. Не найдя – почувствовал истинное облегчение.

Решительно повернув к выходу, Никандр буквально уперся носом в широкую грудь огромного человека в расстегнутой чуть не до пупа красной гавайской рубахе с золотыми разводами. Кроме рубахи имелись роскошная панама, дымчатые очки, борода, толстая золотая цепь, светлые брюки, легкие мокасины. В руках – столь же огромная и роскошная сумка красной натуральной кожи. В общем, то, что называется *новым русским* - в летнем, канарском варианте. Особенно неуместном именно здесь, в сибирском, хмуром П.

- Да ты меня не узнал, мудило! - громогласно удивился человек.

Конечно, это был Вишневый. Превратившийся, как выяснилось, из тощего длинного студента в - кого? Солидного *папика.* Бизнесмена, что ли? Раскрывшегося со временем, но не подобно цветку, а подобно зернышку кукурузы, попавшему в поп-корницу. Взорвавшемуся, превратившемуся из жесткого, маленького и скромного эллипса в мягкий, хрустящий, обширный шар. Кем же по этой логике стал Никандр?

- А ты не изменился, - заметил Вишневый кстати. - чего в куртке-то? Жара же! Или у вас в Сибири тут все по этому делу долбанутые?

Он и правда был в подаренной Ларисой кожанке. А вокруг все казались одетыми вполне по-вишневому. Что свои, что чужие. Ну, может, первые победнее. Был даже один культурный панк в аккуратно прорезанных джинсах, с полуирокезом («Видал Сассун», однако), в черной майке с белой надписью. Про *фак*. Он-то точно был чужим.

- Хорошо выглядишь, Леня. - сказал Никандр не без внезапной зависти. А как еще должен выглядеть владелец охранной фирмы! Он охраняет большие деньги и больших людей. Он сам должен быть таким, как они.

- Не, ну ты чего-то кислый. С похмелюги, что-ли? Исправим! Ты на тачке? Где припарковался?

Коротко и выразительно Никандр объяснил ему истинное положение дел, почему-то злясь. Вишневый и виду не подал.

- Ладно, не менжуйся. Сейчас сообразим.

И вот они уже летят по аэропортовскому шоссе в снятой на целый день подержанной праворульной «тойоте-кроун». Кажется, водитель, прибывший тем же рейсом (машину ему подогнал приятель, отправленный Леней широким жестом вон), и сам не понял, что заставило его наняться таксовать для Вишневого. Однако у владельца охранной

конторы была реальная *харизма*! Видимо дело все было в его вызывающем, карикатурном облике. Этот облик, это буквально чучело-манекен, нынче было самым притягательным в России объектом. В нищем же П. и подавно.

6

В машине они почти не разговаривали. Вишневый то с любопытством глядел в окно, по временам осуждающе кивал головой – не нравились ему П.-ские пейзажи То вдруг замирал и начинал шевелить губами, что-то считать в уме. Текущий долларовый курс, знать. По просьбе Вишневого, они промахнули мимо окраин, лихо ворвались в центр, затормозили около единственного, пожалуй, магазина, который соответствовал его запросам (сформулированным так: «ну, который, типа, как у людей»). Магазин, конечно, назывался «Ландыш» - но лишь до сегодняшнего дня. Ловкие ребята в синих спецовках как-то очень весело выковыривали вывеску из стены. Ясное дело, что будет там через час. Труба всему прежнему. Взялся, взялся некто Трубников за дело в полный рост!

- Передел? – поинтересовался понимающе Вишневый. – И много тут у вас положили за это братвы?

- Мало. – сухо ответил Никандр. – А ты, похоже, недоволен?

Вишневый ухмыльнулся и приобнял его.

- Да мне-то что? Только вот попомни мое слово – еще положат. Ладно, расскажешь потом. Пошли по вискарю пройдемся.

В маленьком магазине Вишневый почти полчаса приставал к испуганному (сменой ли хозяина, внезапным визитом ли знатока) щуплому продавцу. Много чего купил, ругался, что не оказалось фирменных пакетов. Упаковал в купленную полосатую пластиковую сумку. «Косметичка челнока», входит до ста кило одежды. Вишневые покупки убрались не без труда.

На обратном пути опомнившийся хозяин «тойоты» постарался для душевного равновесия оскорбить Вишневого. Прошелся по москвичам, «новым русским» тоже. Оказался бывшим военным. Моряком-подводником. Не могущим спокойно смотреть на гибнущую страну. На всяких, которые тут ездят и тратят месячную зарплату учителя на бутылку пойла. Однако и простым морякам иномарки нынче покупать не на что!

Спокойно слушавший все это Вишневый, уже расплачиваясь (Никандр с его сумкой и пакетом подходил к подъезду), бросил вскользь:

- Ты, морячок, смотри, у вас пока по беспределу никого, а то поимел бы ты за такие базары на свою задницу.

- Это как? – вскинулся «тойотчик».

- А вот так, - ответил Вишневый мирно и в полную противоположность своему тону резко, зажав локтем, вытащил голову моряка в открытое окно машины, одновременно поднимая стекло до упора. Подумав, спрятал приготовленную для расплаты бумажку, достал другую, бросил на сидение рядом с подводником, от неожиданности даже не сопротивляющимся.

- Ничего, за полста баксов он тут до утра просидит и спасибо скажет, - пояснил ему Вишневый, не торопясь входя в подъезд. – Тут, что ли, живешь? Ладно, бывает и хуже.

Потом, отменно выпив и закусив (Никандр не отставал), Вишневый повел речь о московских делах. Развернулась картина больших денег, непрерывно перетекающих из кармана в карман (из государственного в частный). Стройными рядами прошли бывшие комсомольцы и младшие научные сотрудники, ставшие миллиардерами за полгода. Сначала – за счет компьютеров, потом (теперь) за счет бытовой техники, продуктов, импортных шмоток. А впереди нефть, газ, цветные металлы («ну, мы к этому еще вернемся» - заметил Вишневый, имея в виду то ли макроэкономику, то ли совместные с Никандром дела). Генералы и полковники, покупающие огромные заводы за десятую часть вывезенного ими из покинутой Германии (в отличии от 1945 года речь шла о том, что военные там *покинули*, получив в замен тонны *СКВ*). Мелкие бандиты, сумевшие скупить ваучеры у целых областей и приватизировавшие там все, что возможно. Педерасты в ночных клубах, обсыпающиеся кокаином, как мукой, публично удовлетворяющие своих высоких покровителей под крики сочувствующих зрителей. Наконец, чиновники, получающие где десятину, а где и поболе от упомянутых миллиардов. И во главе всего этого – мистическая по аппетитам и гнусности верховная власть, лишь номинально возглавляемая вечно пьяным (тоже в мифических масштабах), полубольным и туповатым Президентом. Предателем и вождем предателей, продающих секреты родины американцам за три копейки.

Сам же Вишневый, как получалось, участия прямого во всем этом не принимал. Занимался своим охранным делом, к которому, «да чего скрывать, люди мы тут свои», пристроил его папа-гебист. Но повидал немало, и чем дальше, тем больше оно ему не нравилось.

- А теперь ты спросишь, - сказал он, смачно утирая губы уже не салфеткой,но рукавом гавайки (выпил изрядно), - кто всему этому бардаку может противостоять? Отвечу.

Противостояли отечественным безобразиям патриотические офицеры спецслужб. Не рухнувшему КГБ, но долгу оставались они верны. Пользовались при этом поддержкой отдельных чиновников, не выдающих свое инкогнито. Не то – можно живо оказаться за бортом власти, как (неведомый Никандру) первый ельцинский министр печати. Отдельные депутаты Верховного Совета тоже *за нас*.

- Ну и вот, - продолжал Вишневый, пожевав губами, - ты, короче, понял?

- Чего понял?

- За каким хреном я притащился в эту срань господню.

- Ты, Вишневый, наверное, за прошлый раз обижаешься...

Оказалось, что вовсе не обижается. Наоборот, тогда и понял, что нужно делать конкретные дела, а перестройке кирдык скоро. Все подтвердилось блестяще. Так что городу П. и его Сипухе отдельное спасибо. «Расскажи-ка, кстати, чего тут у вас творится? Что за разборки, что за передел без беспредела?» Никандр рассказал. В основном о своих приключениях, мало упоминая о ННЕ и совсем уже умалчивая о Мите (кстати, об Элен тоже).

- Ну ты понял теперь, что такое все эти залкины, березовские и фридманы? – спросил Вишневый. – И что с ними делать надо?

Никандр промолчал.

- Так вот, о моем приезде...

Вишневый сделал паузу.

- Мне нужно встретиться с лидером вашего ННЕ, причем срочно.

Никандр выпил виски, закусил маслиной. И только потом спросил:

- А тебе зачем?

- Затем, что я для этого и приехал. С мандатом, понял? Ох, осенью жарко будет! Я почему именно тут - о тебе вспомнил, вот и вызвался попасть в ваш П….да уж, попал…. Привет тебе, кстати, от Семибородова. Он в организации большой человек. Через него и твои координаты нашли.

Тут Никандр только сообразил, на кого был похож Вишневый – конечно же, на бородатого, в полном соответствии с фамилией, П-ского классика! Сбежавшего в столицы, подготовив предварительно почву, прямо как ненавидимый им Бродский в Америке. Издав в некоем московском издательстве «Сотня Ч» (sic!) полубеллетристический труд «Как поднять Ивана с колен». Надо думать, именно Семибородов рекомендовал Никандра и Мите.

- Да к тому же, - подмигнул ему Вишневый, - я думаю, что тебе местные ребята позвонят сами, причем прямо сегодня.

И правда, Митя позвонил уже под вечер, когда ни Вишневый, ни Никандр членораздельные политические речи вести были не в состоянии. Еле-еле Никандр сумел уговориться о встрече завтра. Митя, похоже, был встревожен. К нему приехал ревизор.

7.

Он проснулся рано утром. В том состоянии, когда похмелье еще не началось. Просто вчерашнее не выветрилось, не впиталось в кровь и лимфу. Но полежишь так с часик - и начнется. Можно попытаться заснуть снова. Можно, однако, провести этот час бодрствуя, ловя все ступени снисхождения в преисподнюю. Градуируя начинающуюся болезнь. Говоря романтически - агонию.

Ведь и в самом деле гипотеза о прерывистости нашего бытия все объясняет. То есть, каждое утро - это уже не Никандр вчерашний. Новое существо. Бабочка, мотылек. Отягощенное вдобавок ложной тяжелой памятью о якобы произошедшем ранее. Он все забывал, ничего не мог припомнить из прочитанного, узнать из увиденного. Зато так было честнее. Значит, Никандр должен, как академик Павлов, каждый вечер диктовать студентам отчет о холодеющих конечностях, меркнущем свете. Что ж, быть по сему. Некому только диктовать. Себе только. Вишневый разметался на полу, в расстегнутой рубахе и цветастых трусах, доставая ногой до остатков трапезы (их безжалостно сгрудили в угол), головой - до бездействующей по жаркому времени батареи. Диктовать ему - упаси Бог.

Вчера некто, чья память вшита в никандрову нынешнюю, наблюдал жизнь из окна магазина, где Вишневый с прибаутками затаривался *вискарем.* И вот что увидел, и даже услышал (окно было открыто).

Идет парень, как это принято нынче, бритый наголо, в простой майке. Пролетарий, лет 18. Обнимает девицу того же типа, но моложе. У ней изрядная задница. Расплывется пролетарская девица уже к двадцати пяти безвозвратно. *Оплывет*, то есть, как свечка. И вот девица рассказывает про щенка, брошенного и несчастного, которого она хотела взять в дом, да не разрешили. Рассказывая, заплакала. А парень ее только крепче обнимает. Наверное, ухмыляется, доволен. Думает: возьму вот ее на этой лирической волне. Завлеку на *хату*. Заставлю делать минет в память о щенке. А может, это она первая щенка использует, парня разжалобить хочет, а ухмыляется он оттого, что понимает эту игру и думает: не выйдет, подруга! Не наколешь! Все равно у Машки из пятого подъезда титьки круче и *родаки* на тойоте рассекают, а твои алкаши беспросветные. Надо бы, подумал Никандр, это в мою «Новую этику» вставить. И заснул.

Проснулся тремя часами позже. Или пятью, разбирать не хотелось. Разбирать было страшно, ведь это надо открыть глаза и придти в себя. То есть, кинуться в бездну. Пришел в голову еще один пример для «Новой Этики». Вернее, притча. А почему бы и нет! Вон один знакомый литератор написал тридцать штук нравоучительных побасенок (про вред аморального образа жизни, воровства тож, необходимость любить всякую власть), издал на спонсорские деньги, назвал «Притчи Константиновы» (звали его так).

Об отношении к ближнему можно судить по фотографиям. Допустим, отснял ты кодаковскую пленку (в П. как раз месяц назад появилась первая лаборатория и магазинчик; наверняка патриот Трубников постарался). Проявил фотографии. На них - дружеский пикник, ты сам и семья твоих друзей. Какие фотографии ты отдашь им, а какие оставишь себе? Если те, что похуже - им, а себе те, что получше - ты нарушишь закон. Была, впрочем, в этом примере логическая неточность, связанная как раз с поточным методом лабораторий «Кодак», но искать ее было сейчас лень.

Тут Никандр услышал разговор доносящийся с кухни - и открыл глаза. Закрыл снова: весь мир перевернулся острым боком, накренился и ткнулся ему в голову. Так и пить расхочется окончательно. В зимний запой сразу бы схватился за спасительную бутылку. Но нет, конец июня.

- …Нам нужно мобилизовать общественное мнение! - как-то очень горячо сказал за стенкой Митя.

- За фигом? - лениво поинтересовался Вишневый.

- Но ведь возмутительно и вправду, у нас есть факты, мы знаем адреса борделей, перекупщиков, работорговцев.

- А в газеты?

- Газеты боятся. Тем более, тут еще велико влияние Залкина… Но уменьшается, его бизнес тает на глазах.

- Вот это хорошо. А что *другая сила*?

Митя то ли не понял вишневской иронии, то ли решил перед московским гостем держаться этаким малорассуждающим, но зато идейным бойцом. Речь в любом случае шла о таинственном Трубникове.

- Ну…тоже не все гладко. Опасность того, что мы можем оказаться марионетками в его работе против Залкина, остается. А мы сейчас, действительно, очень многое делаем для разрушения «Ландыша».

- Вы чего-то загордились… Много ли вас таких разрушителей? Десять человек, смешно даже.

«Ага, - сообразил Никандр, - те, кого мы видели в лагере и есть полный состав бойцов *патриотических дружин*». Не густо.

- Не скажите, - спокойно парировал Митя. - У нас очень много сочувствующих. В каждом райотделе милиции, в частных охранных фирмах. Многие прошли Афган, и все сегодняшнее, ненавидят не меньше ННЕ.

- Ну, надежда на них слабая…

- Не согласен. Они готовы пойти за силой, мы должны эту силу показать. Тем более, что все поймут правильно - Индиец в розыске у Интерпола, Залкин будет взят вместе с ним, попадет с ним в одно отделение, будет проходить по одному делу… Сначала как свидетель и потерпевший, а уже потом откроются новые обстоятельства. Наряд из райотдела будет наготове.

- Интерпол-то Интерполом… Что еще у нас есть на индийца? Ну, чтоб всех пробрало до печенок.

- Вот, пожалуйста, собственноручно написанное заявление Даши К., 18 лет, про то, как через «Ландыш» попала не в жены, как думала, а на панель. Вот ее фотография, вот тут в заявлении говорится и о Залкине, и об индийце…

Тут Никандр поднялся и с закрытыми газами, завернувшись в одеяло, проделал десять шагов до кухни. На ощупь.

- А вам не кажется, господа, что абсолютное зло все-таки существует? - вот что Никандр спросил у них, притихших при его появлении. Спросил вслепую, но попал, видно, в точку.

- Ясен черт, - отозвался Вишневый, - существует. Это гидра сионизма.

Заржал. Митя молчал, как показалось Никандру - участливо. По отношению к *идеалам* хотя бы.

8.

Как-то среди груды старых бумаг Никандру попались записи мертвого приятеля Пети. Он еще раз прочитал их, с удовлетворением отмечая, насколько Петя Ильин не понимал того, что происходит на самом деле. В этом смысле он и вправду мог считаться *невинно убиенным.* То есть – зарезанным просто-напросто ни за что! Записи эти были, что показалось Никандру особенно возмутительным в своей наивности, распределены по словарным статьям. Этакие сети хотел Петя раскинуть, этакий улов собрать!

Среди прочего там было вот что.

«ПОЭТ - Бедный поэт, мечущийся между разнополюсными соблазнами, между Розановым и Бретоном! Твоя речь предает тебя, твое эстетство пахнет валенками. Смирись! Не смей смотреть на заходящее солнце. Чем хуже — тем лучше. Видишь ли себя за рулем роскошного лимузина — не видь себя. Это не твое, твое — азиатчина, вонючий душок подлинной свободы.

Русский поэт! Тебя, как и всю Россию, поедом ест всякая мелкая тварь. Вылез из-под пола Достоевский — пожрал тебя раз. Вылез из дупла,

сверкая бериевским пенсне, Антон Палыч — пожрал два. Выпорхнул мелкий бес Сирин — пожрал тебя три, и окончательно».

Поэт, как видно, понимался Петей расширительно. Кстати, «бериевское пенсне» не должно звучать кощунственно даже для либералов. К Берии Ильин относился как к какому-нибудь Ришелье-государственнику, и Антон Палыч оказался повинным в том, что обманывает нас внешним видом.

«ПИСАТЕЛЬ обязан писать, читатель обязан читать, философ же обязан ничего не делать, кроме как наблюдать за указанными процессами... Писатель же есть тот, кто себя режет (а других? — подумалось мне) и в упоении не замечает крови. Вспомним пример с собакой, лижущей пилу и от удовольствия, от вкуса собственной крови забывающей о ране. Кровь автора — симпатические чернила, оживляющие текст, придающие ему хоть какой-то смысл лишь при воздействии читательского облучения».

«РУССКИЙ ПУТЬ— заключается в освобождении автора от своего произведения (равно и наоборот) через установление жесткого, даже жесточайшего двустороннего контроля. Поясним на сугубо западном, доступном для всех примере. Свобода для них — владение максимумом возможной информации. Так вот и автор обязан направить своего агнца на поле с самой свежей и сочной травой — агнец же имеет обыкновение слоняться по бесплодным буеракам мнимой эмансипированности»

Чушь, романтические глупости! Прошлое заставило Никандра болезненно передернуть плечами. Он хотел было сжечь Петины записи – поразмыслив, решил не связываться. Порвал, морщась от прикосновения дрянной, дешевой бумаги, надел тапки, вышел на площадку, выбросил в мусоропровод.

9.

Идея же (автором которой был все-таки Вишневый, Никандр перепутал что-то сквозь сон) состояла вот в чем. Кстати сказать, и странно было, если бы Митя придумал что-либо в вишневом, провокаторском духе!

Предполагалось напасть на Залкина, когда он будет находиться в компании Раджи. В каком-нибудь общественном, но и интимном одновременно месте, куда просто так не пойдешь и с кем попало случайно вместе не окажешься. Нападающие скрылись, слегка поколотив компаньонов (или не успев, если охрана вмешается). И тут как тут - наряд милиции, а вместе с ним дежурный фотокорреспондент и оператор телевизионной криминальной хроники. Как ни отпирайся Залкин, протокола ему не избежать, наряд-то сочувствующий ННЕ. Значит, проверка документов. А будут сопротивляться, Залкин или Раджа, тем лучше. Можно уголовное дело уже за сопротивление возбудить. Очень слабенькое, но ведь нужен только повод.

Ну а назавтра и газеты, и ТВ зададут вопрос - что за гражданин Индии кутит в компании с известным П-ским предпринимателем? А не тот ли самый, о котором толки ходят и истории рассказываются? Не подонок ли, повинный в вывозе живого товара и т.п. Разыскиваемый, между прочим, властями многих стран. Он. Конечно, он.

Никандру все показалось сомнительным – Бог с ней, с этикой движения, результат, результат не гарантирован! Чего бы это слабенькие, жадные, трусящие властей СМИ подняли голос – да и кому он слышен в любом случае? Митя, видно, разделял это мнение. Однако против *руки Москвы* куда ж было ему деваться.

Под публичным, но интимным местом имелся в виду ночной клуб «Импульс». Больше ничего такого в П. все равно не имелось. Ранее клуб был столовой Электровозостроительного завода. Верхний этаж с тех пор остался в неприкосновенности, нижний же углубили на подвальный уровень и разделили на две части - в одной казино, в другой собственно клуб. Ну а наверху по-прежнему кормят работяг борщом. Правда, говорят, скоро завод заглохнет, вот тогда, конечно….

Узнав об прошлом и настоящем ночного клуба, Вишневый даже руками всплеснул. Совсем его провинциальная дикость достала. Зато на вопрос о посетителях Никандр, наслышанный от Элен, ответил утвердительно:

- Конечно, бандиты, кому ж еще. Никаких группировок у нас тут нет, так, мелкие *коммьюнити*. Одни центральный рынок охраняют, другие цементный завод приватизировали полгода назад. Даже до стадии военных вождей они еще не дошли, по-моему. Бригадиры у них чуть ли не по жребию выбираются. Стычек поэтому хотя бы нет, все мирно.

Вишневый опять принялся сетовать на «мерзость и идиотизм провинциальной жизни».

- Зато, - заметил Никандр - клуб во всех его частях принадлежит Залкину, и каждую пятницу он, как настоящий босс мафии, обедает в особом кабинете сотоварищи. В том числе, по слухам, и с Раджой.

Митя поспешил подтвердить это данными агентурной разведки. Причем Залкин считает посещение «Импульса» обязательным, и заставить его пропустить пятничный вечер не может ничто. Западло ему пропускать такие вечера, как будто боясь чего-то. Не хозяин он, что ли, в городе П.? Почти еще хозяин.

Никандр неожиданно для себя предложил:

- Сегодня ведь тоже пятница, давайте сходим, на разведку. Ленку возьмем. Вишневый денег даст. Нас никто там не знает, а как только Залкин войдет в кабинет, мы сразу скроемся. Ну и узнает меня Залкин, что с того? Подходить наверняка не будет.

Вишневый горячо его поддержал - хотелось ему увидеть все своими глазами, чтобы потом в столицах посмеиваться, рассказывая о своих провинциальных подвигах. Элен решили все же не брать. С тем Митя и Вишневый отбыли, как видно, осматривать боевые позиции, а Никандр, сделав важный звонок, не одеваясь, улегся на разобранный диван. Смотреть в потолок, размышлять о разных ненужных делах.

Третьим в «Импульс» пошел маловыразительный парень из ННЕ - Коля. Был он одет в черные брюки со стрелками и белую рубаху, из которой торчала его тощая шея. Вишневый, как видно, перестающий удивляться всему увиденному, только рукой махнул. Зато из никандрова гардероба, на удивление оказавшегося не таким маленьким, он выбрал рубашку с короткими рукавами, покрытую узором из «огурцов»

(купленную лет шесть назад в Москве, даже помнится где - в ЦУМе) и синие джинсы (Тайвань).

-Для выпускного вечера трактористов пойдет. А у вас там, похоже, ничего другого и не ожидается.

Сам он надел водолазку, привезенную, конечно, из столиц, сверху - свою золотую цепь в большой палец толщиной. Укрыл все фольклорным малиновым пиджаком, также извлеченным из своей бездонной, кажется сумки.

Подъехали они к «Импульсу» на Митиных «Жигулях», которые, конечно, оставили за углом («а то западло», - сказал Вишневый). Сразу же водительское место занял человек в черном, столь же невыразительный, как и Коля. ННЕ не дремало.

Вовсю гремел огнями и «Импульс». Вишневый повел в нем себя как дома - или, скорее, как богатый гость, который догадливо подстраивается под чужой устав. Например, дает портье на входе всего червонец *гринов*. Иная сумма вызвала бы скорее осуждение. Было без пяти одиннадцать, Залкин ожидался в полночь.

Они сели в задний угол малолюдного пока зала, даже не пытавшегося скрыть свое подвальное происхождение. Возможно, еще чуть-чуть и это можно счесть за дизайнерское решение. Покрасив, например, ту случайно (по недосмотру) торчащую арматурину в золотой цвет.

Миновать их Залкин никак не мог, но и увидеть ему нас было бы затруднительно. Тем более, в полутьме, под звуки *живой музыки.* Пока они усаживались, заказывали водку («Абсолют»), на низенькой сцене под электроорган пел человек с пышной шевелюрой, усами и бородкой. Похожий на поэта Бальмонта. Пел он вполсилы, но зато все шлягеры на вкус здешних мест. А именно: «Молодую», «Гоп-Стоп» и «Сингареллу». В первом из этих произведений, Никандра некогда поразила странная осмысленность и даже *неслучайность* на общем идиотическом фоне одной строчки. А именно: «ты живешь, как будто спишь, а в бессонницу грешишь почему-то». Искреннее непонимание главным героем, видимо, *реальным пацаном,* поведения своей ветреной возлюбленной было очень трогательным.

Но вот лже-Бальмонт удалился, и на сцене возникла парочка, которой Никандр и ожидал. Волосатые братья Ракитины, подрабатывающие здесь с ностальгическими хитами «Дип Пепл» и «Машины времени» (но только не в шансонный прайм-тайм). Вооружившись одинаковыми гитарами, они дружно объявили в микрофон:

-А теперь - гимн П-ского отделения партии Народное национальное единство!

Спутники уставились на Никандра. Он лишь улыбнулся в ответ и показал слегка дрожащим пальцем на сцену.

10.

Сочиненный им и положенный Ракитиными на панковский усредненный мотив гимн ННЕ звучал так:

Мы победили. Наш победный флаг

Повешен гауляйтером на шпиле.
Все подлецы отправились в овраг,
А мы на радостях полгода пили.

Краткий очерк партийной программы-максимум, своеобразная утопия. За столь волнительным, наверное, для Мити и для Коли описанием следовал рефрен:

Ты танцевала в кожаном белье
На городской тусовке ННЕ.

Эдакий «Ночной Портье». Остальной текст - без комментариев.

Ты хороша, а я простой боец
И потому бываю часто пьяным.
В ту ночь я бил предателей в торец,
А ты ушла к шарфюреру Ивану.
И танцевала в кожаном белье
На городской тусовке ННЕ.
К начальству я не лезу на рожон.
Ты с ним живешь, а значит, так и надо.
Но я опасен и вооружен
И бью врагов проклятых без пощады!

Вариант: «врагов картавых».

А ты танцуешь в кожаном белье
На городской тусовке ННЕ!

Братья поклонились и были таковы. На аплодисменты они не рассчитывали. И, конечно, были правы.

Не то чтобы по большевикам, то есть, по бандитам, присутствующим в зале, прошло рыданье. Скорее они и не заметили смены репертуара. Хотя , надо отдать должное Ракитиным - играли они громко. Как и договаривались. Разве что бандит за крайним столиком, выглядящей в точности как он представляется большинству обывателей - огромный, стриженный под ноль, горбоносый - попытался кинуть в братьев стулом. Ну да он весь вечер вел себя буйно, и на пути стула легко мог оказаться и лже-Бальмонт. Коллеги по столику из цементной бригады его ласково успокоили.

Зато на спутников Никандра песня произвела большое впечатление. Коля, и без того сидящий неестественно прямо, с ненавистью оглядывая притон разврата, и вовсе окаменел. Зато уж Вишневый и ерзал на скрипящем под его немалым весом железным стульчике, и руки потирал, и гоготал, и выпил с чувством две рюмки водки. Никандр последовал его примеру, скромно улыбаясь. Вот так он и стал предателем. Фрондеры Ракитины, поди, были уверены, что оказывают *движению* большую услугу. Может, они были и правы, но вот правоверный Коля отторг и

никандровскую версию пира победителей (все-таки немыслимого), и автора лично.

С другой стороны - кто из Никандровых ровесников, людей схожего опыта, не мог бы похвастаться богатым опытом предательства? Свидетельством тому - рассыпавшийся, словно пирамида из барабана и трех горнов, СССР. Да и все остальное вокруг.

- Ну ты, брат превзошел себя! - говорил ему Вишневый. - Ну ты поддел! А, Коля, поддел он вас? Поддел, поддел.

- Пропаганда силами современного искусства, не более того – скромно молвил Никандр.

- Ага, пропаганда. Фига в кармане, а не пропаганда. Но - уважаю. За смелость и нестандартность. Давай выпьем.

Выпили. Заказали еще «Абсолюта». Плохая водка, слишком чистая. Водка должна застревать в горле, обозначая экзистенциальную значимость момента. Такие вещи, вроде мгновенного трансатлантического перелета, компьютерных игр и дорогих машин - максимально неэтичны. Хорошая стереоаппаратура тоже. Магнитофон должен быть таким, чтобы слова еле разбирались. А если слов разбирать не нужно - то к черту такую музыку. Со всего этого и нужно было начинать, планируя всякое разрушение.

- А что, Коля, пожалуй, вам следовало бы его шлепнуть, придя к власти? Не, не отрицай - следовало бы.

- Я - П-ской Гумилев. Андре Шенье Никандр.

Пожалуй, можно и напиться по случаю торжества эстетики.

- Насчет этого не знаю, врать не буду, но уел ты их круто.

- Да кого, Леня, их-то? А ты сам откуда?

Вишневый почесал пузо под цепью.

- Я, брат, отовсюду. Меня так хрен уешь. Сам уем кого хочешь.

Меж тем на эстраде вновь появился Бальмонт. И вновь запел «Сингареллу». Знать, чтобы сгладить определенную неловкость после выступления Ракитина.

«Сингарелла» нравилась Никандру своим витальным эротизмом. А образы были и вовсе архетипичными, бесстыдно-бессмысленными. Анонимный творец не стеснялся банальностей, не следил за стилем. Никандр почувствовал, как обычно, острый укол зависти и к нему и к герою как раз на любимом месте, рефрене.

Знаю: я уже не молод,
Но еще могуч мой молот,
Наковальня стонет звонко,
Коль в руках моих девчонка.

Беда только, что поющий Бальмонт был больше похож на девчонку, чем на атамана. Возможно, бандитам это казалось и кстати. Напоминало лучшие годы.

- А ты, Вишневый, - вдруг сказал Никандр, - провокатор. Я тебя раскусил. И всем расскажу, будь спокоен.

Встал и побрел, изрядно пошатываясь, к выходу. Любил он такие уходы. Исходы. Расходы. Между прочим, стены «Импульса» были

покрашены черной масляной краской с изображенными поверх желтыми брызгами. Типа звездные системы и другие миры. Он заметил это только сейчас.

11.

В общем, крутую лестницу Никандр преодолел с трудом. Приближалась полночь. На улице становилось прохладно. Полутьма середины лета обильно освещалась огнями импульсного казино. Он небрежно облокотился о чугунный фонарь того же стиля, что и периферия ландышного офиса. Наверняка вокруг было полно охранников клуба, личных телохранителей Залкина, боевиков ННЕ. Никандр чувствовал, как тянутся к нему липкие нити. Превращался в мишень. «Их родина, - пробормотал Никандр по этому поводу, - дремучий лес Таргета. Их пища время, медуница, мята». Какая, однако, безвкусица!

То ли дело черный залкинский джип, выросший как по мановению руки. Он был здесь в самый раз. Он был гением этих мест. Никандр рванулся к машине, и прежде чем дружно материализовавшиеся охранники схватили его сразу за шиворот огурцовой рубахи и за оба локтя, а потом и зажали рот, успел крикнуть:

- Залкин! Есть разговор! Слово и дело кричу, эй!

Затем Никандр, говоря красиво, поцеловался с асфальтом. Тут бы и конец разговору, однако и Залкин был эстетом! Что в пору *первоначального накопления* не редкость, даже правило определенное, но до добра точно не доводит.

В волосы на никандровом затылке впились крепкие пальцы. Но, скосив глаза направо (кажется, даже шоркнув ресницами по шероховатой поверхности), Никандр смог увидеть чудесные желтые, перчаточной кожи, штиблеты Залкина. Рядом угадывался твердый рант Раджи. Сейчас он этим штиблетом пнет в лицо. Видели такое в кино, откуда эти штиблеты и ведут происхождение.

- Не ходите туда, вас там убьют, - вот что прохрипел Никандр, намеренно преувеличивая. По невидимому сигналу хватка охранников несколько ослабла, но подняться ему-таки не дали. Говори, мол, снизу, если есть что сказать.

- Против вас готовится провокация…

- И кем, любопытно узнать?

- Нападение на «Ландыш» помните? Теми же самыми.

- А вы тут как оказались? Или с ними заодно?

- Вы что, газет не читаете? Я - главный теоретик террористов-патриотов…Да отпустите же!

Отпустили. Он сел на асфальт. Действительно, рядом с Залкиным, но как бы отступая назад, то ли тушуясь перед боссом, то ли прикрывая собой с тыла, стоял Раджа.

- Здрасьте, - поздоровался Никандр с ним снизу вверх. Тот, понятно, не ответил.

- Подробности, и поживее. - Залкин был сух. Увел Ларису, сука. Русский народ тебе этого не простит. Болел лоб, ссадина там, поди, в ладонь

- Подробности? - переспросил Никандр, и вдруг заорал. - На помощь! Помогите! Грабят! Убивают!

Настолько это было нелогичным в это время суток и при таких обстоятельствах , что Залкин только плечами пожал. Развернулся, чтобы войти в клуб, махнул охранникам рукой. Дескать, делайте с ним что хотите. И в ту же секунду вся площадка перед «Импульсом» стала напоминать киносьемочную. С нескольких точек ударили прожекторы и громовый голос объявил:

- Руки на затылок, всем мордой на асфальт! Считаю до трех, дальше будет разговаривать ОМОН.

Никандр с беззвучным смехом грохнулся на спину. Залкин беззвучно закричал что-то Радже, тот стал делать знаки охране - мол, создать живое кольцо, вывести босса из-под обстрела. Видимо, поэтому парень в пятнистой униформе, первым появившийся из-под джипа, с особым удовольствием обрушил приклад своего короткого автомата именно на индийца. Никандр тут же перевернулся на живот - таких парней должно было здесь появиться изрядное количество. Кто-то начал стрелять. Громко, но недолго. Видно, у охранников Залкина нервы не выдержали. Надо полагать, стреляли в воздух, но в любом случае Никандр стрелкам не завидовал.

В итоге все получилось как в удалой шансонной песне. Только не бандитского содержания, а милицейского - впрочем, давно понятно, что эстетической разницы ни между людьми в погонах и наколках, ни между их песнями существовать не должно. Иначе общественное устройство прекратит своей существование окончательно. Да что там в бандито-милицейской - почти как в никандрово-ракитинской песне вышло!

Раджа с Залкиным *погорели, засыпались* на чистой ерунде - задержаны, вместе с пятью охранниками за нападение на мирного прохожего (Никандра) с целью грабежа. Уже в участке обнаружилось много чего еще. Незаконное хранение оружия (у Раджи, у охранников, даже у Залкина стилет, что ли, нашли). Героин - у всех без исключения (его-то им точно подбросили). Вообще, можно было раскрутить и на терроризм - Раджу опознали в секунду. Все ниточки вели к «Ландышу». Дергал ими, должно быть, таинственный Трубников.

Все было очень и очень быстро. Вежливый милиционер записал все, что Никандр ему сообщил (поди, рассуждения о Бертране Расселе вычеркнет). Вежливые врачи и сестры в травмпункте освидетельствовали по полной программе. Должны были найти много чего, чтобы Залкина *присадить поплотнее.* Голову Никандру, как красному командиру Щорсу, во всяком случае перебинтовали.

О, он опять получился героем. Несостоявшегося предательства никто не заметил. ННЕ, окрепшее после всего этого, может гордиться такими сторонниками.

Вежливый водитель отвез его на квартиру, где не было Мити, Коли, Вишневого, следов их пребывания здесь - и на этой земле вообще.

Чувствуя себя персонажем героического в меру романа (хемингуэевско- чандлеровского, что ли) Никандр позвонил Елене и, не взирая на четыре часа утра, попросил ее заехать за ним на такси, отвезти к

себе. Так все и вышло. Честный частный детектив и журналистка соединились.

10.

Выходя из образа Никандра, думая о Ларисе… Ревновал ли я ее к прошлому? Ненавидел ли по-настоящему ее любовников (хотя это громко сказано; так, юнцы, которым многого от нее и не доставалось, да и не нужно было). Как ни странно, ревновал и ненавидел.

Дело было не во всех этих многочисленных, поспешных соединениях. Не в трении эпителия, так сказать. Это было и прошло, не оставив и следа на быстро восстанавливающейся слизистой.

- Ты любила их? – спросил я как-то у Ларисы. – Ну, хотя бы некоторых?

Глупее вопроса не придумаешь. Однако она – наверное, из желания угодить мне (и когда я думаю об этом, я действительно готов умереть) ответила серьезно. Прокашлявшись для начала, как всегда делала, когда говорила о чем-то важном. Не то детская привычка, не то уловка оратора.

- Когда спала с ними – да, а так нет. – вот что она сказала . – Мне был нужен кто-то, я не могла одна. Я себя ненавидела, с ними как-то забывалась.

Самая длинная речь, которую я от нее слышал. Великолепно. Как в кино. К черту такую честность, могла бы и промолчать, соврать. Нет, не могла.

Они ей были не нужны, ей необходимо было сделать что-то с собой. С помощью этих слепых, грубых, непритязательных орудий. Эти мерзавцы были лишь ее отражениями.

Но в том-то и дело, что эти отражения воровали душу. Дикари верят, что это делает фотографирование. Тот же случай! Отразиться в ком-то можно ограниченное количество раз. Лариса отражалась гораздо, гораздо чаще.

А вот я был ей нужен для другого – в смысле, в качестве *другого.* Позволяющего выйти из круга, в котором ты один и никого больше. Она мне поверила, как не верила никому больше.

Вот кого я потерял, потерял навсегда. И вот кого я подло был готов простить Залкину ли, залкинскому ли миру. Стоит ли говорить обо мне дальше?

Возвращаясь же обратно, в июль, вновь говоря по-никандровски, скажем вот что. Она их все же *любила,* она ими в итоге была развращена. Чего стоит ее манера при каждом случае споров ли, недомоганий *валиться в койку* – дескать, займемся любовью, и все пройдет. Плюс ее уверенность в собственной сексуальной привлекательности и специфических умениях – ни того, ни другого опытный глаз не обнаруживает. Из этого же ряда и Залкин, клюнувший на нее в силу возраста и общей слабости в понимании сути. Этот-то нетребователен, он – персонификация всех бывших до него, получавших свое, но и отдававших тоже. Так, по мелочи отдававших - но и их улов был не велик. Такой обмен, вполне себе равнозначный, ее устраивал вполне.

А меня, а Никандра?

Зачем же, бог мой, она мне все это рассказывала? Ну да, хотела искренности, верила или хотела верить. Чтобы и ей верили. Почему бы и нет, но все-таки вот столько – уже *слишком много*. Никто, кроме меня, ее больше одной ночи переносить не мог. А я что, дурак, поступать не как все? И я не дурак, да и Никандр тоже.

Да кто ж тогда мы с ним такие? Только ли неудачники, мелкие жулики на большом пиру, дерущиеся между собою за сдобные крошки? Завистники, подлецы, негодяи П-ского масштаба? Конечно, так. Но хочется верить, что не только, не просто так. Мы – что-то иное.

Кажется, единственный в пользу этого аргумент – наше (мое точно, да и у Никандра не клеится) несовпадение с миром, текущим поверх нас. Слабый, исчерпанный аргумент.

А ты, Лариса….Что ж, в другом мире, в другой жизни. Прощай

(А вообще-то, это она меня бросила, почему и всем вышеприведенным рассуждениям грош цена).

11.

О *диагнозах,* которые ставят пленным залкинцам, Никандр узнал от Элен. Он переселился к ней, надеясь (не всерьез), что Вишневый со своим ОМОНОМ, а также Митя со своими боевиками и Залкин с бандитами исчезнут навсегда. Как сон. Как утренний туман. Фига с два.

Притворялся больным, хотя отделался легким испугом, да зажившей скоро ссадиной. Валялся в обнимку с котом Карнеги, думал про ад. Католический, что ли, ад, ледяной, а не наш, родной-горячий. Все понятно - из жары страшнее в холод попадать, у нас, наоборот, из холода - в тепло. Он был здесь, Никандр застрял в нем навсегда. Прерывистость прервалась. Все удлинилось, подобно вечерним теням. Июльский гром обрушился на него и придавил собой. Впаял в свой янтарь без спроса.

Никандр думал и о Елене. Не мог думать о ней. Не знал, как думать. Не мог ее поймать своим *мыслительным аппаратом.* Вот бывают такие дешевые аттракционы, когда железными клещами, миниатюрным подъемным краном (кран-балкой, точнее), помещенным в стеклянный куб, нужно достать мягкую игрушку. Две кнопки - одна ведет стрелу вниз, другая хватает игрушку. Возврат на место автоматический. Стоит все это один жетон. Ему никогда не удавался захват. Всегда-то железные удлиненные челюсти щелкали около, разве что срезая мелкий плюшевый пух. Вот также и Элен. Или еще - как в сломанном фотоаппарате, который никак не может справиться с фокусом.

Он не знал, что у нее по части метафизики. Чем руководствуется она, красясь, ходя на работу, занимаясь любовью. Просто программой, социальным инстинктом, или ищет *ядро*. Он не знал поэтому, как с ней разговаривать. Боялся обидеть, вот и молчал. Она, впрочем, к этому привыкла, и действовала в режиме монолога (когда в режиме монолога не действовал он сам, да впрочем, крайности сходятся).

Что было дальше, Никандр узнал тоже от Элен. Конечно, Абрама Фомича отпустили. Остальные - остались в тюрьме. Ну, стало быть, и Никандра тягать не будут. А Залкина Никандр, можно считать, снова спас – теперь от народного гнева..

И еще о Лене - как быстро она превратилась из журналистской стервы в молодую женщину, ценящую *отношения* и готовую многое стерпеть ради их продолжения. Изменились все интонации. Появился как одна из доминирующих нот бабий буквально всхлип. Может быть, она влюбилась. Размышлял Никандр об этом совершенно спокойно, потому ведь что такое любовь? Да ровно ничего. Тем более, что на работе, где приватизация, акционирование и прочая гнусность, она оставалась такой же, как была. Наверняка все обстояло именно так.

Спустя неделю, когда Лена ушла в свою газету, на пороге возник Вишневый. Выглядел он - Никандр не поверил глазам - как-то смущенно.

- Вот, еле нашел тебя… Ну ты замаскировался…

- И что?

- Что «что»?

- Для чего искал?

- Ну так как же…Поговорить. Рассказать. Все нормально, в общем. Митя почти из подполья вышел, такой важный стал. Тебе передавал большой привет и партийную благодарность.

- А ты что такой смурной, Вишневый?

- Да так… Кстати, Никандр в твое квартире живу, не возражаешь? Я так и думал. Сразу после дела мы с Митей в деревню махнули, отсиделись… Ничего, теперь можно, все в нашу пользу.

- Вишневый, а ОМОН откуда?

Вишневый помрачнел еще больше. Потом сказал с тяжелым вздохом:

- Наивный ты человек. Я тебе даже завидую, до какой степени ты наивный. Ну что ОМОН? Ну, я его обеспечил… Ты очень вовремя из подвала вылез, ну и без тебя бы все примерно так было… Да…

- Вишневый, однако говори-ка ты все, как есть. Что ты переминаешься с ноги на ногу-то?

- Это ты в образном смысле. Понимаю. Поэт, блин. В общем, так. Тебя нужно увезти из города. Здесь стало опасно. Видишь ли, твой дружок Залкин решил за тебя всерьез взяться. Ну, и по личным счетам… И мы не можем гарантировать твою безопасность. ОМОН же к тебе не приставишь. Да ты бы и сам не согласился. Короче, давай рванем в деревню. Сто лет не был, а ведь жаль. Ну, доярки там, самогонка, все дела. Завтра с утра, а? Давай, соглашайся…. А то ведь получается, что вроде я тебя втянул. А там Залкина возьмут за жабры, и никуда он не денется, уже сейчас вылез почти случайно. Не все за нас - а скоро будут все.

Закружилась голова. Кажется, Никандр испугался. Итак, вот он, Залкин. Отбил Ларису, хочет добраться до меня. Все логично по своему. Ну что ж, убраться отсюда. Может быть, и навсегда.

- Вот, деревня, - бурчал дальше Вишневый. - Очень хорошее место, мы там с Митей были. Там у него родня. И у меня, прикинь, там четвероюродные оказались. От города два часа езды.

- А что, Вишневый, поехали. Поехали без вопросов. Ну его, этот город.

- Во, - обрадовался он, - ну что я говорил, конечно ты согласишься!

- А кому это ты говорил?

- Ну, Мите…да мало ли кому.

- Что, Вишневый, ты все-таки провокатор, так мне сдается?

- Да ну тебя…

И на следующее утро они уже тряслись в маленьком *пазике*. Среди деревенских жителей. Мрачных и некрасивых. Дурно пахнущих, хотя и в чистых, ветхих, советского еще времени одеждах. С огромными тюками чего-то городского. Двух горожан они словно не замечали. Хотел бы Никандр в ответ не замечать их всех!

Устроились они без излишеств. Для ночлега отвели нам сеновал. Чего лучше. Вишневый всю дорогу до деревни был грустен. Все вздыхал. Потом, под вечер, как о том уже рассказывалось, все напились и уснули счастливыми.

И - вернемся к началу. К позднему утру 30 июля 1993 года.

12.

Окончательно пробудились все участники экспедиции - то есть, Вишневый и Никандр, к обеду. Похмелье чувствовалось слабо. Вот что значит воздух. Получили из рук молчаливой женщины неопределенного возраста, хозяйки, по железной кружке молока и куску хлеба. Рацион был оговорен заранее Вишневым, который хотел почувствовать крестьянскую жизнь, по его словам, и на гастрономическом уровне. Однако глядя, как мрачно он вливает в себя еще теплое молоко, Никандр подумал, что сейчас бы он предпочел стандартный *континентальный завтрак.* Чего-нибудь с беконом.

Спустя еще час они пошли прогуляться. Миновали почти пустую деревню - покосившиеся избы из темных бревен, плюс несколько недостроенных, из белого кирпича. Местные, как видно, богатеи строят. Ничего, и на них будет управа вот у этого трудового крестьянства. Которое, в виде своего представителя в пиджаке неопределенного цвета, спит под деревом. Какие сны видит? Может быть, про *красного петуха.* Ну а скорее все же про зеленого змия. Они вышли на небольшой пригорок. Деревня осталась за спиной, впереди - нечастые сосны, сквозь которые просвечивает, знать, земляничная поляна. Только ягода уже кончилось.

Вишневый заухал, сел на травку, вытер огромным клетчатым платком пот с большого лба. Предложил сесть и Никандру. Тот уселся рядом, задумчиво жуя зеленую травинку неизвестного сорта. Это было красиво. Он выглядел как, кажется, Василий Шукшин или кто-то из прочих советских *культурных героев*, на растиражированном плакате сидевший вот так же на невысокой горе, кусая растение

- Ну, слушай, - вдруг сказал Вишневый, - вот теперь тебе скажу все. Уж ты это, извини, что не сразу, но ты ж поэт, существо ранимое… Ладно, ладно, это я в хорошем смысле.

И рассказал, провокатор. Действительно стало понятно, что провокатор, по роду деятельности. Хорошо оплачиваемой, надо полагать. А потому - по сегодняшним дням - вроде как и не зазорной. Никандр выслушал все с каменным выражением лица.

Выяснилось, что никакой Залкин на него покушаться и не собирался. Ему не до того сейчас - совсем его прижали, хотят выжать из города. Но после - оставить в покое, пусть в своем Израиле существует. До первой

арабской пули, конечно. Однако сопротивляется он, несознательный элемент, упорно. Не хочет подчиниться воле народа. А придется.

Приехали же сюда вот для чего. Как оказалось, рядом с этой деревней расположен большой загородный дом Залкина.

- Вон за теми соснами, - показал Вишневый в сторону предполагаемой мной земляничной поляны. - Говорю же, рядом тут совсем. И именно сегодня назначена акция по окончательному устрашению Абрама Фомича. Ребята из ННЕ во главе с Митей порезвятся. По народному, по патриотически, побьют стекла, ну и Залкина заодно.

- Но! - Вишневый совсем по-семибородовски поднял вверх толстый палец, - только в плане патриотической науки на будущее, а не физического унижения и истребления.

А Вишневый примет во всем этом живейшее участие, правда, только как наблюдатель с последующим хвалебным пересказом в Москве. Никандра же он взял с собой и вправду чтобы оберегать и защищать, пусть и не от Залкина, но от прочих возможных неприятностей. Ибо такое поручение было ему дадено в столицах самим Семибородовым. Поэтому Никандр, конечно, должен идти домой, на сеновал, но в принципе, могу понаблюдать за всем с пригорка. Ибо Вишневый тоже займет там позицию.

- Да и еще кое-кто будет наблюдать… - таинственно заметил он.

- Да что ж, Вишневый, не понимаю, что ли? За идиота меня держишь, то есть, за поэта? Ошибочка! Заказчик будет наблюдать ваш…Как это сейчас говорят - спонсор. - сказал Никандр с раздражением. - А если ты хочешь мне предложить пересидеть это все в укрытии, то и не надейся. Во-первых, хочу на спонсора патриотического движения посмотреть, а во-вторых - интересно присутствовать при историческом событии. Падении гиганта, поднявшегося раньше прочих. Кажется, что-то подобное было с геноссе Эрнстом Ремом?

- Да ладно ты, - обиделся Вишневый, - все ты усложняешь. Ромул, Рем… Я, слава Богу, не коммунист, поэтому назад в СССР не хочу. Я только хочу чтобы деньгами владели те, кто их честно заработал…Ну, или почти честно.

- А я вот, Вишневый, - ответил Никандр ему с горечью, - наоборот, хочу в Советский Союз. Только не такой, какой был, а в другой, мистический, горний. И поэтому замечу, что все твои разговоры - или глупость, в смысле, самообман, или просто вранье. Ну кто будет определять, честные или нечестные деньги в обороте? Ты, что ли, или Митины младенцы? Или наше государство?

- Государство, - важно сказал Вишневый. - сделать это не в состоянии. Но есть силы, которые поддержат его, то есть, помогут справиться и с управленческими, и с карательными функциями. Вот этим людям и нужно обзавестись ресурсами. Знаешь, какой самый недооцененный? Нефть. Сейчас она стоит реально дешево, никому не нужны мощности по добыче, но вот завтра…. И вашему П. от этого всего может отломиться неплохой кусочек – исключительно на халяву, просто из-за близости к границе, куда пойдет труба.

- И на том спасибо, - иронически буркнул Никандр.

- Но контроль необходим над всей возможной периферией добычи и поставки. А в случае П. – скажу прямо: надо всем тут. Я представляю

службу безопасности одного из нефтяных концернов, название его пока ничего тебе не скажет, но завтра все будет иначе.

- Итак, Леня, - сказал Никандр спокойно, - ты признаешь, что являешься представителем тех, кто под маркой государства пытаются прибрать к рукам его стратегические запасы. Есть у вас рука и во власти, местную уж точно купили – и незадорого, полагаю. Вот и понятно, откуда ОМОН. Да и твоя служба безопасности, поди, отдел КГБ или как там теперь… Только скажи-ка мне, что ты сегодня задумал?

Вишневый ничего не ответил, насупившись.

- Что молчишь, Леня? Решаешь, не придушить ли меня и не свалить ли это на мировой сионизм? Брось ты, я человек не опасный. К сожалению. Мне бы, знаешь, философиями заниматься, а не морды врагам режима бить.

- Ладно, - сказал Вишневый наконец, - все ты тут навыдумывал, но спорить никакой охоты нет. Все в силе остается, поэтому хочешь - иди в дом, не хочешь - пошли за мной.

- Пошли. - ответил Никандр, легко распрямившись, даже подпрыгнув верх прямо из сидячего положения. - Ты же знаешь, я люблю неприятности.

Вишневый только рукой махнул - болтай, мол.

«Про провокацию надо бы тоже в трактат включить» - решил Никандр. В целом - одобрить, посоветовав, однако, проявлять больше осторожности и изобретательности.

А вдруг Вишневый нарочно шьет все такими белыми нитками? Но зачем бы ему это надо? Нет, они, КГБ-шники, хоть нефтяные, хоть все прочие, просто привыкли делать наглую морду. За что, конечно, когда-нибудь поплатятся.

Они спустились с пригорка, прошли сквозь редкую линию сосен, поднялись еще на один холм. Впереди, сквозь редкие кусты дикой малины, виднелся сетчатый забор большого залкинского дома. Между кустами и забором шла небольшая дорога. Где-то в кустах рассыпались стрелки - то бишь, боевики ННЕ. Никандр с Вишневым были с дороги почти не видны. Оставалось ожидать развития событий.

13.

Но Никандр не сразу заметил самое главное - стоящий несколько в стороне от пригорка джип точно такой же конфигурации, что у Залкина, только белого, а не черного цвета. Из джипа вышел, надо полагать, спонсор в окружении охраны. Никандр вгляделся в него - и точно повалился бы на траву, если бы не догадывался всегда в глубине души, кто таков этот Трубников. Догадывался - но не хотел себе в этом признаваться, потому и никаких разысканий не предпринимал. Этот залкинский враг был отцом Ларисы, фамилией которой Никандр никогда, на самом деле, не интересовался. Но знал ее, конечно. Да и с Трубниковым встречался, что ж, не раз. С партийным секретарем средней руки, потом народным депутатом, потом - биржевиком. Теперь вот тем, кто хочет стать в этом городе хозяином. А то, что Лариса теперь залкинская невеста - это вообще П-ские Монтекки и Капулетти.

Вишневый тем временем сделал решительный жест рукой - заезжайте, мол, сами сюда. Ясное дело, с холма лучше видно. Пожалуй, это даже стильно - наблюдать, как твоего соперника по бизнесу будут молотить крепкие молодые люди. Приятно и его унижение, и идентификация себя с одним из этих *людей действия.* Особенно когда ты маленький, с невзрачным лицом, мышиными редкими волосами…. А особенно когда тебе под пятьдесят, и никаких действий подобного рода ты не предпринимал никогда в жизни.

Трубников с охраной послушались Вишневого, и вскоре джип не без труда взобрался на нашу вершину. Пожалуй, Залкин мог бы его заметить с дороги, но Абрама Фомича здесь больше никто не боялся.

Трубников вновь вышел из машины. Его окружали четверо плечистых молодцев со сталью в очах. Образно выражаясь, сквозь их гражданские пиджаки явственно проступали погоны. Судя даже по этому, Трубников находился сегодня в роли *друга народа*, в отличии от Залкина.

Сухо кивнув Никандру, то есть, не узнав по сути (вид, конечно, сделав), Трубников подошел к Вишневому, и, глядя снизу вверх, весьма горячо потребовал отчета. Вишневый только ухмыльнулся на это. Судя по всему, именно он был здесь начальником. Ба, а может быть, он уже полковник? И, кстати, Трубников ничего не спросил относительно Никандра, как-никак постороннего и даже подозрительного элемента - значит, Вишневому доверяют еще сильнее, чем Никандр думал.

- Да нормально все, Константин Николаевич, - снисходительно сказал Вишневый. - Чего вы беспокоитесь? Дайте-ка рацию, сейчас проверю.

Трубников кивнул одному из молодцев, тот послушно приволок требуемый аппарат. Вишневый вызвал Митю, отошел в сторонку. Беседовал долго.

- Леонид Максимович, - как-то тревожно поинтересовался Трубников и Вишневого, - все, надеюсь, будет в рамках достигнутых нами договоренностей?

- Это вы о чем?

- Ну как о чем, чтобы без тяжких телесных повреждений. Попрошу именно так!

Вишневый только кивнул неопределенно, отойдя за машину и вновь вызывая кого-то по рации. Кого - опять Митю? Или опять ОМОН? Последняя идея Никандра обеспокоила. Как видно, что-то подозревал и Трубников. Но делать было уже нечего. Они с Константином Николаевичем только взглянули друг на друга, да и отвернулись.

Джип Залкина, как обычно, предваряемой машиной охраны, появился *в зоне видимости* в 15.15. Об этом Трубникову сообщил его охранник, самый молодой из всех. Наверное, еще лейтенант. Его хозяин только отмахнулся, вцепившись в бинокль. Откуда-то достал бинокль и Вишневый. Никандру с остальными осталось только щуриться.

Кусты закрывали отдельные эпизоды этой битвы, но в общем, все было понятно. Ребята из ННЕ начали стрелять - оказывается, они были вооружены! Причем стреляли, (надо полагать, все-таки по колесам) не только из малиновых зарослей, но и со стороны дома (видно, тамошняя охрана была уже разоружена). «Мерседес» сопровождения встал сразу,

только крутнувшись и перегородив дорогу джипу. Охранники выйти из «мерса» не решились и ответного огня не открывали. Зато водитель джипа, оценив обстановку, буквально на месте развернул тяжелую машину, намереваясь выехать из-под обстрела. Но не тут-то было - то ли из-за неудачного маневра, то ли из-за меткого попадания, джип опрокинулся на левый бок. Еще вращающимися колесами к холму. Стрельба сразу прекратилась.

Видимо, Митя скомандовал всем покинуть автомобили. Из «мерседеса» вылезли четверо с руками на затылке. Их поставили лицом к ограде под охраной троих боевиков с масками и с короткими дубинками, которые Никандр уже видел *в деле при «Ландыше».* Значит, огнестрельным были вооружены не все. Неизвестно почему Никандр даже обрадовался этому. Оставшиеся ННЕ-вцы, в том числе Митя (хорошо узнаваемый по черному берету) перескочили через забор захваченной залкинской дачи, окружили лежащий на боку залкинский автомобиль. В руках у троих из них, да Митя четвертый, были автоматы. Митя зашел со стороны крыши, видимо, постучал по ней. Никто не отозвался. С холма было видно, как боевики заглядывают сквозь лобовое стекло. Ожила рация. Вишневый стал переводить-озвучивать Митино сообщение.

- Так, понял…никто не выходит. Заглядывают сквозь стекло, оно тонированное, видно плохо… Что? Уверен? Ну как, открывайте двери, вытаскивайте скорее!

Вишневый обернулся. Лицо его ровным счетом ничего не выражало. Зато в голосе появились незнакомые нотки - вот так, надо полагать, ведут допрос *опытные люди*.

- Шальные пули никого не щадят. Говорят, там сам Залкин на водительском месте. А рядом с ним - девушка. Не знаете, кто такая, Константин Николаевич?

Побледневший Трубников только рот открыл, как началась *вторая серия*. Неизвестно откуда выскочил небольшой фургон. Оттуда буквально посыпались (сквозь все двери, да еще сквозь люк наверху, и. кажется, сквозь люки снизу) люди в камуфляже. Они живо и как-то *недвусмысленно* блокировали место происшествия. Ребятам из ННЕ оставалось только сдавать оружие. Мы все еще не видели, что происходит за поваленным джипом. А происходило, судя по всему, много чего, поскольку через пару минут оттуда раздались автоматные очереди. Раздались – да и смолкли быстренько.

Дал задний ход ОМОНовский фургон, быстро скрылся из глаз. ОМОНовцы, помогая себе прикладами, прогнали в ту сторону пленных залкинских охранников и боевиков ННЕ. Мити среди них не было.

Прошло, наверное, полминуты. И огромный автомобиль Залкина превратился в огненный шар - неожиданно уступающий по размерам ожидаемому от взрыва такой большой машины. Да и прогрохотало совсем чуть-чуть.

Никандр обернулся - Вишневый стоял бледный, но спокойный, одной рукой держа рацию, другой оглаживая бороду. Подмигнул, слегка развел руками - мол, не обессудьте уж. Кивнул на Трубникова: и без него не обошлось. А владельца ОАО «Учет и статистика» двое его охранников безо

всякой злобы, просто в назидание, методично били головой о капот его же машины. Раздавался стук.

14.

Что ж, Залкин и Лариса были мертвы. Надо полагать, и Митя тоже. Патриотическое сопротивление перестало существовать в городе П. за ненадобностью.

Я, конечно, и не мог успеть спуститься с холма до *результирующего* взрыва, и не слишком-то хотел этого. Да, испугался - а испугавшись, представил себе возможную картину так.

Вот кубарем скатываюсь вниз, вижу неподвижного Митю. Ветер шевелит его белокурые волосы, берет валяется рядом. В затылке - небольшая, черная, ужасная дырочка. В большом кожаном автомобильном салоне вижу сквозь разбитые стекла лежащую ничком Ларису (подробности умалчиваются, не смог их вообразить). Рядом - прижатый рулем к сиденью, залитый кровью, но держащийся молодцом Залкин. Я начинаю вытаскивать Ларису, тороплю Залкина - мол, сейчас взорвется. Он гордым жестом отказывается. Даже и говорит, шепчет разбитыми губами:

- Это у нас как в фильме «Жестокий романс» получается, только наоборот.

Ну да, помню. Хит позднего детства. На лодке к пароходу приплывает зануда Карандышев (кажется). Он хочет застрелить Михалкова, но издает только пшик. Пытается застрелиться, утопиться, повеситься сам - дудки. А Михалков бросает соблазненную девушку, и вот она-то гибнет наверняка. Как бывшие девы и умеют. Наверное, только они.

Может быть, Залкин оказался прав. Раз в жизни бывает со всяким.

Я вдруг представил себя через 10 лет, в Залкинском (или почти залкинском) возрасте. Ну, с капиталами не получится, «Ландышей» покупать не смогу. Жизнью доволен буду вряд ли. Все десять лет, наверное, так на диване и проваляюсь пузом вверх. Пузо только увеличится, что по-своему тоже неплохо. Потому что характерно. Может быть, нечаянно обзаведусь семьей. Вот такие перспективы, вот такой проект ада. Залкин, а особенно Лариса, его избежали. Поэтому с философской точки зрения у них все получилось просто замечательно. Меж тем за долю секунды, пока в голове проносилось вышесказанное, силы меня, как говорится, оставили, и Никандр упал на траву.

Упал мягко, и даже сознания не потерял. Имел место, надо полагать, мгновенный приступ *аутизма*. Я не желал ничего иметь общего с теми, кто меня окружали. Впрочем, и с теми, кого я наблюдал с холма. Бывший П-ской Заратустра сделался человеком дождя. Вот сейчас умру, подумалось мстительно, и «Анну Карнегину» дописывать некому будет.

Куда там, конечно. Не то, что не умер, но и выбрался из истории (и из деревни тоже, а особенно хорошо, что с того холма) без каких-либо потерь. Не буду упоминать подробностей. Да я их и забыл, почти все. Честно старался. Но уже через три дня я этак живенько рассуждал перед Еленой об особенностях *вчувствования в метафизическое* versus некоторых положений концепции сознания М.Мамардашвили, внимание к которому я считаю совершенно необоснованно преувеличенным. И тут полностью

согласен с восходящей звездой Д.Галковским, который полагает Мамардашвили философом полностью спекулятивным, что в дискуссии (например, кабацкой, о чем и пишет Галковский) хорошо, но вообще же - чушь.

Правда, на сей раз говорил я полностью одетым, и рассуждения мои были как-то грустны и просто в принципе не могли закончиться тем, чем всегда - *известно чем.* Да и Ленка была не настроена - она грустила тоже, и в самой середине речи я понял почему. А потому, что видимся мы с ней в последний раз. Я-то понял это внезапно, а она, молодец, женским, что ли, чутьем, поняла сразу, когда бывшие охранники Трубникова (зачем ему теперь охранники?), доставили меня в ее квартиру.

Я снова изменился - вот в чем дело. Может быть, у меня плавники выросли, или чешуей я покрылся, или такие гадкие жвалы над носом вылезли. Скорее, конечно, внутренние изменения имели место. Ну и что, что внутренние. Разве что снаружи не видно, а так то же самое, да еще и хуже - ибо никакими природными стандартами-аналогиями не оправдать.

Предательство.

Вот что: я превратился в подобие своего ненаписанного трактата. С одной стороны Анна, русская душа, с другой - Карнеги. Нет, положительно жалко, что никто этого разглядеть не сможет! И, конечно, даже *телега* про Мамардашвили давалась мне уже с большим трудом. Как бы напоследок.

Тут Лена меня прервала совершенно на полуслове, сказав следующее:

- Знаешь, я, наверное, уеду из П.

- Куда же? - стараясь не злиться на неблагодарную слушательницу, *уминая* в себе остаточное ораторское тщеславие, спросил я.

- Да вот, в Москву. Там новая газета открывается, такая очень перспективная, с богатым спонсором, ну и несколько ребят знакомых в ней работают. Вот и зовут. Даже квартиру обещают, сначала, конечно, оплачивать, а потом и с покупкой помогут. Ну если вот эту продать, да прилично заработать… Как ты считаешь?

- Что ж, дело хорошее… Я впрочем, в этой твоей Москве был и мне там совсем не понравилось.

Это была попытка пошутить. Ага.

- Но ведь это давно было, - возразила мне Лена, - а сейчас столица знаешь как развивается.

- Догадываюсь. - сухо ответил я. - По Вишневому видно, куда именно развивается.

- Леня? Он тебе рассказал?

- Что рассказал!?

Да уж глупый вопрос; понятно, что мог рассказать – об их внезапно вспыхнувшей страсти. Нет, не рассказал. И когда они только успели, с одной стороны. Дурное дело нехитрое, с другой. И кстати, смущался он, зазывая меня в деревню наверное, от этих обстоятельств, а не оттого, что намеревался убить несколько человек. Что ему эти люди, а вот перед товарищем (мной) как-то неудобно.

Ее тоже можно понять, он красив и богат. Он полковник нефтяного КГБ. У него большое будущее (особенно если нефть и впрямь подорожает).

Освобожденная от нелегкого груза Лена буквально соловьем заливалась, описывая будущие московские интересности. Между делом она успела приготовить мне ужин - простой, как умела, яичницу с колбасой. Может быть, и недаром Вишневый в ней что-то нашел.

Я смотрел на нее, одетую и накрашенную, по обыкновению безвкусно, по-журналистски (пришла с работы, переодеваться в домашнее не стала). Смотрел - и запоминал, зная, что буду с теплотой вспоминать все это, покатый лоб, неаккуратный пробор в как попало окрашенных волосах. Ее джинсы, нелепо подчеркивающие, увы, далекую от стройности фигуру. Наконец, ее пальцы с неумелым маникюром и ее тонкий язык.

Все то, что у Ларисы было совсем другим, и может быть поэтому, я забыл это навсегда. Теперь уже совершенно очевидно - навсегда. Она, она была украдена и увезена за все границы, за все моря и горы, а не безвестные шлюхи. И я, только я был в том повинен, как и в других пропажах, к списку которых теперь прибавлялась и Элен.

Предательство.

15.

Я пережил и это. Простился и со своим несостоявшимся трактатом. Я не имел его права дописывать как не выдержавший, подкачавший, нехарактерный *деятель эпохи*. А ведь он в последнее время стал приобретать некоторые очертания. Черты и складки. Особенно когда я перед путешествием в деревню отлеживался у Ленки (а она-то ведь, поди, с Вишневым в моей квартире в это время была!). Очертания эти были такие: нечто в духе концептуалистского салонного романа, но с дидактическим содержанием. Самые нелепые герои, самая нелепая стилизация, но не для шутки, как могли бы подумать иные, а для полезного, воспитательного дела. Ближайший аналог - *чумовые* сочинения Н.Чернышевского периода вилюйской ссылки (догадайтесь, где я о них узнал!). Но ничего этого уже не будет. Вот возможный фрагмент, последний и даже единственный уцелевший. Да и то, выпустив его на волю, тут же забуду. Для того и выпускаю.

Итак, роскошный прием, в особняке, сверкающем хрусталем и электричеством.

«Анна Карнегина, подойдя к первому гостю, сказала:

- Не правда ли, из личных свойств непосредственнее всего способствует нашему счастью веселый нрав; это прекрасное качество немедленно находит награду в самом себе. Кто весел, тот всегда имеет причину быть таковым.

Первый гость, известный бизнесмен З., благотворитель и меценат, возразил:

- Все гораздо глубже, уважаемая хозяйка. Не будем скользить по поверхности, заглянем в глубину. Ведь если человек находится в правильной пространственной ориентации относительно молекулы, на которую он направляет звук, то стоит ему прервать звук, который он слышит, молекула станет сверхпроводящей, потому что ее вибрации затухнут. Из миллионов таких молекул, испытавших воздействие звука, найдется несколько тысяч, которые правильно геометрически

сориентированы, Тогда их молекулярное движение прекратится почти мгновенно. Особое свойство *социально низких* температур состоит в том, что между молекулами возникают очень высокие связующие энергии. Молекула, температура которой близка к абсолютному нулю в социальном смысле, готова соединиться с чем угодно. Она отчаянно стремится стать частью структуры. И сейчас время именно таких, жаждущих, молекул.

Второй гость, университетский профессор П., отчаянно жестикулируя, вскричал:

- Мы тут видим редукционизм чистой воды! Даже странно, что сохранилась такая его чистая, буквально лабораторная его форма. Посудите сами, экономические и морфологические факторы воздействуют только через посредство специфической структуры поля и могут претерпеть при этом самые неожиданные трансформации; например, эффекты экономической экспансии общества ощущаются в поле через увеличение количества производителей или вот, угодно ли вам видеть, рост читательской ли, зрительской аудитории. К чему же это я? К тому, что в более широком смысле, понимание каждого из пространств культурного производства означает отказ от всех разновидностей редукционизма. Любой редукционизм является *уплощающей* проекцией одного пространства на другое, которая приводит к осмыслению различных полей и их продукции в чуждых им категориях (как в случае с теми, кто видит в философии "отражение" науки, выводя, например, метафизику из физики, или, как вы, из примитивно понятой микробиологии).

Предприниматель не согласился с этим:

- Помилуйте, профессор, вы ломитесь в открытую дверь. В большей степени, чем о структуре совокупности молекул, речь идет о структурных темах, которые сополагаются без обнаружения их основания. Здесь вероятность бесконечно используется как форма объяснения или подтверждения, хотя уровень достигаемой ею связи слаб. Да, я это признаю. Ну так что же? Причина заключается не в математической теории вероятности, но в условиях, которые позволяют сделать ее применимой. И в их числе - засилье вот таких рассуждений, как ваше, уважаемый доктор философии.

Анна Карнегина хлопнула в ладоши, и тотчас горничная в накрахмаленном переднике внесла серебряный поднос с чаем, вареньями, засахаренными фруктами и иными яствами. Предложив их гостям, Анна обратилась к третьему посетителю, угрюмо отмалчивающемуся до этого.

- Мы знаем, что Вам приходится иметь дело с оружием. Для Вас человеческая жизнь не столь важна, как выведение неких универсалий. Скажите, что Вы думаете по существу рассматриваемого вопроса?

Известный киллер В. (а это был именно он) отозвался неохотно:

- Сударыня, я тут специалист небольшой. Но! Вы чересчур углубляетесь в индивидуальное. Я - четкий и последовательный сторонник социального обоснования всего и вся. И поэтому мы должны говорит о судьбах России. Наши руководители в последние десятилетия, увы, всегда были столь же жалки, сколь и самонадеянны. Их самомнение не знало пределов особенно тогда, когда дело шло о развенчании неприятных пророков. Полюбуйтесь на соломенных парламентских кукол, ведь эти политические лилипуты всерьез взбираются на пьедестал и оттуда

поучают всех остальных *простых смертных.* Нужды нет, что этакий "государственный деятель" уже через несколько месяцев оскандалится настолько, что даже за границей над ним все смеются. Все кругом видят, что этот "деятель" совершенно запутался и никакой дороги сам не знает; но это не мешает ему по-прежнему оставаться на своем месте и высоко держать голову. Чем более никудышными оказываются эти парламентские деятели современной республики, тем бешенее преследуют они всех, кто чего-нибудь от них еще ожидает, кто констатирует бесплодность их "просвещенной" деятельности и в особенности тех, кто осмеливается предсказать, что эта деятельность и в дальнейшем ни к чему хорошему не приведет. Но когда этакий парламентский фокусник окончательно пригвожден и когда он не может уже больше скрывать полного фиаско своей деятельности, тогда он непременно найдет тысячу причин, долженствующих извинить его неуспех. Одного только никогда не признает такой "государственный деятель" - а именно того, что главной причиной всех несчастий является прежде всего он сам.

- Отчего же, - возразил ему меценат. - Мы можем перейти и на это поле, обсудить проблемы и в данном ракурсе. И все равно я с Вами, как и с профессором, не согласен. Вы упускаете несомненно важную для меня веешь: крайне необходимо различение правды внутренней от правды внешней, закона нравственного от закона формального, юридического. Ведь закон нравственный, внутренний требует, прежде всего, чтобы человек был нравственный и чтобы поступок истекал, как свободное следствие его нравственного достоинства, без чего поступок теряет цену. Это так. Но что же наоборот? Закон формальный требует, чтобы поступок был нравственным по понятиям закона, вовсе не заботясь, нравственен ли сам человек, и откуда истекает его поступок. Его цель - устроить такой совершенный порядок вещей, чтобы душа оказалась не нужна человеку, чтобы и без нее люди поступали нравственно и были бы прекрасные люди и общество бы благоденствовало. Внешняя правда требует внешней нравственности и употребляет внешние средства. А это ни к чему существенному не приведет. Что и подтвержадет, пусть и косвенно, Ваша же теория государственности.

Анна Карнегина сказала задумчиво:

- Сколько людей - столько и мнений. Потому и мыслится мне кодекс, объединяющий многое и многих. Очередь за ним! Очередь ожидает и страждет».

Экий бред!

16.

Вот в чем было дело – я оказался не нужен *ничему этому*. Ни тем кем был – ни тем кем стал, Никандром. Ни автором «Физики Сизифа» - ни автором «Анны Карнегиной». Ни коммунистом – ни националистом. Ни Заратустрой – ни Азефом. Умение выстраивать слова в столбцы ли, в затылок ли одно другому – отвергнуто в целом. Даже так: опровергнуто и отвергнуто. Не годился я и как персонаж. Что «Зависть», что «Лолита»,

уничтожаемые, сминаемые временем сами, норовили раньше извергнуть меня.

То-то было все эти месяцы ощущение разрыва – рвалась не просто ткань моей (и всеобщей, впрочем) истории. Все рвалось, все, что было скреплено продольными или поперечными волокнами, привычными что в словесности, что в политическом безмолвии ранешнего времени.

Вот почему мне от всего происходящего ничего не было, ни царапинки. Я не отсюда, я неуязвим, я буду всегда. Последнее, впрочем – вряд ли.

17.

Сразу же после разговора с Леной, я вернулся в свою *хатку* на улице Красных Зорь – тем временем с помощью сестры, проявившей неожиданную сметку, приватизированную. И, как ни странно, в мою пользу.

Как я и рассчитывал, никаких материальных следов пребывания Вишневого здесь не осталось. Более того, квартира была чисто, просто безупречно прибрана. Впервые за всю свою историю. Интересно, собственноручно ли Вишневый это делал, сам ли «новый русский» в невидимых погонах, сняв свою гавайскую рубашку и тяжелую цепь, махал веником и мокрой тряпкой? Да уж едва ли. Наверное, вызвал кого-нибудь из местного *управления.* Штатную уборщицу-сержанта.

Немедленно начав раскладывать диван, чтобы намертво на него завалиться, обнаружил я вот что - засунутый под диванное покрывало пластиковый пакет, а в нем - некоторую сумму денег в рублях. Очевидно, плата за гостеприимство. Или забытая заначка. Ничего, КГБ у нас на содержании налогоплательщиков, они и компенсируют. А мне пригодится, чтобы жить, никуда не выходя, ничем не занимаясь. Как обычно.

Однако поступал я таким образом только до середины августа, пока не уехала Лена. Тогда я появился в своем бюро статистики и стал работать, как ни в чем не бывало. Шеф даже слова не сказал. Возможно, приказ на мой счет, отданный Трубниковым, еще никто не отменял. Так что на работу я мог бы не ходить вовсе. Но вот не выдержал (как всегда не выдерживал столь желанного безделья). Тут же перечитал все газеты за последнее время. Скопом, гурьбой и гуртом, то есть, оптом, как теперь говорится. Политические скандалы в верхах. Стрельба повсюду. Инфляция. О смерти Залкина и Ларисы сообщалось скупо, как о дорожном происшествии. Была и фотография джипа - но не перевернутого и взорванного, а новенького. Да и то не Залкинского, а абстрактного (перекопировано из автокаталога).

Трубников, по слухам, уехал из П. в Прагу. На ПМЖ. Свой бизнес, напоследок поглотивший весь без остатка «Ландыш» (даже офисное здание), он продал оптом. И уже с сентября самым распространенным буквосочетанием на улицах П. стало такое - RS. То есть, в переводе и расшифровке, «Красная звезда» (или, как поправляли другие, «красная площадь»). Московский многопрофильный, но с уклоном в *нефтян*ку, концерн, который скупил все владения Трубникова, да и все остальное в П. Причем скупил оптом, на всякий случай. Хорошее название у концерна,

патриотическое. Назвали бы уж сразу «Лубянка Ойл Ltd», чего мелочиться. До проверки вновь приобретенных активов нефтечекисты еще не дошли. То есть нашего бюро перемены, неизбежные в новых условиях (если только Трубников не оставил его себе на память из сентиментальных соображений или просто забыл продать, как карманный сувенир) пока не коснулись. А коснутся - поувольняют нас всех, и правильно сделают.

Я завел роман с Мариной, но неудачно. Даже не понял, кто кого бросил через три недели. И понимать не хотел.

Газета, куда уехала Ленка, закрылась сразу же, как открылась - но возникла еще одна, потом журнал… В общем, с карьерой все у ней получится. Интересно, как у них с Вишневым? Надоела, поди, ему эта прихоть. О ней-то я хотел слышать только в этой связи. Да и то не хотел, по правде говоря.

Вот так подошла осень 1993-го. В сентябре арестованных членов ННЕ (из которых я знал, собственно, только Колю) молчком выпустили из СИЗО. По слухам - с твердым обязательством немедленного отъезда. Они и уехали, благо, было куда. Были замечены в начале октября на Красной Пресне. А может быть, на соседних улицах, а может быть, на одном из московских стадионов, превращенных, говорят, после 4 октября в концлагеря. Живо напоминающие чилийские. Двадцать лет спустя, Виктор Хара, все дела. В общем, половина ННЕ сгинула в тех краях, где славно разгулялись ОМОНовцы (наши тоже ездили туда, *в командировку*). Полковник Вишневый, поди, был где-нибудь там, на стороне властей с оружием в руках и золотой цепью, спрятанной под камуфляж. Избегнувшие ареста и гибели П-ские патриоты подались по *горячим точкам*. Их, благо, немало, а скоро, надо полагать, будет куда больше.

Миновали и парламентские выборы, и принятая под дулами танков новая конституция, которая, говорят, дала президенту больше полномочий, чем российскому императору. Совсем уж неудивительно было то, что от П. в Государственную Думу (так теперь это сомнительное заведение стало называться) попал либерал Парамонов, 3 октября призывавший, *не дожидаясь провокаций* (иначе говоря, в превентивном порядке), идти громить квартиры и офисы мятежников, пусть даже и потенциальных. В рядах депутатов от П. появился и Семибородов. Маститый литератор и патриот попал в Думу по списку КПРФ. На экране они с Парамоновым жали друг другу руки и клялись, забыв партийные разногласия, вместе работать на благо жителей. А что же-с, почему бы и нет.

Братья Ракитины бросили музыку, занялись компьютерным бизнесом. Неожиданно преуспел в бизнес-делах брат сестры, ранее безнадежный инженер, после - мелкий служащий СП. С подачи бывшего начальника, он занялся электроэнергетикой, то есть, некими *зачетами*. Меньше чем за полгода заработал на машину и загородный дом с бассейном. На залкинский ему денег не хватило, приобрел рядом. Ничего, скоро переедет, займет нужное место.

И вот - декабрь. Зима выдалась чрезвычайно холодная. Грозят коммунальной катастрофой. Теперь я был бы ей не рад. Хотя дел особых у меня нет, я стал как-то больше ценить свое существование. Роман с Мариной возобновился, ее сын называет меня по имени. Никакими

философиями заниматься меня больше не тянет. Вот в магазинах появился замечательный швейцарский шоколад по 95 рублей. Очень помогает от всего!

У всех вокруг ожидание чего-то необыкновенного. Кто думает, что Россия вот-вот заживет как Канада, кто рассчитывает набить карманы, кто просто доволен необязательностью режима - и правления, и заключения. И еще: такое чувство, что кончилось время. Огромное, тяжелое, могучее, превратилась буквально ни во что. Так, собственно, бывает всегда на пресловутом *переломе эпох*. И я, наконец, успокоился, освободившись и от своего *вмерзания* в неостановимый ход событий, и от ежеутреннего превращения во что-то совсем иное. Вот, кажется, еще одно усилие, и я стану счастлив. Подождем до весны, которая сочинит нам новые правила, новые физиологические законы. Графики обновления лимфы, крови у всех, кто еще понимает, о чем идет речь. Всех, кому это еще нужно.

РАССКАЗЫ

ИЗОБИЛИЕ

Ich sih die liehte heide
In gruner varwe stan
Dar suln wir alle gehen
Die sumerzeit enphaben

_____

Я вижу лес зеленый,
Весь залитый светом
Туда пойдем мы скоро,
Чтобы встретить лето.

1.

Эта газета называлась «ЗАКИЗБ». То есть, «За коммунистическое изобилие». Но так не говорил, кажется, никто. Подписчики именовали свою районку не иначе как «бумажкой». (Примерно так:: «Слышь, Семеновна, бумажка-то была нынче? – Да нет еще, Петровна… А надо бы, вот сижу, жду…»). Свои употребляли аббревиатуру, ударяя ее последний слог. Финальная «Б» при этом пропадала, «З» смягчалась, и получалась то ли некая неграмотная «закись» (вместо закиси, например, азота), то ли настоятельное пожелание «закисить» кого-нибудь. Я бы сделал это с большим удовольствием – однако, куда там. Положим, обе дамы, входившие в регулярный состав редакции, мне подмигивали как-то по особенному - например, на юбилее у Главного, в саду под роскошными яблонями, золотыми плодами Гесперид. Но в девятнадцать лет я всего такого побаивался. Напрасно! Впрочем, всерьез интересоваться мною им было недосуг. Одна, блондинка Лариса Петровна, как раз находилась в отпуске, помогала мужу-бригадиру строить дом (получился, я уверен, огромным, светлым, красивым). Поэтому если и забегала в редакцию, то, как понимаю теперь, только глянуть на практиканта - меня. Другая, брюнетка Вероника Матвеевна (понятно, обе сразу предложили называть их просто Лара и Вера), все время моталась по командировкам. Шутка ли, был август, вовсю шла уборочная, намолот зерновых ожидался рекордным. Вообще, такого благодатного лета и старожилы не могли припомнить. Значит, будет чем питаться фуражным коровам, будет что сдавать в закрома Родины. Тем более в обстановке ускорения и оздоровления общественно-политической жизни. Не сидел на месте и наш Главный - хмурый человек в черном пиджаке и кирзовых сапогах, при очках в проволочной оправе, двадцать пять лет отработавший учителем истории в школе райцентра. Он делал в день по несколько сот километров на райкомовском «газике», заднее сидение которого, между прочим, было устлано шкурой снежного барса - добычей Первого секретаря, вряд ли законной. Раз в неделю Главный все на том же авто, содержащемся в безукоризненном состоянии, увозил приготовленные материалы в соседний райцентр, в типографию. Наутро возвращался обратно.

Редакционная же машина - темно-бордовая (редчайший цвет!) Волга-ГАЗ 21, с настоящими хромированными деталями, попавшая в газету после списания из райкома, тому лет двадцать - была все время в ремонте. Пылилась и маслилась на машинном дворе среди сеялок и косилок, имевших невероятные, просто неземные, для меня, горожанина, формы. Стальные богомолы, стрекозы, кузнечики. Огромные, нелепые, крашеный красной «пожарной» краской. Все они были необратимо изуродованы, как будто родовой травмой, потому совершать хоть какие-то целенаправленные действия не могли. Вот и прятались от глаз людских.

Наш шофер, дядя Коля, украшением которого был полный рот золотых зубов, да вытатуированные на пальцах многочисленные перстни, все рабочее время проводил, сидя на редакционном крыльце и лениво, как бы сомнамбулически, щелкая семечки. Его рубаха, некогда ярко-красная, а ныне выгоревшая до неявной розоватости, была расстегнута до пупа, обнажая растущие откуда-то снизу колокольни с куполами. Из-под замасленной кепки вились жесткие, подобные металлической стружке, кудри какого-то вороного, цыганского отлива. Редкая седина, мелькавшая в них (все-таки дяде Коле было под пятьдесят), придавала водителю несуществующей машины благородный, флибустьерский вид. Пожалуй, это были стружки очень и очень благородного металла! Какой-то вороненой платины, если бы такая существовала. Видимо, вот за это, думал я не без зависти, и любят женщины.

В общем, никого в пыльной редакции кроме нас с дядей Колей не бывало целыми днями. На меня ложился нелегкий груз разговоров с посетителями, ответов на письма трудящихся, а также работа по правке текстов, которые наскоро забрасывали на машинку Вероника Матвеевна и Главный. Машинистка, худая, коротко стриженная сорокалетняя жена начальника районной милиции, приходила дважды в неделю. Сказать мне о ней просто нечего - она на меня даже не глядела, молча протягивая руку с красивым кольцом за необходимыми материалами. Отличало ее именно это массивное кольцо старинной работы с большим камнем. Настоящий изумруд, сказала мне Лариса Петровна не без зависти, наследство прабабки-дворянки, долго не надевала, вот только с перестройкой осмелела.

Приходила еще и корректор, со странной походкой, ковыляла, вроде бы хромая сразу на обе ноги, к своему столу… Ну да о ней разговор особый. Пока обо мне. Я оказался в райцентре Т. случайно. Практикантом при этом именовался совершенно напрасно, свою журфаковскую повинность отработав совсем в другом месте, в Смоленске. Там и случилась со мной неприятная, загадочная история, которая погнала через всю страну, на родину. И еще дальше, вот сюда, почти наугад.

- Значит, журфак МГУ… Москвич. - сказал Главный, задумчиво поглядев на мой студенческий, потом снова на меня, поверх очков. И улыбнулся. – Неожиданно, но очень приятно. Я, знаете, после школы тоже мечтал поступить. В этот дом на Ленинских горах, как тогда пели. Да вот не решился – в Барнаульском пединституте отучился. А вас, ваше «хождение в народ», тягу к истокам я очень и очень понимаю. И приветствую.

Я, растроганный таким приемом, поспешил его заверить, что, хотя действительно учусь на московском журфаке, не имеющем, правда,

никакого отношения к дому из песни - в ней идет речь о Дворце пионеров, но сам-то родом из столицы края, города Барнаула, куда и намереваюсь вернуться буквально через два года. То есть, рвать корни и не думал. Неожиданно Главный замкнулся, помрачнел и с тех пор со мной, кроме как по делу, не сказал и пары слов. Только позже я понял – он боялся, что я буду претендовать на его место! Для того, дескать, сюда и прибыл, направляемый его врагами. Прежде всего – Первым секретарем райкома, с которым у Главного были свои счеты, и «газик» с барсом тот давал исключительно, чтобы подчеркнуть свое превосходство. Главный злился, но машину брал, для дела жертвуя всем. Увы, польститься на пост руководителя «Закиси» я был способен еще меньше, чем на очень соблазнительные, как припоминаю, прелести роскошно увядающих Веры и Лары.

В глубине души я рассчитывал, что смогу блистать в Т., ничего для этого не предпринимая. Уже благодаря своему столичному статусу. Не тут-то было. Впрочем, сам был виноват – в клуб на танцы не ходил, вечером мимо домов, где собирались местные девицы на вечорки, не прогуливался. Робел, что ли. Или вернее вот: не чувствовал себя соответствующим положению. Боялся, то есть, уронить честь факультета. Опять не то, какое дело мне до факультета! Я и не любил его никогда.

Да, журфак занимал ампирное здание, симпатичное, но безобразно перестроенное и даже переименованное изнутри. Тем только и был хорош. Вот клуб в Т., отдаленная родня московскому сооружению, был красив на самом деле, только стоял не на месте – средь пыльной площади, с побитым тракторами асфальтом, поблизости от убогого гипсового мемориала и статуи Ленина в натуральную величину. Уродливого сооружения, крашеного «серебрянкой». Маленький Ленин был вознесен на столь высокий пьедестал, что казался каким-то металлическим идолом, серебряным Терминатором, грозным крошкой Цахесом, парившим над Т. Что до клуба, то, как говорили, проектировал его в конце 30-х ссыльный столичный архитектор, до революции творивший особняки великим князьям. Воплощен был проект в жизнь после рекордного урожая 1938 года. Тогдашний Первый секретарь (отец нынешнего, тоже легендарного – я лично не разу его вблизи не видел, только портреты) выпросил у края немалые субсидии, потратил все до копейки на клуб. Не на больницу, не на школу. И вот мало того, что фронтон клуба украшала изысканная лепнина в стиле раннего сталинского ампира, мало того, что по клубным углам то и дело попадались псевдоантичные статуи разных размеров – даже и ложа имелась здесь, разукрашенная осыпающейся позолотой, отделанная пунцовым бархатом. А то, что у статуй не хватало частей тел, что от позолоты и бархата оставалось еще меньше, чем можно было подумать – только шло клубным прелестям на пользу. Придавало законченный декадентский вид, в разрезе которого я тогдашний – длинный, худой, в румынских кроссовках и клетчатой рубахе, потертых джинсах тож, смотрелся нелепо.

Итак, в клубе я бывал. Но вовсе не на дискотеках, которые проходили в фойе поверх разбитого, а некогда дубового, паркета. Ходил я в библиотеку, где работала наша корректор – вернее, это у нас корректором

работала единственная на весь Т. библиотекарь. Она и будет героиней этого рассказа.

2.

Но сначала – про Смоленск. Там, повторюсь, приключилась такая история, что я вынужден был бежать, бежать немедленно. Так быстро и настолько боясь оглянуться, что очутился в Т., даже не остановившись в Барнауле. Пролетев сквозь него, родной свой невеликий город, как самум пролетает по улицам, заставленным огромными пирамидами, что скрывают под шероховатой кожей несметные сокровища. И вот - я здесь, общаюсь со странными людьми, и сам странен, хотя немного в другом роде.

Еще о людях этого лета. Среди посетителей редакции самым интересным, пожалуй, был отставной бухгалтер Павел Петрович. Он ходил, шаркая ногами, обутыми чуть ли не в тапочки, вечно пребывал в каком-то старорежимном парусиновом картузе, носил под мышкой ветхого синего пиджака ободранный кожаный портфель, точь-в-точь как у Жванецкого. Однако время от времени он выуживал из внутреннего кармана пузатые золотые часы на цепочке, открывал крышку с мелодичным звуком, смотрел на циферблат. Часы были настоящим Брегетом, антиквариатом чистой воды, вывезенным из Германии, где молодой Павел служил лейтенантом в оккупационных войсках. Да и портфель, как я выяснил случайно, был самой настоящей крокодиловой кожи с золотым, давно сломанным, замочком.

Павел Петрович раньше писал стихи на случай, теперь перешел на обличительную лирику. Несмотря на это, были его вирши исполнены в тяжелых, торжественных ритмах и оснащены столь же тяжеловесными, богатыми аллитерациями, типа «золототканое зло знамен».

Прочитав что-нибудь из очередной порции столь избыточной публицистики, я, краснея и путаясь, бормотал что-то вроде: безусловно актуально, даже смело, мы возьмем для рассмотрения…но сразу не обещаем. Старик сидел, не говоря ни слова, словно вырезанный из куска какой-то особенной, негремучей, морщинистой жести. Мне показалась, что из своего угла на меня насмешливо посмотрела наш корректор Маргарита – глянула и вновь уткнулась в тексты о надоях и обмолотах.

Такая розовая волна (стыда, наслаждения, вожделения), пронизанная, словно брильянтами, блеклыми искрами, поднялась во мне, что я даже не заметил, как бухгалтер был таков, забрав, конечно, свои листы.

3.

Маргариту я повстречал, осматривая достопримечательности клуба. Последней в их ряду должна была стать длинная, но узкая комната районной библиотеки. Проблуждав по клубу почти час, я обрадовался вывеске и решительно открыл двустворчатую дверь со старинной, массивной ручкой. И впервые увидел Маргариту. Она читала книгу, склонив голову, с длинным, прямым пробором в густых, как смоль волосах, собранных на затылке в небольшую витую корону. На секунду подняла

глаза на меня, вошедшего, и снова их опустила. Кроме нас в библиотеке не было ни души. Царил непередаваемый аромат старой бумаги, выцветающей типографской краски, наконец, вечности. Можно сказать, что я провел, дыша этим воздухом, все детство и юность. Был вырван, жестоко, беспощадно, смоленской историей – и газетой «ЗАКИЗБ». А теперь – вернулся, почувствовал острый приступ счастья, понял, что я дома.

Уже потом, когда я узнал Маргариту поближе, меня поражала в ней способность понять ситуацию, верно определить черты и складки всех ее участников с одного полувзгляда. Вот и тогда она наверняка расписала весь сценарий наших с ней отношений до секунды. А вернее – увидела его по наитию, глубокому инсайту. Я-то, конечно, не догадался ни о чем, не понял ни единого намека судьбы.

Подошел к ней (а сердце уже замирало!). Спросил, что она читает, назвал тут же красавицей, кляня себя одновременно за робость и за развязность тона. Маргарита молча протянула мне книгу, вновь скользнув быстрым взглядом черных глаз, и тут же опустив их вниз, на полировку стола.

Там было написано следующее: «Скоро они полетят на ночлег в усыпальницу Великого Царя. Там почивает он сам, в своем роскошном гробу. Он закутан в желтые ткани и набальзамирован благородными травами. Шея у него обвита бледно-зеленой нефритовой цепью, а руки его как осенние листья». Последняя фраза была повторена в скобках по-английски: «Round his neck is a chain of pale green jade and his hands are like withered leaves». Это была обучающая руско-английская книга. Вот так мы и познакомились.

Даже не знаю, так сильно на меня подействовал физический недостаток Маргариты, или все было предрешено сразу, тем же опознанным воздухом. А недостаток (врожденный) был вот каков. Имея вполне развитую женскую фигуры выше бедра, Маргарита передвигалась словно вприсядку – ее ноги были ногами восьмилетней девочки. При этом, что удивительно, ходила она хоть и тяжело, хромая на обе ноги, но с какой-то грацией. Я увидел это, когда, просидев до закрытия библиотеки (в ней не появилось больше ни души), предложил Маргарите проводить ее. Она вышла из-за стола, сразу став как будто ниже, и доверчиво оперлась на мою руку. Участь моя на ближайшее время была решена.

В наших встречах с Маргаритой было что-то такое неправильное, что я сам боялся думать о них до и вспоминать после. Боялся - но делал и то, и другое. Встречаясь в редакции, мы не подавали вида, что знакомы. Причем и в том случае, если (как случалось часто) кроме нас в «Закисе» никого не было. Но вечером я неизменно спешил в ее маленький, такой аккуратный, будто пряничный, домик на краю села. Там уже ждала меня Маргарита в роскошном махровом халате невообразимых цветов, стопроцентный импорт, распустив длинные волосы. Сидя за круглым столом под репродукцией «Последнего дня Помпеи» - работа какого-то шабашника, расписавшего на редкость безобразно и потолок Дома культуры, куря сигарету с длинным черным мундштуком.

Странным образом меня не отпускало даже тогда, когда я, заполночь, возвращался, буквально шатаясь, в свою комнату, к глухой бабке-хозяйке и падал в кровать. Во сне все продолжалось, приобретая

порой самые чудовищные формы, но давая тем больший эффект. Тем более, что Маргарита потчевала меня особой конопляно-полынной настойкой, наливая ее, остро пахнущую, в крохотные граненые рюмки толстого стекла. Из кувшина, напоминавшего фаюмскую вазу. После одного глотка бесцветной жидкости силы мои удваивались, но и похмелье было ужасным. Благо, обычно я его переживал во сне, когда Маргарита вдруг превращалась в черного дракона, норовившего перекусить меня пополам. Тут я просыпался и плелся на работу.

4.

Последнее воскресенье августа было объявлено в Т. Днем Урожая. Уже приходил Павел Петрович, долго сидел, неодобрительно глядя, как я то и дело впадаю в дрему. Потом высказал, сухо шелестя, свое неодобрение по поводу новых, псевдохристианских праздников, вытесняющих настоящие, советские. Я не отозвался. Появлялась и принаряженная Лариса Петровна, спрашивала, намерен ли я посетить завтрашние гуляния перед клубом. Я только мотал головой, не отвечая. Через неделю мне надо было быть в Москве. Что делать с Маргаритой, я решительно не представлял. Но расстаться, оставить ее здесь, не мог точно.

Этим вечером, сквозь село, готовящееся к завтрашним сатурналиям, я шел к Маргарите на полчаса дольше обычного. Быстрее не мог. Да и выставленный через определенный промежуток времени вон (на этот раз раньше, чем всегда), я не смог далеко уйти. Сделав всего несколько шагов по темнеющей улице, я вернулся в Маргаритин палисадник, где ничего не росло, кроме желтых цветов на длинных ножках, и упал в них лицом, сминая. Очнулся, когда совсем стемнело. Очевидно, была полночь. Окно в доме Маргариты светилось – и совершенно машинально я шагнул к нему, к этому свету в ночи. В комнате были Маргарита и наш Главный. Он лежал прямо на полу, даже не сняв сапог и очков, и лицо его, собственно, выражало то же, что и всегда - какое-то скопческое равнодушие. Но, судя по стонам и кликам влажной, горячей на ощупь Маргариты, извивающейся сверху, наворачивающейся на него, скопцом он не был. Вполне резонно лишившись от всего этого чувств, я вновь пал на клумбу. Очнувшись снова, опять шагнул к окну. Лучше бы я этого не делал! Потому что очередным гостем Маргариты был ни кто иной, как легендарный Первый секретарь. Он, положивший Маргариту спиной на стол, был облачен в ее распахнутый махровый халат. Тут я вновь на некоторое время потерял сознание, а вернее – сошел с ума. Я смотрел на все происходящее, и никак не мог понять, в машине ли я смоленского генерала КГБ, и его безумная дочка предлагает мне немедленно, съев горсть таблеток, принять участие в «черной мессе»; в заколдованном ли я лесу наблюдаю за совокуплением хвостатого, рогатого Фавна и Нимфы накануне Дня Урожая. В разоренной усыпальнице Великого Царя присутствую при осквернении сокровищницы или подвергаюсь сеансу гипноза в известной лечебнице им.Кащенко, куда меня однажды доставили прямо с лекции по мировой экономике (и, верно, я до сих пор там). При этом иной раз мне казалось, что я нахожусь везде одновременно, наблюдая среди гостей Маргариты, сменяющих друг друга в самых фантастических оргиях, Павла Петровича, шофера Колю и даже серебряного Ленина! Так я стоял и смотрел, часы, дни, годы, пока вокруг меня все не изменилось.

Могу только предположить что стало дальше: Первый сделался крупнейшим зернопереработчиком района, дядя Коля ходит в его основных конкурентах. Главный ушел на пенсию, возится, хмурый, с домашней живностью. Павел Петрович умер, не увидев в печати ни одного своего стихотворения (и не его ли проклятие обрекло меня на все это?). Газета закрылась. Все прочие, включая Маргариту, перестали существовать.

Все развеяно, как облако пыли. Пространство опустело. Каждый получил то, что заслуживал. Не стало золота, серебра, драгоценностей, и никогда больше не упадет на нынешний серый пластик и стерильный алюминий горячее, последнее лето 80-х годов.

ПОЭТ И УЧИЛКА

1.

- А че, маманя, ты отца-то вообще любила? – хихикнув самому себе, Колька слил в рюмку остатки водки. – Или так просто, как получилось?

Старуха, не отвечая ему, возилась с посудой. Потом ушла в соседнюю комнату, плотно затворив за собой дверь. Колька, покачав головой, поискал сигарету. Кончились, надо в ларек кого послать. Мать, что ли? Она шуршала чем-то в соседней комнате, потом послышался звук передвигаемого сундука. Это был хороший знак, Колька воспрял духом. Зря, что ли, тащился в такую даль. Раскошелится мать, куда денется.

Старуха появилась, держа грубыми пальцами за самый краешек пятисотрублевую купюру. Темный платок на ее голове сбился, свободной рукой она его поправила.

- Забирай деньги, - сухо сказала она. – И до свиданья.

- Э-э, как это – до свиданья, - заупрямился Колька. – Я полдня к тебе ехал, меня всего растрясло по вашим дорогам.

- Уезжай, - твердо сказала старуха. – Автобус через полчаса. Нечего здесь тебе делать. А больше не дам.

Колька сообразил, что так, пожалуй, будет и вправду лучше. Поэтому, ворча для порядка, он быстро скидал в дорожную сумку пожитки. Как знал – не все вытащил, а то морока была бы собираться.

- И все-таки, мать, - сказал он уже с порога, - ты не права. Можно сказать, единственный сын, приехал, все дела, а ты… Будто не великий могучий все жизнь преподавала, а телкам хвосты крутила, как все эти твои подружки. Вообще чего-то ты опростилась до безобразия, я тебе прямо скажу. А еще училка.

Старуха повернулась к нему спиной. Колька ушел, не попрощавшись – но в последний момент дверью хлопать раздумал. Тут же появилась соседка.

- Анфиса Петровна, а Коля-то куда?

- Уехал он, Мария, уехал. - ответила старуха без выражения. – Через месяц приедет, как деньги кончатся, да наглости наберется. Ладно, Мария, садись, чай пить будем.

- И то, -согласилась соседка, - я, Анфиса Петровна, как знала – вот меду баночку принесла. Свежий, вчера только накачали. Будете?

- Буду, - кивнула старуха.

Последний рубль из добытых денег Колька допивал через день, сидя с бывшим однокурсником по филфаку Горловым в кафе «Росинка». Давным-давно оно было переименовано в «Рос-инкАс» - журналисты местных газет (а Дом Печати находился в двух шагах от кафе) оставляли здесь свои гонорары регулярно и беспрекословно. Горлов, полный, лысеющий и удивительно красногубый доцент местного университета, в «Росинке» был чуть ли не впервые. Зато Колька, светский человек и завсегдатай этих мест, чувствовал себя как дома. Вот только предстояло перейти деликатную черту – деньги кончились, до этого заказывали они с Горловым поровну, теперь нужно было склонить к угощению его. Но тонко и дипломатично.

- Был я тут, Саша, в деревне, у матери. Красота – ты не поверишь, какая красота! Душе раздолье и отдохновение. Прямо бы так там и остался!

- А что ж не остался? – равнодушно спросил Горлов, разрезая на мелкие доли очередную сосиску.

Коля, отведя не без труда глаза от этого зрелища (на закуску денег ему просто не могло хватить, да и глупо было их транжирить по пустякам), ответил как бы в задумчивости:

- Да все-таки, Саша, надо двигаться дальше. Выросли мы из колыбели – ну и прощай колыбель, будем топать по дорожкам. Да и дела тут у меня кое-какие…

Знавший Колькины дела, Горлов довольно-таки обидно хмыкнул. Но Кольку уже посетила блестящая идея.

- Слушай-ка, а почему бы тебе не махнуть к моей муттер? Поживешь недельку, дом у нее большой, светлый. На рыбалку походишь, по полям там погуляешь. И своего дружка малахольного прихватишь, не нравится он мне, конечно, но там ему, среди народа, самое место.

Горлов задумался. Видя, что дело склоняется в нужную сторону, Коля условленным жестом стребовал с бармена еще графинчик водки и порцию сосисок. Скромная компенсация за информационную услугу. Теперь Горлов заплатит, он на крючке. И в долг можно попросить, не теряя лица.

2.

Через неделю Горлов в сопровождении друга и ученика, молодого поэта Рязанцева, сошел в придорожную пыль с высоких ступеней рейсового пазика.

- Видишь, Саша, - заныл Рязанцев, - никто нас не встречает. А ведь такая жара, что может быть запросто и удар. Меня в автобусе вообще чуть не стошнило…

- Это от вчерашнего, - сурово ответил Горлов. – Зачем коньяк с вином мешал?

- Вот уж здесь зато кроме первача ничего не отыщем… А его я не буду.

- И слава Богу, хоть делом, может, займешься, поэмой этой своей…

Рязанцев обиженно фыркнул. Горлов не обратил на это никакого внимания. Родители Рязанцева были людьми состоятельными, ближайшие их родственники – просто богатыми. Горлову, который когда-то приехал в

город из глухой деревни, меньшей этой раз в пятнадцать, и до сих пор снимал малосемейку в городском Шанхае, общение с поэтом и его семьей доставляло интерес хотя бы этнографический. Кроме того, Рязанцев писал хорошие стихи. У самого же Горлова на носу была сдача в издательство докторской монографии, потом защита диссертации, а потом – обещанная начальством квартира. В случае чего можно было перехватить денег на обустройство у рязанцевских родителей, которые к нему относились хорошо, с доверием, а к собственному сыну – с какой-то любовной опаской. Вот и в деревню отпустили охотно именно потому, что при нем был старший товарищ. Положительный, хотя и небогатый.

Благодаря подробным Колькиным рассказам, жилище его матери они нашли без труда. Как и ожидал Горлов, дом был, вопреки обещаниям, старым, низеньким и темным. Да и колькина мать встретила их сурово, несмотря на клятвенные заверения Кольки, что «все схвачено».

- Сто рублей в сутки, - сказала старуха вместо приветствия .

- За двоих или за каждого? – деловито поинтересовался Горлов.

- Койко-место, - было им надменно отвечено.

- А питание?

- Картошки уродилось много, на всех хватит, - в том же тоне молвила хозяйка, скрываясь в доме.

Рязанцев, конечно, сразу заныл, но Горлов по-прежнему не обратил на это внимания. Он знал, что для Рязанцева – это самое творческое настроение. И вообще, писать стихи он должен был перестать, по горловским подсчетам, самое большое через два года. К двадцати семи. К этому времени главный движитель творческой силы Рязанцева, противоречие между желанием делать деньги и прославиться на литературной ниве, иссякнет окончательно. Деньги победят, и это будет для самого Рязанцева лучшим выходом. Да и литература едва ли от этого сильно пострадает.

Но пока же от него следовало ждать и получать многое. Горлов рассчитывал, что деревня этому поможет. И в данном ракурсе такое отношение хозяйки было как нельзя кстати – хорошие стихи Рязанцев должен начать писать хотя бы из духа сопротивления.

Вечером долго не могли заснуть. Жужжали комары, дневная жара никак не спадала, да и койко-места оказались парой старинных плоских сундуков, чрезвычайно жестких. Самодельные деревенские одеяла, соответственно, напоминали тонкие промокашки.

- Я понял – трагическим шепотом сказал Рязанцев, - Я, Саша, много думал и вот понял – от самоубийства зарекаться не стоит.

- Это да, - ответил Горлов, зевая. – даже и лучше – не зарекаться. Помнишь, об этом, как его там, писал – мол, вполне, реально, но все же торопиться не стоит.

- А если хочется поторопиться?

Горлов пожал плечами в темноте. В способность Рязанцева к сколько-нибудь решительным поступкам он просто не верил. К двадцати пяти годам поэт успел поучиться в четырех вузах, жениться, развестись, заиметь трех внебрачных детей – и все это совершенно по инерции. Всегда, когда что-то старое заканчивалось, сразу начиналось что-то новое. Если чему и завидовал Горлов, то вот этой способности Рязанцева вовремя

переходить в новое состояние. Хотя, если вдуматься, Рязанцев тут был совсем не при чем. Судьба, судьба к нему благоволила!

- Хочется –перехочется, - буркнул он. – Спал бы ты, Рязанцев.

Рязанцев тихо, на грани истерики, засмеялся.

- Это да, засну, и очень даже крепко.

Последнюю реплику Горлов, вскоре захрапевший на весь дом, услышал как бы невзаправду. А старуха, которой сквозь фанерную стенку все было отлично слышно, не спала до утра, слушая, как вздыхает и ворочается Рязанцев.

3.

Наутро Горлов с Рязанцевым, невыспавшимся и оттого еще более трагичным, собрались пойти погулять в близлежащую рощу. Старуха, молча поставившая перед ними тарелку с пирожками и налившая чаю, и также молча убравшая со стола после завтрака, неожиданно заговорила:

- Ты-то иди, погуляй, - сказала она Горлову. – А этого оставь, пусть человек посидит, отдохнет.

Горлова изумило даже не это предложение, но реакция Рязанцева. Тот согласился как-то слишком поспешно и уселся на лавку около ворот, демонстративно не желая делать ни шага. Горлов, пожав плечами, и прихватив необходимой толстый том, побрел к околице.

Его окликнула соседка старухи, высунувшаяся из-за своего забора.

- Что, из города, однако? К Анфисе в гости? Родня, или через Кольку ее, алкаша?

- Прямо уж и алкаша?

- Ага, значит,через него... И как там ему, в городе? Я ж помню, как вот таким мальцом бегал...

- А что вы у меня спрашиваете? У матери и узнавайте.

- Скажет она, как же... Как мужа не стало, вообще ни слова из Анфиски не выдавить. Училка, одно слово. Давеча вот мой мед съела, подчистую, и спасибо не сказала. Так хорошо, говорите, в городе живется?

Горлов подумал, что по своим статям, должно быть, напоминает местным жителям Егора Гайдара. Поэтому вести себя стоило соответственно.

- Неплохо, - сказал он солидно, - хотя, конечно, кому как.

- Да... – неопределенно сказала соседка. – Последнее время Анфиска-то совсем свихнулась, вы уж с ней поосторожнее...

А в это время старуха кормила Рязанцева свежим, только что испеченным хлебом. Поэт запивал его парным молоком, давясь, не желая прекращать своего сбивчивого рассказа, но и будучи не в состоянии оторваться от угощения.

- А разве они поймут, Анфиса Петровна, разве им знакомо это – давление написанного, а еще больше ненаписанного, вообще же никакого предела нет... Вот и кажется, что не выдержу. А как выдержать, вы подумайте сами.

- Ешь, ешь, - отвечала ему старуха. – Ничего, все обойдется.

Так началась их деревенская жизнь. Утром Горлов, вооружившись книгой и блокнотом, отправлялся на ближнюю речку, где приглядел отличный холм. Ложился в траву, и, не обращая внимания, на насекомых, увлеченно читал ученый труд, делая карандашные пометки, иногда кое-что выписывая. Так он занимался целый день, с удовлетворением ощущая, что дело продвигается нешуточно. В полдень перекусывал захваченным с собою ломтем хлеба, запивал лимонадом, купленным в ларьке (на молоко у Горлова была стойкая, еще с детских лет, аллергия). Вечером, ровно в шесть захлопнув книгу, прогуливался по пустынным окрестностям. К старухе возвращался уже часам к девяти и скоро заваливался спать.

Рязанцев весь день занимался непонятно чем. Помогал старухе по дому, сидел, выставив руки, на которые она наматывала шерстяные нитки – готовясь вязать носки для него же. Об этом Рязанцев заявил Горлову с большой гордостью. Тот, по обыкновению, лишь пожал плечами.

Кроме того, судя по всему, за домашними хлопотами Рязанцев не умолкал ни на минуту. К вечеру иной раз он совсем терял голос, оставаясь при этом очень довольным и собой, и времяпрепровождением. Нередко он, хрипя, читал Горлову новое четверостишие, а то и два. Стихи были хороши, но на удивление, с каждым днем становились все мрачнее. Горлов решил, что это и неплохо – пусть весь негатив останется в тексте, умрет в нем. От этого будет лучше и стихам, и их автору.

Однажды Горлов вернулся с полдороги – забыл ручку. Рязанцев и старуха сидели в горнице, разговаривали. То есть, слышен был голос одного Рязанцева, старуха отвечала ему что-то чуть слышно.

- А я все же уверен, что Сергей Александрович пошел на это сам! Даже если ему и помогли, хотя я в это не верю, ну вот не верю, и все, но даже в этом случае они выполняли его волю. Пусть не зная об этом, но ведь тем все и значительнее!

Старуха сказала что-то неслышное отсюда.

- Вот и я говорю: у всех кончается одинаково. Разве Рэмбо, или Лермонтов случайно погибли? Все по закону! И по справедливости даже!

Горлов покачал головой, сетуя на пылкость и студенческую поверхностность рязанцевских суждений, однако что-то его встревожило. Подумав, он понял, что именно: с момента приезда, вернее, с первой деревенской ночи, Рязанцев о самоубийстве с ним не говорил. Значит, все с училкой беседовал. Смех и грех! Горлов взял ручку и пошел к своему холму.

4.

Тем не менее, на следующий день он решил в ситуации разобраться. Поэтому уходить не спешил, гулял по двору, демонстративно сложив руки за спину. Было видно, что и Рязанцев, и училка очень ждали, когда он оставит их наедине. Особенно Рязанцев, чуть ли не руки заламывающий от нетерпения.

- А что, Анфиса Петровна, - сказал Горлов своим особенным, «Егор-гайдаровским», тоном, - чем нынче народ живет в деревне? Это я в духовном, конечно, плане спрашиваю. Что читает, что смотрит. Сериалы одни, или что-нибудь посерьезнее?

- Ты же знаешь, Саша, - сразу вылез Рязанцев, - что у Анфисы Петровны нет телевизора. Ну откуда ей про это может быть известно, да ее и не занимает такое.

Про себя Горлов, однако, отметил, что в доме нет ни одной книги. Вот это, по его мнению, для бывшей училки русского языка и литературы было куда страннее, чем отсутствие телевизора. Надо полагать, все брала из школьной библиотеки, все туда же и вернула, уйдя на пенсию. Отсутствовало у нее и хозяйство, кроме нескольких пестрых, заброшенных кур, выглядевших явно несчастными. Но чем же она развлекалось в свободное время? Или, вернее, было ли у нее другое время, кроме свободного?

- А про что, если не секрет, Анфиса Петровна, вы разговариваете с моим приятелем? Ты, Рязанцев, погоди мне рот затыкать, мне же интересно, может быть, тоже хочется с вами посекретничать.

- Нечего делать, - наконец сказала старуха. – Тебе ни к чему.

- Да, Саша! – чуть ли не с вызовом сказал Рязанцев. – Тебе было бы неинтересно!

- Как знаете, - сказал Горлов и, кивнув им, вышел из калитки. Однако все это ему сильно не понравилось. Не то, чтобы он подозревал старуху в совращении Рязанцева, этого быть просто не могло, но освободить друга из-под влияния упрямой училки, пожалуй, следовало.

- Здрасьте, Марья Петровна! – сказал он, подойдя к дому соседки. – Как поживаете?

- Да что уж, как поживаем… Не поживаем, а доживаем. - бодро ответила та. – Случилось чего?

- Что-то меня Анфиса Петровна беспокоит, - сокрушенно сказал Горлов. - жалко человека-то… Пропадает совсем.

-Анфиска-то? Не боись, не пропадет… Да что мы стоим, заходи в ограду.

Обрадованная визитом соседка прежде всего подробно расспросила про самого Горлова, его родню, жизненные планы и должностной оклад. Затем то же самое повторилось в отношении Рязанцева. Горлов терпеливо отвечал, зная, что это необходимая плата за будущую информации об Анфисе.

- ..А что Колька? – рассудительно сказал Горлов. – Учился да не доучился, работы толком нет, вот и валяет дурака, и к матери ездит поэтому редко – чем похвастаться-то?

- Нет, - со значением сказала соседка, поджав губы и сделавшись сразу похожа на Анфису Петровну. – Не поэтому ездит редко! В обиде он на мать-то, в большой обиде.

- Ну, это неправильно, - сказал Горлов. – Чего обижаться-то? Мать же всегда как лучше хочет.

- Э, не скажи, - возразила соседка, - это смотря какая мать, и смотря чего хочет. Или делает.

Разговор, наконец, становился интересным, но тут Горлова окликнули – за калиткой стоял Рязанцев, глаза его были полны слез.

- Пойдем, Саша. Мне поговорить с тобой надо…

С нехорошим предчувствием Горлов пошел за ним.

- Знаешь, Саша, я все понял… И хочу попросить у тебя прошения…Ну и попрощаться вообще…

- Чего-чего?

- Нет, ничего…Я вчера вечером дописал свою поэму, сегодня сидел с утра переписывал… Вот, возьми.

Горлов машинально взял телефонную книжку – по странной прихоти, именно в такие книжки Рязанцев очень мелким почерком записывал все свои творения.

- Что, читал уже Анфисе?

- Кому? А, нет, конечно, ей неинтересно… мы же с ней совсем о другом. Но это неважно, ты еще поймешь.

- Ладно, Рязанцев, ты что-то не в себе, - как можно спокойнее сказал Горлов. – Пойдем погуляем, ты мне почитаешь новую вещь… А завтра утречком давай-ка домой. Творческие каникулы заканчиваются, вижу, они тебе пошли на пользу.

- Да. Конечно. И все-таки, прости, Саша, пожалуйста - сказал Рязанцев, глядя вниз, в пыльную каменистую улицу. И вдруг со страшной силой выкинул ногу вперед. Удар пришелся Горлову в подбородок. Он отлетел к забору, и там уже отключился на несколько секунд, успев услышать, как ахает Мария Петровна. Не зря Рязанцев, помимо всего прочего, небезуспешно увлекался этой восточной ерундой! Мог бы вырубить на несколько часов, но и секунд ему хватило, чтобы скрыться из глаз Горлова и всех остальных обитателей деревни. Правда, потом говорили, что кто-то видел его на околице, спортивно, мощно бегущего в сторону леса. А уж там он пропал из вида окончательно.

5.

Потом, поздней осенью, когда поиски Рязанцева были прекращены по распоряжению его родителей… И еще позже, когда последняя рязанцевская поэма наделала много шума - впрочем, опять же не без вмешательства счастливого случая в виде хорошего знакомого рязанцевской семьи, московского бизнесмена-нефтяника Х., помогающего нескольким литературным изданиям и фондам… В общем, тогда, когда Рязанцев окончательно вступил в пору своего туманного существования, горловская обида постепенно улеглась. Да и на что он, собственно, обиделся? Только на то, что Рязанцев, растворившийся то ли в литературе, то ли, наоборот, в море житейском, но сделавший это очень кардинально, раз и навсегда, не взял его с собой. Обижаться на это было очень по-детски, неконструктивно.

В тот день, едва придя в себя, Горлов кинулся к дому Анфисы. Марья Петровна поспешала за ним. Старуха сидела в полутемной комнате, перед ней было разложено несколько фотоальбомов – старинных, в потертых бархатных переплетах. На ворвавшихся в комнату она не обратила никакого внимания.

- Что ты с ним сделала? – закричал Горлов. – Отвечай, училка шизанутая!

Старуха спокойно посмотрела на него и ничего не сказала. Горлов, шатаясь, вышел из дома. Почему-то он очень ясно представлял, что будет дальше. Знал, что Рязанцева никогда не найдут, знал, что виноватым окажется он, Горлов, и от него долго еще не отстанет рязанцевская родня (мафиози как на подбор)… даже успех еще не читанной им поэмы предположить смог без труда. Одного не мог Горлов решить: что теперь делать с сумасшедшей училкой.

- Вот-вот, - зашептала ему на ухо Марья Петровна, боязливо оглядываясь на дверь, - так она все время и сидит, фотографии раскладывает и складывает, а то сама с собой начнет говорить, да еще на разные голоса. С тех пор как муж ее пропал, и два старших сына. Ой, беда… Езжай хоть ты отсюда, да поскорей.

Горлов кивнул. Пожалуй, стоит уехать немедленно. Старухи он совершенно не боялся, его-то вся эта ерунда мало задевает. У него другой путь, ему ни одна дверь просто так, открытой, не давалось, все приходилось пробивать с боем.

- Только один вопрос, - сказал он через полчаса Анфисе, все так же сидевшей перед фотоальбомами. В руках Горлов, старавшийся оставаться максимально спокойным, держал обе сумки – свою и Рязанцевскую. – Чему вы, Анфиса Петровна, детей 40 лет учили? Примерно тому же, что и Рязанцева?

Старуху посмотрела на него, хотела было что-то сказать, да снова передумала. И только выходя из дома, Горлов услышал (а скорее, ему почудилось, что услышал), шелестящий ответ. «Ну да, конечно, русской литературе, чему ж еще. – сердито думал он в автобусе. – ей, родимой, только ей».

Еще через полгода, когда сделалось очевидным, что легендой-мучеником современной поэзии Рязанцеву не стать: писали теперь не о нем, а о юном и красивом рыбаке-поморе, утонувшим в сильный шторм (видно, рыбная мафия имела выход не только на нефтяника X. но и на его соперника в деле поддержания словесности, газовика Y.), Горлов зашел в «Росинку» выпить водки. А заодно и повстречаться с Колькой, который, как он слышал, в последнее время вообще кафе не покидал, помогал в уборке, да и спал прямо в чулане.

- Можно присесть? – спросил Колька. Он стал вежлив и церемонен, что, парадоксальным образом, говорило о его теперь уже безнадежном падении.

- Слышал я о Рязанцеве, - вздохнул он, выпив первую рюмку, и сморгнув ненароком слезу (впрочем, глаза у него слезились теперь постоянно). – Укатала, значит, мамаша и его. Мне вот только одному хоть бы хны.

«И мне», - хотел сказать Горлов, но, взглянув на Кольку, солидаризироваться с ним раздумал.

- А все почему? У меня батя поступал ведь в литературный институт, и поступил даже, да учиться не смог, денег не было. Ну и брательники – один под гитару свои песни наяривал, другой рассказы писал фантастические. В районной газете печатался.

- Да и ты на филфаке учился.

- Ну и что, что учился, ведь не доучился, причем сам бросил… Так, получается, и спасся.

«Ненадолго», - подумал Горлов, закуривая.

КАРАВАЙ

1.

Человек выходит из тюрьмы и отправляется туда, где у него спрятан чемодан с миллионом долларов. Дальше – для сюжета – этот миллион может быть похищен (это если с чемодана все начинается), или же его обладатель предается беззаботной жизни (если это уже финал).

Ничего такого у меня не было. Моя колония располагалась на окраине города, на промплощадке. Выйдя за ворота (которые как-то сам красил в умеренно, иззелена синий цвет), я сел на автобус и через час был в центре. Еще через полчаса – на противоположной окраине, в квартирке матери.

Все эти годы ко мне приходила только она, да могла бы и не приходить. Все равно я ничего ей не отвечал, сидел на свидании молча и смирно. Да и вообще сидел именно так. Сначала ее это расстраивало, потом злило, потом она привыкла, резонно решив, что так даже лучше. Недальние поездки ко мне для нее превратились в необременительный ритуал. Точно так же – да еще и чаще – она бы ходила ко мне на кладбище. Впрочем, я надеюсь ее пережить.

Денег ни копейки, да беды тут мало. Другим моим сотоварищам – многим из них – приходилось куда хуже. Я был сравнительно молод, крепок, четыре года пошли мне на пользу. Мать посмотрела на меня – и ничего не сказала, ушла в свою комнату. Молодец, что не стала тратиться на торжественную встречу.

На следующий день я нашел себе работу – разнорабочим на ближайшей к дому стройке. Мелкая фирма занималась реконструкцией детского сада – бывшего офиса директора этой же самой фирмы, выкупленного у него на детские нужды городскими властями. Без коррупции не обошлось, а мне и горя мало. Народу на стройплощадке было всего ничего, да и тот передвигался, позевывая. Сроки срывались, переносились, материалы привозили с опозданием…. Копеечную зарплату при этом платили в срок. Многого мне было и не нужно. Мать у меня денег не просила. Я отлично питался, купил необходимую одежду, маленький телевизор. Так прошло два зимних месяца.

Как-то раз, во время очередного перекура я стоял, прислонившись к ограде с внешней стороны. По обыкновению, ни о чем не думал, и не курил, кстати. Смотрел в скучное небо. И ничуть не удивился, когда рядом, забрызгав мне сапоги и брюки, как вкопанный остановился темно-синий внедорожник. Тонированное заднее стекло медленно открылось – и я увидел своего старого знакомого, имевшего некогда кличку Толстый Юсуф. Он, помнится, доказывал, что у него на родине такая комплекция – прямое доказательство успешности человека. Врал все, конечно. Васю жизнь он прожил здесь, перебиваясь мелким жульничеством и вот, дожил до джипа с шофером.

- Ва! – завопил Толстый Юсуф, как обычно, преувеличивая и эмоции, и акцент. – Это ж Жила! Жила, ты!

Фамилия моя Жиляков.

- Ну, привет, - спокойно ответил я. – Ты, типа, мимо проезжал? Или специально ко мне?

Судя по жестикуляции Юсуфа он так мне обрадовался, что был готов выпрыгнуть из своего автомобиля прямо в грязь. Но не выпрыгнул. Договорились встретиться на выходных в его ресторане.

- Три! – сказал он теперь вполне искренне. – Три кабака у меня, а? И будет больше! Ты нужен!

- В официанты зовешь?

- О! Ну! Какие, слушай, официанты! Дело есть! Хватит уже тебе тут прятаться!

Я пожал плечами и пошел на свое рабочее место, не прощаясь.

- Это что еще! – горячо воскликнул Юсуф после моей похвалы его заведению. Мы уже съели по шашлыку, от вина я отказался, пил чай. – Это так, ни о чем! Все сам, понимаешь, без поддержки! Свои копейки, все вот этими руками!

Пухлыми, в кольцах.

- С забегаловки, а? Помнишь? Сделал бы больше…

Он наклонился ко мне.

- Почти даром отдают мне «Центральный», понимаешь? Тот самый, старый, совковый! И будет у меня! А?

Я сдержанно поздравил.

- Нет, нет! Еще ничего нет! Мне деньги нужны, думаешь, бесплатно отдают? Да мало денег! И сколько-то уже есть! Помоги,а?

- В чем?

- В чем! В деньгах! Два миллиона, больше не надо! Будешь партнером! Обещаю!

- Два миллиона? И евро, поди? – насмешливо спросил я.

- Ну конечно! Мало? Да? Согласен?

Я отставил чашку с зеленым чаем в сторону и сказал спокойно:

- У меня нет денег.

- Ну, нет. Это не деньги, конечно! Я и говорю! Ну давай, соглашайся, Жила!

Я еще раз повторил. Он не поверил, причем искренне.

- Ты же без конфискации? А?

Я подтвердил.

- Ну и что тогда? Каравай же тебе платил? Он всем платил!

Я не знал, кто такой Каравай.

2.

Мне приснился такой сон: на операционном столе хирурги извлекают из моей грудины или верхней части живота нечто нежное, розовое, похожее на язык, или маринованный имбирь из суши-бара. Оно-то и есть самое главное, моя сердцевина и суть. Да вот испортилось, почему и следует извлечь и ампутировать.

А тюрьма мне никогда не снилась. Ни в плохих, ни в хороших снах, будто ее и не было вовсе. Да может, и правда не было.

В следующее воскресенье ко мне пришел мой бывший однокурсник, Сахаров. Неделя выдалась сложная, пришло распоряжение закончить стройку в срок. Работали и в субботу. Поэтому я спал до полудня, мать ушла в церковь или на базар, Сахаров меня разбудил. Я увидел, как он быстро, но подробно, оглядел мою маленькую, бедную квартиру, как в его глазах от удовольствия вспыхнули беглые огоньки. Больше всего на свете Сахаров любил видеть, что у других дела обстоят хуже, чем у него. При этом, когда они обстояли лучше, он сокрушался, не показывая виду – и предпринимал

все усилия, чтобы восстановить свое превосходство. Жалкие ухищрения, повод для насмешек окружающих, на которые сам Сахаров нарывался постоянно. Я был беден, и мне дела не было до сахаровского характера. Я был для него идеальным собеседником.

Он стал вальяжен, более уверен в своих силах. Купил, что хотел. Заведовал кафедрой в нашем политехе (я еле-еле закончил).

- Да, не очень тут у тебя… - сказал он с наслаждением. – Не то, что раньше. Ну ничего, поднимешься еще.

Я пожал плечами. Мы пили чай, как и с Юсуфом.

- А что, - продолжил он – правда, говорят, что у тебя припрятаны деньжишки-то?

В его небрежном тоне вдруг прозвучала опасливая нота.

- Какие деньжишки?

- Ну не знаю, какие, ха. Не нищим ты сел, не нищим и вышел.

- Откуда знаешь?

- Вот знаю. И что – правда?

Я успокоил его.

- Ну смотри, мое дело сторона… А все же говорят. И Каравай тут еще, говорят, скоро вернется.

- Откуда?

- Ну то ли не знаешь. Из Аргентины там или Бразилии… Ты с ним не переписываешься?

Опять эта опасливая нота.

- Нет, не переписываюсь.

Для чего он приходил, я и забыл спросить.

Когда вернулась мать, я уже был готов вести с ней разговор так, как надо (обычно все никак не мог найти нужный тон). Увидев это, она испугалась, забормотала что-то про купленные задешево пряники.

- Ты знаешь, кто такой Каравай? – спросил я спокойно, когда мы сели за кухонный стол. Мать, словно оттягивая разговор, хлопотала насчет все того же чая, раскладывала по бедной тарелке эти чертовы пряники.

- Кто?

- Каравай, повторяю.

- Ну…

-Так знаешь? Отвечай!

3.

Мне дали срок за мошенничество. Я почему-то знал, что не отвертеться, хотя адвокат уверял, что будет условный. Вот, мол, у Юсуфа и не такое бывало. Да у кого только не было, обычное дело - фальшивые договоры, липовые платежки. Меня даже в СИЗО не закрывали, все говорили, что это добрый знак. Но я-то знал правду. Накануне последнего заседания суда я набил своими деньгами большую синюю сумку, с какой ездили челноки (я пришел в бизнес уже в другую эпоху). Сумку согласилась спрятать бывшая жена – ей доверия больше, чем матери. В награду она получала мою бежевую «камри». Я был абсолютно спокоен, взял с собой мать на всякий случай. Как свидетеля все же и чтобы попрощалась с бывшей снохой. По дороге завернул в гипермаркет. Купить своему пацану автомобиль с радиоуправлением, давно обещал,

представится ли другой -случай - не факт. Оставил мать рядом с сумкой на заднем сидении. Когда вернулся через десять минут, денег не было. Купленный черный «хаммер» я разбил тут же, о бордюр.

Мать сбивчиво рассказывала явную чушь – кто-то открыл дверь, схватил сумку и ушел, не пряча лицо. Ничего этого не могло быть по определению. Я не пошел в милицию, ничего не сказал – и с тех пор почти ничего не говорю – и матери. И к бывшей не поехал, распорядился только, чтобы тачку забрала у подъезда материнской квартиры.

Последнюю ночь я провел в тех же стенах, где оказался сейчас. Помню, тогда было непривычно, тесно, как-то давило после моего дома, наскоро проданного за пропавшие деньги. Теперь привык.

- Кто он такой?

- Я тебя не понимаю…

- Что тут непонятного? Давай еще раз. Есть такой человек по кличке Каравай. Так? О, уже лучше. Значит, знаешь его. Теперь второй вопрос – кто он такой? Отвечай!

Мать всю жизнь отработала главным бухгалтером. И после пенсии ходила с такой горделивой походкой, хотя вроде как меня осуждала за бизнес. Потом-то, когда меня закрыли, лоск поосыпался.

- Но…это ведь твой одноклассник, Андрюша…Андрей Караваев… Твой деловой партнер…Я, правда, его не одобряла, он уж очень грубым был. А ты почему спрашиваешь?

Вот так. Я встал молча и ушел в свою крохотную комнату, крепко закрыв дверь

Я-то думал, что она скажет: Караваев это ты и есть. Слава Богу, не сказала.

4.

Не было у меня никакого одноклассника-Караваева. Тем более делового партнера. Живущего в Бразилии. Платящего мне невесть за что бабло.

Под ногами чернела пропасть, в которой колыхалось что-то густое, черное, мерзкое. Пропасть была накрыта тонкой радужной пленкой, продавливающейся под моей ногой. Вот еще раз, еще – я рухну и погибну.

Я открыл глаза и сделал шаг назад.

Главное, по движению глаз матери я понял, что она мне просто лгала.

Сейчас это была спасительная мысль.

Она – в сговоре с Юсуфом и Сахаровым – хочет свести меня с ума. Что значит – зачем? Причина найдется. Но я не поддамся.

- Если бы не тюрьма, ты бы умер, - сказала она как-то мне на свидании (я смотрел в другую сторону и не прореагировал – тем более на такую явную глупость). А она еще и повторила с убеждением:

- Поверь мне, тебя бы уже не было!

Какой бред, подумал я тогда. Тюрьма, значит, меня спасла. Перевоспитала, что ли?

История, складываясь в один узор, выглядела так. Меня подставил Юсуф – это он настучал ОБЭПу, у которого, всем известно, давно ходит в

информаторах. И адвокат был его же, липовый. «Три ресторана»!Это на мои деньги он так поднялся. Уговорить мать ему было нетрудно. Она спасти меня хочет. И деньги спасти – от моей бывшей жены, например, для матери - злейшего врага. Мать отдала сумку человеку Юсуфа, и на этом все. Теперь он испугался, что я раскопаю дело, решил сбить с толку.

А подсказал ему все, конечно, Сахаров. Со своей ухмылочкой. Чтобы уничтожить меня уже навсегда – просто так, но и свой процент получил. Это у него всегда прекрасно получалось – удовольствие и процент.

Я уснул. Мне приснилась такая мысль (мысли иногда снятся). Если вернувшись в закрытую мною же квартиру, где живу один, я не досчитаюсь слив в тарелке на кухне, из этого можно сделать ряд выводов. Куда делись сливы? Может быть, кто-то из близких заходил в мое отсутствие. Может быть, мыши. Или я сам неправильно сосчитал (что исключается, если сливы сфотографированы, но ведь может быть нечетким сам снимок).

И только в последнюю, или предпоследнюю очередь я должен думать, что сливы украдены пришельцами или хотя бы соседями, взломавшими дверь и не взявшими больше ничего.

Сумасшествие это когда я думаю о пришельцах в первую очередь.

Приснился мне и Каравай – в виде детской книжки с картинками, которую и правда мне мать читала когда-то. Так что возможно это она придумала такое имя, а может, и всю комбинацию.

Сахаров знал, что через неделю после того, как меня привезли в колонию, я пытался покончить с собой. Головой под гидравлический пресс, малоаппетитная история, хотя и с размахом. Висок помнит шероховатость холодного металла. Нажали на рубильник вовремя.

Знал, может быть, только он. Даже матери было неизвестно. На этом он выстроил всю игру. Но он ошибся, я вовсе не был сумасшедшим. Если бы хотел по-настоящему, действовал бы без такого пафоса. Возможностей – острых, режущих, пилящих - была масса.

Отчего, думал я, по мнению матери должна была спасти меня тюрьма? От гибели в разборках? Да времена уже другие. От пьянства, наркомании? Да мне не 17 уже лет.

Возможно, от окончательного нравственного падения.

Матери не нравилось, что я занимаюсь бизнесом. А вот Сахаровские занятия ее вполне устраивали. Еще одна причина, почему они вместе оказались в заговоре.

И что мне с ней теперь делать?

5.

На их просчете нужно было строить всю историю. Я действовал быстро, как во сне. Впрочем, возможно это и был сон.

Я побывал у Юсуфа, потом, уже к вечеру, добрался и до Сахарова. Подождал его около кафедры. Он пришел в шикарном пальто и с двумя ассистентками. Увидев меня, на секунду смутился, но сразу принял свой обычный вид.

- И что? – поинтересовался он, когда мы сели за шикарный же письменный стол. Все у него было шикарное. И меня это не удивило.

Я промолчал в ответ.

- Вид у тебя да, неважный, вон, руки дрожат - заметил он довольно нагло. Его это, конечно, радовало. – что с деньгами?

- По-прежнему.

- А ты знаешь, что Каравай вернулся? Ты чего побледнел, ты пей кофе, пей – подарок больших людей, такая компания нам с тобой и не снилась. Ну или тебе, уж извини.

- Где он?

-Каравай-то? Ты удивишься – а вот прямо здесь.

Пауза. Здесь?

- Да, в соседней аудитории. Ко мне как раз зашел. Не хочешь с ним поговорить, а? Ну пойдем.

Мы встали перед коричневой дверью. Сахаров откровенно издевался.

- Давай, давай, вперед. Чего боишься?

Я вошел и закрыл за собой дверь.

В комнате, конечно, никого не было.

Я сел на стул перед старым, поцарапанным столом – поди, тем же, что и в наше время.

Мне было легко. Юсуф сначала упирался, сопротивлялся, кричал, звал охрану, потом все же раскололся – сахаровская затея, сначала отжать деньги, потом сбить меня с толку. Хотели, чтоб уехал, и матери внушили, что так лучше. На самом деле – чтобы я умер. Кстати, это Сахаров забрал тогда деньги из машины.

Все поделили по-честному – на три части. Юсуф свою уже потратил, если не врет, думаю, не врет. Сахаров, кажется, тоже – хотя у него-то я спрошу. Вот сейчас выйду из аудитории и спрошу.. У матери деньги где-то спрятаны. Она отдаст, конечно. Думаю, и Юсуф отдаст, даже если потратил. То-то у него будет лицо, когда я приеду снова.

Сахаров так просто расколется вряд ли. Но с ним особый разговор. Каравай ушел и больше не вернется. Мать не виновата. Утро – или все еще ночь?